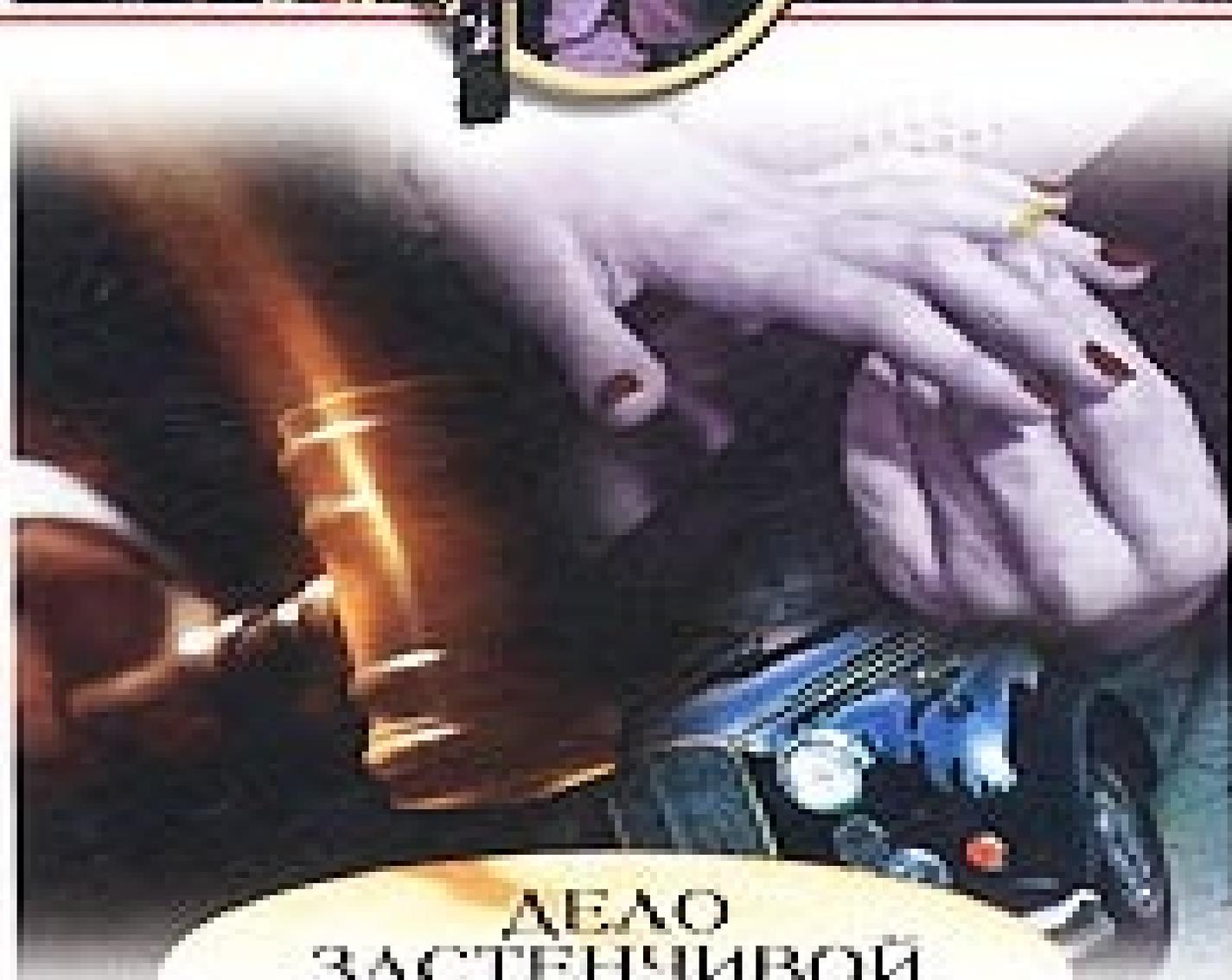

ВЕСЬ ПЕРРИ МЕЙСОН

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДNER

ДЕЛО
ЗАСТЕНЧИВОЙ
ОБВИНЯЕМОЙ

- [Эрл Стенли Гарднер](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
-

Эрл Стенли Гарднер

«Дело застенчивой обвиняемой»

Действующие лица

Надин Фарр — не потревожив напускной застенчивости и не моргнув невинными глазками, она созналась, под воздействием наркотиков, в убийстве, а после отрезвления — в шантаже...

Доктор Логберт П. Динэйр — законопослушный психиатр, который консультировался у Перри Мейсона по поводу деталей закона, которые он намеревался нарушить.

Перри Мейсон — знаменитый адвокат, настаивавший на том, что для укрепления репутации человека «бесхитростного и находчивого» ему не следует припрятывать улики, чтобы уладить вопрос с убийством.

Делла Стрит — доброжелательная незамужняя девица, помогающая Перри Мейсону, которая в случае необходимости нальет шотландского виски и даст без проволочек юридический совет.

Пол Дрейк — хотя его сначала и просят действовать помедленнее, но этот частный сыщик чувствует себя куда уютнее, когда Мейсон возвращается к привычному стилю и отдает команду двигаться вперед на полной скорости.

Мошер Хигли — злобный старикашка, который, умерев, принес еще больше бед, чем при жизни.

Джон Эвингтон Локк — жених Надин, красивый молодой химик, который предпочитает истину в лаборатории и ложь — за ее пределами, когда возникнет необходимость.

Лейтенант Пол Трэгг — добросовестный офицер полиции, который не может удержаться от легкой вспышки веселья, наблюдая за искусным поединком Перри Мейсона с окружным прокурором.

Гамильтон Бюргер — окружной прокурор, твердо вознамерившийся выиграть дело об убийстве, так и не найдя состава преступления.

Сью Ньюбэрн — дорого упакованная племянница Мошера Хигли, полагающая, что бесприютные блудные дети, вроде Надин, способны на все — от воровства чужих мужей до сочинения сказок о мнимых убийствах.

Джесксон Ньюбэрн — человек, намеревавшийся позаботиться о своих собственных интересах, в число которых входило объявление Мошера Хигли умершим естественной смертью.

Капитан Хьюго — проработав тридцать лет на Мошера Хигли кем только можно, хотел одного: уехать жить в уединенное местечко у речки, в которой нашлось бы хоть немного рыбешки.

Глава 1

Девушка, которая лежала на кушетке, вытянув левую руку, была накачана наркотиками. Рядом стоял мужчина, державший микрофон магнитофона.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Зеленый глазок магнитофона замерцал, подобно расходящемуся лучу света, фиксируя тон. Он слегка отрегулировал звук и спокойным голосом, но достаточно властно, чтобы не вызвать сопротивление в подсознании девушки, медленно повторил:

— Как тебя зовут?

Девушка пошевелилась, веки ее дрогнули. В голосе мужчины не было никакого нетерпения, только все та же спокойная, внушительная настойчивость.

— Как тебя зовут?

На этот раз губы девушки дрогнули. Дремота, навеянная наркотиками, делала голос ее невнятным. И нельзя было разобрать слов.

— Говори громче, — слышался мужской голос, проникая в ее сознание. — Говори громче. Как тебя зовут?

— Надин.

— А как твое полное имя?

— Надин Фарр.

— Надин, ты, наверное, помнишь, как ты просила, чтобы я дал тебе для проверки сыворотку истины? — Она зевнула. — Ты это помнишь?

— Да.

— Ты обещала, что будешь помогать мне?

— Да.

— Пошевели-ка рукой, Надин. Она пошевелила правой рукой.

— Отлично. Теперь подними свою правую руку, Надин. Подними свою правую руку.

Она, прилагая усилия, медленно подняла руку.

— Подними ее выше. Подними, Надин. Выше. Отлично. А теперь опусти руку. Скажи правду, ты кого-нибудь ненавидишь?

— Сейчас нет.

— Ты влюблена?

— Да.

— А ты ненавидела когда-нибудь?

— Да.

— Кто это был, мужчина или женщина?

— Мужчина.

— Кто он?

— Он уже умер.

— Надин, я твой доктор Динэйр. Ты мне полностью доверяешь?

— Да.

— Ты мне расскажешь всю правду о себе?

— Думаю, что да.

— Так ты скажешь мне правду?

— Да.

— Ты кого-нибудь ненавидишь?

— Да.

— Он мертв?

— Да.

— А когда и почему он умер?

— Он умер в начале лета.

— И как он умер?

— Я его убила, — легко и естественно ответила девушка, не думая.

Доктор Динэйр, который хотел задать очередной вопрос, отпрянул, словно получил удар. Он быстро взглянул на сиделку, стоящую у капельницы с дистиллированной водой и натриевым пентоталом. Раствор капал в вены девушки именно с такой скоростью, чтобы держать ее как бы парящей в состоянии невесомости, но в сознательности, этакой наркотической летаргии, где нельзя было призвать себе на помощь весь свой ум, чтобы солгать.

— Надин, ты знаешь, кто я? Ты веришь мне?

— Да.

— Надин, скажи мне правду, кого ты ненавидела?

— Дядю Мошера.

— Ты имеешь в виду Мошера Хигли?

— Да.

— А какой мужчина ненавидел тебя?

— Дядя Мошер.

— Он умер?

— Да.

Доктор снова быстро взглянул на ничего не выражавшее лицо сиделки, немного поколебался, а потом спросил:

— Надин, скажи правду. Как он умер?

— Я отравила его ядом.

— Где ты достала яд?

— Он был там.

— Что ты потом сделала с ядом?

— Бросила в озеро Туомби.

— В каком месте ты его бросила?

— Я бросила его с лодочной пристани.

— Ты его просто опустила или зашвырнула?

— Зашвырнула.

— Он был в упаковке или в пузырьке?

— В пузырьке.

— И пузырек поплыл?

— Я положила внутрь свинцовую дробь.

— А где ты взяла дробь?

— От дробовика дяди Мошера. Вскрыла патроны.

— Сколько их было?

— Два.

— А что ты сделала с пустыми патронами?

— Отнесла в шкаф с оружием.

— Ты рассказывала кому-нибудь об этом?

— Нет.

— Где ты достала этот яд?

Ответ девушки был неразборчивым.

— Надин, где ты достала яд?

Она шевельнула губами и стала издавать звуки, как бы пытаясь что-то сказать, а потом внезапно девушка заснула. Доктор знаками показал сиделке, чтобы та сняла капельницу.

— Надин, — позвал он, но не услышал ответа. — Надин. — Его голос стал громче. — Надин, послушай меня, пошевели правой рукой.

Но она лежала не шелохнувшись.

— Надин, как тебя зовут?

Девушка не пошевелилась. Доктор Динэйр своим пальцем приподнял ей веко, посмотрел в глаз и снова закрыл. Затем протянул руку и выключил магнитофон.

— Ей надо немного поспать, — сказал он. — Когда она станет приходить в себя, то поймет, что рассказала слишком много, больше, чем хотела. Она разволнуется и будет раздражена. Вам это понятно, мисс Клифтон? — Сиделка кивнула. — Ведь этот разговор чисто профессиональный, и вы не должны раскрывать ничего из того, что здесь слышали.

Она встретила его взгляд и спросила:

— А не собираетесь ли вы раскрыть это?

— Кому? — холодно спросил он.

— Властям.

— Нет.

Сиделка промолчала. Доктор Динэйр вытащил штепсель из розетки в стене, накрыл крышкой магнитофон и повернулся к сиделке.

— Я хочу попросить вас, мисс Клифтон, присмотреть за ней. Она должна лежать спокойно, и ее нельзя тревожить. Ей нужна поддержка. Время от времени измеряйте ей пульс. Я оставлю вам подробные инструкции, что надо делать в случае каких-либо осложнений. Вы знаете мои правила.

Сиделка кивнула.

— Я уеду, вероятно, на час или полтора, потом вернусь. Не думаю, что она придет в сознание в ближайшее время. Но если придет и захочет поговорить, не обсуждайте с ней ничего. Просто скажите ей, чтобы еще спала. Вы помните, что вы профессиональная сиделка, и не должны ничего говорить о том, что здесь произошло.

Он подождал, пока она посмотрит ему в глаза. И она с неохотой посмотрела на него.

— Хорошо, доктор, я все поняла.

Доктор Динэйр вышел из смотровой комнаты, которая была сделана так, чтобы в ней не было ничего напоминающего строгость белых больничных стен, которая может взволновать пациента. Комната была освещена только мягким отраженным светом. Воздух поддерживался на уровне нужной температуры, а стены были звукопроницаемые.

Глава 2

Когда Перри Мейсон уже собирался уйти из конторы в конце рабочего дня, Делла Стрит, его личный секретарь, сказала:

— Шеф, пришел доктор Логберт П. Динэйр. Он колотил в дверь, и мне пришлось ему открыть, хотя я сказала, что уже шестой час и...

— А что ему нужно?

— Он хочет вас видеть немедленно. И притащил с собой магнитофон.

— Я приму его. Доктор Динэйр не стал бы врываться, если бы не случилось какого-то дела крайней важности.

— Врываться? — переспросила Делла Стрит, подняв брови.

— Да, — кивнул Мейсон, — в любом случае он бы уж позвонил нам. Если уж доктор Динэйр не смог прежде позвонить, это что-то очень срочное. Приглашай его, Делла.

Делла Стрит направилась было в приемную, но Мейсон жестом остановил ее.

— Лучше я выйду встречу его, Делла. Профессиональный этикет, знаешь ли. — Мейсон оттолкнул свое кресло-вертушку, выпрямился и пошел в приемную.

— Хэлло, Берт, что за спешка привела тебя сюда? — сказал он доктору Динэйру.

Доктор Динэйр поднялся со стула, поздоровался за руку и нервно сказал:

— Перри, я хочу получить у тебя профессиональную консультацию.

— Хорошо. Давай-ка заходи. — И он повел его в свой кабинет. — Деллу Стрит, мою секретаршу, ты знаешь.

— Конечно. Здравствуйтесь, мисс Стрит.

— Она останется, если ты не возражаешь, — сказал Мейсон. — Я люблю, когда она делает записи.

— Это ничего, нормально, но должно быть понятно, что я консультируюсь у тебя как у специалиста-профессионала, и поэтому все, что я скажу, должно оставаться строго конфиденциальным. Я уверен, что могу довериться тебе и твоей секретарше. Я нахожусь в таком положении, что не знаю, что делать, и мне нужен твой совет.

Мейсон широким жестом показал на стены кабинета.

— Ты находишься в стенах адвокатской конторы, Берт. Все, что ты скажешь, будет конфиденциально.

— Предположим, что ты найдешь в этом некоторые технические ограничения закона, охраняющего доверительную информацию, — сказал доктор Динэйр. — Предположим, вдруг что-нибудь, о чем я мог бы сказать тебе, окажется в рамках одного из исключений и...

— Закон, — сказал Мейсон, — устанавливает, какая профессиональная информация должна быть конфиденциальной, Берт. Это как раз та часть его, которую я не потрудился изучить. Что же касается меня, то все, что клиент скажет мне, является конфиденциальным.

— Ну спасибо тебе, — сказал доктор Динэйр, и его холодные глаза сверкнули чуть заметным весельем. — И все же мне хотелось бы узнать о законе.

— А в чем дело-то?

— Я сейчас лечу одну молодую пациентку, которая страдает комплексом вины. Она находится в состоянии, которое я охарактеризовал бы как нервное перевозбуждение, что мы можем назвать психическим износом. Я старался вывести ее обычными способами, но не смог. У меня было такое ощущение, что она что-то скрывает. Это частенько происходит с молодыми, незамужними женщинами. И я предложил ей пройти тест с помощью сыворотки истины. Она дала согласие, и я провел его так, что он...

— Ты просто скажи, насколько эти тесты эффективны, — сказал Мейсон.

— Это зависит от того, на что ты рассчитываешь и что ты хочешь получить. С точки зрения лабораторных экспериментов, они эффективны чуть ли не в ста процентах, если иметь в виду специфическую информацию по поводу конкретных вещей. Например, если возьмем группу студентов, заставим их совершить условные преступления, и они расскажут тебе все, что сделали, стоит только накачать их одним из наркотиков сыворотки истины — скополамином, натриевым пентоталом, натриевым амиталом или любым другим, при условии, что используется подобающая техническая методика.

Но можно взять и закоренелого уголовника, который много лет отрицает свою вину то в одном, то в другом преступлении, который уже прошел все виды допроса третьей степени и через давление на следствии, — и тогда нельзя быть уверенным, к чему же ты придешь в итоге. И никто этого не знает. Мы часто получаем протесты о невинности по поводу преступления, где у нас есть полная уверенность, что этот человек виновен, и часто случается так, что, хотя он и отказывается от преступления в ходе расследования, которое могло быть просто кражей со взломом, он может случайно ослабить свою бдительность и рассказать о каком-нибудь совершенном им убийстве, которое прошло безнаказанным.

Имея дело с людьми, которые страдают ощущением вины, когда чувствуешь, что в этом есть какой-то значительный факт, пока что утаиваемый, лечение сывороткой истины является эффективным. Стоит только узнать то, о чем пациент боится рассказать, — и ты можешь быстро завоевать его доверие. В особенности это помогает женщинам. В данном случае я имел дело с молодой женщиной, уравновешенной, привлекательной, утонченной и эмоционально взволнованной. Я был уверен, что под влиянием наркотика она сознается в каком-то неблагоприятном поступке, может быть, в прерывании беременности... А она созналась, видимо, в убийстве.

Глаза Мейсона сузились.

— А почему ты говоришь «видимо»?

— Потому что в данный момент я не знаю, как оценить свои результаты.

— А не мог бы ты повторить в точности то, что она сказала? — спросил Мейсон. — Ты делал записи или?..

— Все, что она сказала, я записал на магнитофон. У тебя, конечно, возникнут кое-какие сложности, так как трудно разобрать некоторые слова. Пациентка часто бормочет и говорит невнятно, как человек, разговаривающий во сне. В этом-то и прелесть использования магнитофона. Мы можем прокрутить ленту снова и снова, пока нам не удастся разобрать сказанное. Эта молодая женщина, находясь в состоянии, когда рассказывают правду, говорила совершенно отчетливо.

— А какой наркотик ты использовал? — спросил Мейсон.

— Я предварительно дал пациентке лекарства. Потом использовал несколько наркотиков, и она впала в бессознательное состояние. Когда пациентка начала приходить в себя, я использовал слабый раствор натриевого пентотала и средство, возбуждающее психику, чтобы заставить ее говорить. Высшие корковые клетки при этом находятся в противоборствующем состоянии. Между физической летаргией и определенной тягой поболтать.

Это такая сбалансированная ситуация, которая в идеальном состоянии существует всего несколько минут, но иногда она длится значительно дольше. Это зависит от индивидуальности. — Доктор Динэйр снял с магнитофона крышку, вставил шнур в розетку, повернул выключатель и сказал: — Я хочу, чтобы ты внимательно послушал.

Перри Мейсон и Делла Стрит прослушали записанный разговор. Когда пленка домоталась до конца, доктор Динэйр щелчком переключил магнитофон на перемотку, а затем выключил

магнитофон. Закрыв его крышкой, он взглянул на Мейсона и спросил:

— Что ты скажешь?

— А что ты хочешь услышать?

— Я хочу знать о своих официальных правах.

— Для чего?

— Тогда я буду знать, что мне делать.

— Если я скажу тебе, что, согласно требованию закона, ты обязан сообщить эту информацию властям, ты это сделаешь?

Доктор Динэйр подумал какое-то мгновение, а потом сказал: — Нет.

— Почему же?

— У меня есть совесть и этический кодекс. Наши законы, касающиеся конфиденциальной информации, были приняты, еще когда не было психиатрии. Сегодня для того, чтобы лечить пациентов, врач должен знать секреты, скрытые глубоко в сознании пациента. Моя жизнь посвящена этому искусству исцеления.

— Так ради чего ты пришел, — сказал Мейсон, — если знаешь, что хочешь сделать? Это не входит в закон.

Доктор Динэйр ответил:

— Наверное, я пришел, чтобы снять с себя ответственность. И иметь возможность сказать, что советовался с адвокатом.

— Если бы я сказал тебе, — сказал Мейсон, — что, согласно закону, ты должен уважать конфиденциальное сообщение клиента и что тебе не обязательно передавать полученную информацию полиции, то ты тогда смог бы оправдаться тем, что, мол, сходил к адвокату и последовал его совету, так?

— Да, так, — ответил доктор Динэйр.

— А если бы я сказал тебе, что по закону у тебя нет никакой альтернативы и ты должен сообщить властям об известном тебе, ты бы тогда отказался следовать моему совету, а?

— Да, это верно.

— В таком случае, — продолжал Мейсон, — ты бы поставил себя в крайне уязвимое положение. Не только утаивая от закона информацию, но и зная, что ты нарушаешь закон. Ты бы превратился в фактического соучастника.

— Это проливает на ситуацию иной свет, — сказал доктор Динэйр. — Я пришел сюда, поддавшись порыву, а теперь понимаю, что в этом есть сложность.

— Да, есть, — отозвался Мейсон. — Теперь разреши тебя спросить: какова гарантия, что эта молодая женщина рассказала правду?

— Я думаю, что мы можем считать ее заявление правдивым, в особенности зная, как это было заявлено. Возможно, она рассказала а не все. Ее сознание было слишком подавлено наркотиком, чтобы разъяснить, и она инстинктивно избегала всего, требующего сильного умственного напряжения. Она сделала заявление по имеющемуся факту, а потом не смогла его детализировать.

— Или дать ему разумное объяснение? — спросил Мейсон.

— Если хочешь, назови это так. Она находилась едва на грани сознания. Ее внимание было ослаблено.

Мейсон задумался.

— Послушай-ка, Берт. А есть ли какой-либо шанс, что преступление, в котором она созналась, не является плодом воображения?

— Да, такой шанс есть, — ухмыльнулся доктор Динэйр.

— И что это за шанс?

— Небольшой, но все же шанс.

— Ты, как врач, бросился бы в полицию рассказать об убийстве, которое может быть всего-навсего галлюцинацией, стимулированной наркотиком, за что твоя пациентка вчинила бы тебе иск за клевету, за оскорбление личности, за посягательство на ее тайну и за выдачу секрета. И это испортило бы тебе карьеру как профессионалу и имело бы неблагоприятные последствия для пациентки. Если ты говоришь мне, что есть некоторый шанс, что преступление, в котором она созналась, может быть плодом накачанного наркотиками сознания, то я буду должен посоветовать тебе осторожно продолжать исследования, а твоим первейшим долгом должно стать проведение реального расследования.

— Хорошо, — сказал доктор Динэйр, в голосе которого слышалось явное облегчение, — а теперь я скажу тебе, что есть некоторый шанс, который, я полагаю, весьма слаб, что признание являлось плодом стимулированного наркотиком воображения.

— Тогда, — сказал Мейсон, — я советую тебе спокойно начать расследование.

— А поскольку я не профессионал в таких делах и неопытен в них, то я, стало быть, уполномочиваю тебя провести его.

— Конечно, Берт, — ухмыльнулся Мейсон, — у нас нет таких возможностей, которые есть у полиции. Нам придется действовать помедленнее и поконсервативнее. Мы не сможем задавать те вопросы, которые свяжут нам руки и вызовут к жизни те самые беды, которых мы стремимся избежать.

— Я полностью вверяю тебе это дело, — сказал доктор Динэйр.

— У тебя есть сиделка, которая присутствовала при этих исследованиях?

— Да.

— А какая сиделка присутствовала тогда?

— Это Эльза Клифтон. Ты ее знаешь. Высокая брюнетка с сероватыми глазами, которая...

— Я с ней знаком.

— Я не очень доверяю ей. Она загадочная личность.

— Она может рассказать, что случилось при исследовании?

— Не знаю.

— Какое медицинское лечение назначается для пациента, сознавшегося в убийстве? — спросил Мейсон.

— Ты имеешь в виду Надин Фарр? — спросил доктор Динэйр, и Мейсон кивнул. — Она мучается комплексом вины. Тот факт, что ее преступление, если тебе угодно относиться к этому подобным образом...

— Люди обычно относятся к убийству именно как к преступлению, — вставил Мейсон.

— Не забывай, — сказал доктор Динэйр, — что нам неизвестно о смягчающих обстоятельствах. И мы не знаем всех факторов, а только общее заявление о том, что сделала эта молодая леди. Она определенно чувствует, что совершила некий грех, и избежала наказания, и что это несправедливо. Она хочет понести наказание и тем самым искупить свою вину; учитывая, что она эмоционально возбуждена и обладает впечатлительным характером, подобное состояние может быть серьезным. И едва ли не самое главное сейчас, что ей нужно сознаться. И подсознательно она делает это. Весьма вероятно, что поэтому она и согласилась пройти проверку сывороткой истины. Первоочередное, что я хочу сделать в процессе лечения, это предоставить ей возможность сознаться мне, когда к ней вернется сознание. И тогда я собираюсь передать ее тебе, Перри, для признания.

— Мне?!

Доктор Динэйр кивнул.

— Конечно, — сказал Мейсон, — мне не надо говорить тебе, Берт, что мы играем с огнем.

— Я знаю, но я стараюсь помогать своим пациентам. На этом основаны мои убеждения.

— Я тоже стараюсь помогать своим клиентам. Это краеугольный камень убеждений юриста.

Несколько мгновений они молчали.

— Ну тогда ответь мне как своему клиенту, — сказал наконец доктор Динэйр, — что ты посоветуешь мне сделать?

— Я посоветую тебе непременно расследовать все факты и делать это очень осторожно.

— Прекрасно. Тогда мы с тобой скоро увидимся снова. Я приведу ее в твою контору завтра к половине десятого.

— А кто это дядя Мошер, которого она называла? Ты, по всей вероятности, знал его?

— Я слышал о нем. Он был каким-то дальним родственником. Дядей в прямом смысле слова он не был, но она делала ему визиты. Она была у него дома и во время его болезни. Мошер Хигли умер примерно три месяца назад. Присутствовавший при этом врач констатировал смерть от коронарного тромбоза.

— Вскрытие было?

— Его похоронили без вскрытия.

— Забальзамированным?

— Да.

— Из этого возникает интересный момент. Если был использован цианистый калий, бальзамирование полностью уничтожает его следы. И если не появится какого-нибудь дополнительного доказательства, что мужчина был отравлен, если не будет обнаружен пузырек с ядом и если признание молодой женщины не убедительно, то никакого состава преступления не будет. А значит, и обвинения не последует.

— А если не может быть обвинения, то мне было бы незачем сообщать информацию полиции?

— Этого я не говорил.

— Ну, такова интерпретация, которую я могу построить на том, что ты сказал.

— Не надо этого делать, — сказал Мейсон. — Я обращаю твоё внимание на определенные и достаточно важные факты. Ты хочешь, чтобы я расследовал это дело. Я готов это сделать, но если станет известно, что был применен цианид, а затем выяснится, что тело было забальзамировано, тогда власти не смогут ее осудить. И если при этих обстоятельствах ты пойдешь к окружному прокурору и расскажешь ему, что, мол, эмоционально возбужденная молодая женщина, находясь под воздействием наркотиков, призналась в преступлении, но фактически невозможно ее осуждение, да еще уточнишь, что всегда есть вероятность, что такое признание может быть результатом галлюцинации затуманенного наркотиками сознания, то окружной прокурор быстренько спровадит тебя к двери и посоветует забыть об этом деле и нигде и никогда о нем не упоминать.

— Ну, это было бы самым лучшим решением вопроса, но если там был использован какой-нибудь другой яд?

— Использованный яд должен был быть очень быстродействующим. Лечащий врач написал в заключении, что был коронарный тромбоз. Эти два фактора указывают на цианистый калий. — Доктор Динэйр кивнул, а Мейсон продолжал: — И потому я буду вести расследование. Тем временем, если тебя спросят официально, ты должен заявить, что имеешь определенную информацию и получил консультацию у адвоката, который предложил тебе провести расследование, прежде чем ты предпримешь опрометчивые и непоправимые действия. Мои личные обязанности должны быть номинальными. Мне нужно нанять следователей, и я постараюсь сделать расходы низкими по мере возможности. У мисс Фарр есть какие-нибудь

деньги?

— У нее нет, но есть у меня.

— Ну, мне не хотелось, чтобы ты оплачивал счет, который...

— Да брось ты, — сказал доктор Динэйр.

— Я в этом году высоко котируюсь. Какую бы сумму мне ни пришлось уплатить за официальные услуги, это деловой расход. На карту поставлены мое спокойствие духа, личная профессиональная репутация. Я хочу, чтобы ты взялся за работу и не жалел сил.

— Я постараюсь, чтобы расходы были самыми минимальными.

— Я же сказал, что тебе не надо экономить.

— Я постараюсь, чтобы расходы были минимальными, — повторил еще раз Мейсон. Доктор Динэйр хотел что-то сказать, но адвокат продолжал: — Это будет не так быстро, как хотелось, чтобы велось расследование, но, как частный гражданин и как врач, консультирующийся у меня в связи с делом лишенной средств пациентки, мы с тобой должны...

Доктор Динэйр неожиданно улыбнулся:

— Я тебя понял, Перри. Действуй. Делай все по своему усмотрению. Распоряжайся этим, как ты считаешь нужным.

— Что ты собираешься делать с магнитофонной записью? — спросил Мейсон.

— Насколько я понимаю, только пять человек когда-либо услышат об этой пленке: ты, Делла Стрит, сиделка у меня в конторе, Надин Фарр и я.

— Пять человек, — сказал Мейсон, выглядевший задумчивым, — это много.

— Предлагай, как уменьшить это число?

— Сейчас я это сделать не смогу, — покачал головой Мейсон. — Мне хотелось бы, чтобы твоей сиделки при этом не было.

— И мне этого хотелось бы теперь, только ведь сиделка нужна не только для того, чтобы поддерживать пациента на нужном уровне наркоза и не подвергать эмоционально взволнованную женщину воздействию наркотиков.

Мейсон кивнул, а доктор Динэйр добавил:

— Значит, увидимся в половине десятого.

От двери он помахал на прощание рукой. Делла Стрит посмотрела на адвоката и спросила:

— Нужен Пол Дрейк?

— Да, — кивнул Мейсон, — позвони ему. И узнай, может ли он прийти сюда сейчас.

Поскольку контора главы Детективного агентства Дрейка помещалась на том же этаже, что и комнаты, занимаемые Мейсоном, через несколько минут после того, как Делла Стрит положила трубку, детектив постучал кодовым стуком в дверь личного кабинета Мейсона. Делла Стрит впустила его. Он как бы вплыл в кабинет, скользнул в большое кресло для посетителей и расположился так, что один из подлокотников кресла упирался ему в поясницу, а через другой подлокотник небрежно свешивались ноги.

— Нормально, — сказал он. — Можешь открывать огонь.

— Я получил довольно специфическое дело, Пол. Тебе нужно раздобыть информацию, действуя медленно и осторожно. Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что проводится расследование. В данном случае ты не обязан обогнать время. Ты можешь обращаться с делами в более свободной манере...

Дрейк потер глаза и с силой подергал себя за уши.

— В чем дело? — спросил Мейсон.

— Мне показалось, что я сплю, — сказал Дрейк. — Обычно, когда ты вызываешь меня к себе, в моем распоряжении часы или минуты, чтобы добиться результата, и надо задействовать столько людей, сколько мне понадобится, чтобы провести запутанное расследование, и к утру

получить готовые результаты. А теперь ты мне преподносишь нечто в другом роде.

Вот именно, — сказал Мейсон с улыбкой. — Ты же всегда говорил мне, что мог бы сделать работу лучше, если бы у тебя было время и если бы не пришлось нагружать работой так много оперативников.

— Так, подожди-ка минуту. Я говорил, что мы могли бы делать работу эффективней в экономическом плане. Когда у тебя работает масса оперативников, всегда происходит известное дублирование усилий, а еще страшное нервное напряжение и, как следствие, расходы. Ты...

— Это я знаю. И хочу, чтобы ты действовал эффективно. Мне нужно узнать о прошлом человека по имени Мошер Хигли. Он жил в этом городе и умер примерно три месяца назад от коронарного тромбоза. Я не знаю, предъявил ли кто-нибудь документы на имущество, не знаю о его характере и размерах и вообще ничего. Я хотел бы знать все эти факты, имена его наследников, кто был с ним в момент смерти, когда было написано завещание, если таковое имеется. Была ли страховка? Тебе придется побеседовать с лечащим врачом, который подписал свидетельство о смерти. Я хотел бы узнать о специфических симптомах. Тебе нужно сделать вид, будто ты представляешь какую-нибудь страховую компанию.

— Мы, черт подери, и занимаемся этим хламом все время. Очень часто мы в самом деле представляем страховую компанию.

— Я думал, что у них там есть собственные следователи.

— Да, есть, но иногда они приглашают и нас на подмогу.

— Ладно, приступай к расследованию. Делай все спокойно. Пока большой спешки нет. Используй все, что можешь, в экономическом плане.

— Это я смогу, — сказал Дрейк и вышел.

На следующее утро, ровно в половине десятого, Делла Стрит сказала Перри Мейсону:

Пришел доктор Динэйр, согласно договоренности.

— А эта девушка с ним? — спросил Мейсон, и она кивнула. — И как она выглядит, Делла?

Делла Стрит какое-то мгновение поколебалась, а потом сказала:

— Хорошо выглядит.

— Что-нибудь еще?

— Застенчивая.

— Как личность недоброжелательная?

— Определенно нет, но, знаете ли, ножки у нее красивые, но она их не показывает. Изгибы тела приятные, но она их не выставляет и не покачивает ими. Очаровательные ручки, но она держит их на коленях. Интересные глаза, они выразительные, но какие-то притушенные, если вы понимаете, что я имею в виду. Но вы не поймете, пока сами не увидите ее.

Мейсон кивнул и сказал:

— Я выйду к ним, Делла.

Он вышел в приемную, поздоровался за руку с доктором Динэйром, сказал ему: «Ну, как тебе утро, Берт?» — а затем был представлен Надин Фарр. Адвокат провел их в свой кабинет, проследил за тем, чтобы они поудобнее уселись, и сказал:

— Я думаю, что интересно узнать, мисс Фарр, почему вы находитесь здесь.

Она посмотрела на него. Какое-то мгновение глаза, которые Делла Стрит определила как выразительные, но притушенные, смотрели прямо в глаза Мейсона, потом она снова опустила взгляд и сказала:

— Доктор Динэйр сказал мне, что я должна прийти. Полагаю, что это входит в комплекс лечения.

Доктор Динэйр закашлялся и сказал:

— Мисс Фарр, я, как ваш врач, чувствую, что вы встревожены чем-то. Я поставил диагноз этому беспокойству, но мне не удастся справиться с ним, пока вы не расскажете все мистеру Мейсону, одному из лучших адвокатов в этой части страны. И когда он узнает, что это такое, он, возможно, и сумеет помочь вам.

Она посмотрела на него и покачала головой как бы в растерянности.

— У меня пропал аппетит, я плохо сплю... Ну, раз уж доктор Динэйр говорит, что меня беспокоит что-то, то он прав, но, разрази меня гром, если бы я могла рассказать вам, от чего это происходит.

Мейсон посмотрел на нее задумчиво и оценивающе.

— Возможно, я могу рассказать мистеру Мейсону кое-что о том...

— Не сейчас, — резко перебил его Мейсон. Доктор Динэйр вопросительно взглянул на него.

— Мы должны понять одну простую вещь, — сказал Мейсон. — Если мисс Фарр захочет рассказать мне сама, то это должно быть конфиденциальным сообщением. Она может попросить меня быть ее адвокатом.

Надин Фарр нервно рассмеялась.

— Извините, мистер Мейсон, но я ни о чем таком даже и подумать не могу... Нет никаких оснований, чтобы мне нужно было обращаться к адвокату.

Мейсон и доктор Динэйр переглянулись.

— Есть у вас какие-либо эмоциональные затруднения? — спросил Мейсон.

— Нет.

— Вы влюблены?

Ее грудь заколыхалась, когда она сделала глубокий вздох. И ее притушенные и выразительные глаза еще раз на миг раскрылись.

— Да, — сказала она, опустив веки.

— И вам, возможно, пришлось пережить какую-то трагедию в связи с этой любовью, да? — спросил Мейсон.

Ее взгляд снова встретился с его взглядом, а потом она посмотрела на доктора Динэйра. Она беспокойно задвигалась в кресле.

— Почему вы не хотите рассказать ему, Надин? — спросил доктор Динэйр.

— Я чувствую себя подобно бабочке, наколотой на булавку, — сказала она, — и ученые изучают меня через лупу.

— Это для вашего же блага, — ласково сказал доктор Динэйр. — Мы пытаемся помочь вам, Надин.

Она глубоко вздохнула, подняла взгляд на Мейсона, и внезапно в ее лице что-то преобразилось: застенчивый характер куда-то исчез, глаза сверкнули, а ноздри слегка расширились от возбуждения.

— Ну ладно, я — бабочка! — воскликнула она. — А вы — люди, препарирующие и классифицирующие меня, но ведь я же человек! И чувства у меня сильные, человеческие! И как бы вы, люди, чувствовали себя, если бы любили кого-то, а он любил вас, а потом другой человек, обладающий страшной властью над вами, сказал бы, что вы должны уйти из жизни этого человека, навсегда исчезнуть, не оставив и следа, не имея возможности даже связаться с ним?! — прокричала Надин.

— Это уже лучше, — сказал доктор Динэйр. — Освободите сдерживаемые вами эмоции, Надин, и расскажите нам все, а после этого поплачьте, это ослабит ваше эмоциональное напряжение.

— Я не из тех, кто плачет, — сказала она. — Я всю жизнь умела не падать духом. Но вы, люди, настолько довольны своим устойчивым положением, чертовски уверены в себе, что получите от жизни все лучшее... Ну вы просто попытайтесь поставить себя на мое место.

— А кто сказал вам, что вы должны исчезнуть, Надин?

Она стала говорить что-то, но потом покачала головой. Спустя мгновение она откинулась на спинку кресла, снова став застенчивой, спокойной, готовой к самоуничтожению молодой леди.

— Это был Мошер Хигли?

— Мошер Хигли мертв.

— Я знаю, но не он ли сказал вам, что вы должны исчезнуть? И оставить человека, которого вы любите?

— О мертвых плохо не говорят.

— Он был вашим родственником?

— Не совсем.

— Но вы называли его своим дядей?

— Да.

— Вы любили его?

— Нет, — ответила она, поколебавшись мгновение.

— Вы его ненавидели?

Наступило продолжительное молчание. И вдруг она подняла глаза на доктора Динэйра.

— Для чего вам нужно терзать меня? Я обратилась к вам за помощью. И хотела получить

снотворные таблетки или что-то подобное, чтобы можно было спать по ночам. Мне нужно было лекарство, чтобы не быть пугливой. Вы устроили мне проверку с помощью сыворотки истины, а потом сказали, что я должна встретиться с адвокатом... для чего?

— Я и собираюсь рассказать вам, моя дорогая, — ласково сказал доктор Динэйр. — У вас начинается сейчас эмоциональное напряжение. Вы должны взять себя в руки, и вы должны помнить, что мы хотим помочь вам.

— Не тревожьтесь об эмоциональном напряжении, — горько засмеявшись, сказала она. — Каждое утро перед завтраком я переживаю эмоциональное напряжение. Люди помыкают мною как хотят еще с тех пор, когда я была не выше подлокотника этого кресла... Только не думайте, что у меня была мания преследования. Если бы вы знали правду о тех вещах, которые... и знали, что произошло... В общем, нет никаких оснований, почему я должна рассказывать вам, посторонним людям, о своих бедах.

— Но это именно то, что нам нужно, Надин, — сказал доктор Динэйр.

Она взглянула на него, потом как бы ушла в себя.

— Ну? — подстегнул ее доктор Динэйр после того, как она помолчала несколько мгновений.

— А что вы выяснили, когда проводили проверку сывороткой истины? О чем я рассказывала?

— Я вам скажу и дам прослушать магнитофонную запись. Вам будет трудно понять, что вы говорили, потому что временами ваш голос звучит хрипло, как у человека, разговаривающего во сне.

— Мне хотелось бы послушать, что я там говорила, — заметила она, и на лице ее ничего не отразилось.

Доктор Динэйр подключил магнитофон к сети.

— Только сейчас, пожалуйста, не говорите, не перебивайте, — сказал он Надин Фарр. — Прослушайте все это.

— Хорошо, — сказала она.

Стало слышно, как перематывается пленка, а потом голос доктора Динэйра, идущий из репродуктора магнитофона, заполнил комнату.

«Как тебя зовут?»

Мейсон мельком взглянул на Надин. Она сидела совершенно неподвижно, ее руки были сложены на коленях, ресницы опущены, лицо было спокойно и ничего не выражало. Все четверо сидели и молчали. Бобина с пленкой медленно разматывалась. Магнитофон, воспроизводивший голоса с предельной точностью, заполнил комнату звуками. Впечатление было такое, как будто они собрались около кушетки, на которой Надин Фарр, накачанная наркотиками, отвечала на вопросы. Когда ее голос буднично произнес: «Я его убила», три пары глаз уставились на молодую женщину, сидевшую в большом кресле. Выражение ее лица не изменилось, хотя ресницы и затрепетали. Наконец магнитофонная запись подошла к концу. Доктор Динэйр встал и выключил магнитофон.

— Ну? — спросил он Надин.

Она посмотрела ему в глаза, стала говорить, а потом остановилась. Доктор Динэйр мягко сказал:

— Мистер Мейсон — адвокат, он хочет помочь вам. Поскольку я вас отчасти знаю, то чувствую, что сказанное вами, возможно, неточно или там присутствовали смягчающие обстоятельства.

— И что же вы собираетесь делать? — спросила она, не сводя глаз с доктора Динэйра.

— Я собираюсь помочь вам, моя дорогая.

— Вы хотите пойти в полицию?

— Пока нет, мисс Фарр, — ответил Мейсон. — Доктор Динэйр посоветовался со мной, узнав у меня, что он должен делать. Я сказал ему, что, как врач, он не имеет права утаивать данные о совершении серьезного преступления, но вы его пациентка, и его долг — защищать вас и вашу конфиденциальную информацию.

— Это довольно-таки противоречивое заявление, вам не кажется?

— Ну, его можно так истолковать, — улыбнулся Мейсон. — Нам кажется, что, прежде чем предпринять что-то, мы должны провести расследование. И возможно, вы могли бы помочь нам в этом. Видите ли, мисс Фарр, доктор Динэйр — мой клиент.

Она обвела их обоих взглядом, потом вскочила с кресла.

— Вы хотите что-то сказать? — спросил Мейсон.

— В конце концов, моя дорогая, — сказал доктор Динэйр, — вы не можете справиться с внутренним эмоциональным напряжением. В мире нет таких наркотиков, которые могут вылечить вас. И существует только одно лекарство, которое может вылечить вас, — это освободиться от внутреннего эмоционального напряжения. Пока вы находились под воздействием наркотиков, вы дали нам что-то вроде ключа к тому, что вас беспокоит. И теперь, если вы, возможно, расскажете нам остальное...

Она подошла к доктору Динэйру, взяла его руку и умоляюще посмотрела ему в глаза.

— Доктор, — сказала она, — не могу ли я... не могу ли я получить сутки на то, чтобы все обдумать?

И внезапно она разрыдалась. Доктор Динэйр, мигом встав, многозначительно взглянул на Мейсона и кивнул. Потом он мягко обнял ее за плечи и успокаивающе похлопал.

— Все в порядке, Надин, мы ваши друзья и стараемся помочь вам. Вы испытываете такое эмоциональное бремя, которое не смогло бы вынести ни одно живое существо, нервная система которого столь же чувствительна к колебаниям, как ваша.

Она отпрянула от него, схватила с кресла кошелек, открыла его, достала оттуда носовой платок, вытерла глаза, высморкалась и сказала:

— Если бы вы только знали, как я ненавижу плакс. Думаю, это я плакала за... ну я даже не знаю, когда это было в последний раз.

— Возможно, в этом одна из ваших бед, — мягко сказал доктор Динэйр. — Вы пытались быть слишком самостоятельной, Надин. Вы пытались сражаться со всем миром.

— Нет, это весь мир сражается со мной. Теперь я могу идти?

— Я тоже собираюсь уходить, Надин. Вы можете поехать со мной.

— Я не хочу ехать с вами.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы мне сейчас задавали еще вопросы.

Она направилась к двери, потом вернулась назад, чтобы пожать руку Перри Мейсону.

— Я знаю, что вы считаете меня неблагодарной, но это не так. Я думаю, что вы... что вы великий человек. — Потом она улыбнулась Делле Стрит: — И вас я очень благодарю, мисс Стрит, за симпатию в глазах. Я рада, что познакомилась с вами, люди. Я сожалею, что не смогла объяснить... нет, не сейчас.

Она повернулась и с высоко поднятой головой вышла из кабинета. Доктор Динэйр пожал плечами.

— Под завесой застенчивого характера она чертовски сильный боец, — сказал Мейсон.

— И я бы это повторила вместе с вами, — сказала Делла Стрит.

— А ты-то что теперь думаешь, Берт? — спросил Мейсон доктора Динэйра. — Думаешь, она могла совершить убийство?

— Я и сам хотел бы это знать. Предполагается, что я должен кое-что смыслить в психиатрии, но эта девушка поставила меня в тупик.

Мейсон показал на магнитофон и сказал:

— Ты держи эту запись в безопасном месте.

— А между тем, — спросил доктор Динэйр, — каков мой формальный статус?

Перри Мейсон подумал над его вопросом и ответил:

— С формально юридической точки зрения ты уязвим, но практически ты чист, поскольку пришел ко мне, следуешь моим советам, и мы с тобой расследуем это дело... и есть еще одна вещь.

— И что это за вещь?

— Чтобы никто другой не выяснил, что скрывает магнитофонная запись.

Глава 4

На следующий день, после того как состоялся разговор Мейсона с доктором Динэйром и Надин Фарр, Делла Стрит торопливо вошла в кабинет Мейсона. Он в это время разговаривал с клиентом, но, уловив настойчивость кивка Деллы Стрит, он извинился перед клиентом и последовал за ней в юридическую библиотеку. Она показала на телефон.

— Звонит доктор Динэйр. Ему нужно, чтобы я срочно разыскала вас. Я пообещала вызвать вас со встречи.

Мейсон кивнул, взял трубку и поздоровался.

— Перри, — сказал доктор Динэйр, голос которого был резким до хруста и профессионально деловым, — пожалуйста, минутку послушай меня не перебивая. Ты меня слышишь?

— Слышу. Продолжай.

— Я боюсь, что моя чертова сиделка проболталась. С полчаса назад, когда меня не было на работе, появились полицейские с ордером на обыск. И с повесткой на имя Эльзы Клифтон, где специально была указана магнитофонная запись с голосом известной тебе пациентки, где она сознавалась в каком-то убийстве. Они потребовали выдать им эту запись. Я считаю, что они тщательно рассчитали свой приход, когда меня не было на работе. Не прошло и пяти минут, как я ушел, когда появились полицейские. Эльза Клифтон выглядела совершенно изумленной. Она не знала, что ей делать. И она отдала все, что они просили.

— Магнитофонную запись?

— Да. Она у них.

— А где Надин Фарр?

— Здесь, со мной. И вот что, Мейсон, полиция чертовски отвратительно себя ведет, сказав Эльзе Клифтон, что я могу быть обвинен в фактическом соучастии и они хотят проделать что-то в этом роде. Ты будешь защищать мои интересы?

— Скажи Надин, чтобы держала рот на замке, — сказал Мейсон. — И сам держи свой рот закрытым.

— Это понятно.

Так вот, я хочу, чтобы ты и твоя пациентка на некоторое время скрылись из поля зрения.

— Они приходили за ней..

— Пускай приходят. Я должен поговорить с ней раньше, чем они ее схватят. А пока мне надо сделать кое-что важное. Кто-нибудь знает, что ты консультировался у меня?

— Не думаю. Нет никаких намеков на то, что у кого-то есть такая информация.

— Посади девушку в такси и привези сюда. Но не выходи из машины. Делла Стрит, мой секретарь, будет ждать на улице. Она подсядет к вам в такси и отвезет в свою квартиру. Надин Фарр ненадолго может остаться там.

— А сам ты не мог бы поехать туда с нами, Перри? — спросил доктор Динэйр. — Я хотел бы поговорить с тобой о...

— Ты поговоришь со мной позже, — сказал Мейсон. — Жди там. — Адвокат повесил трубку и повернулся к Делле Стрит. — Иди в кабинет, — сказал он, — и скажи клиенту, который там сидит, что меня вызвали по важному делу. А сама спускайся вниз и жди на мостовой. Доктор Динэйр вот-вот подъедет. С ним должна быть и Надин Фарр. Садись к ним в такси и вези их в свою квартиру, а там жди, пока я с тобой не свяжусь.

— Отлично.

— Никто не должен знать, где вы находитесь.

— Да, но как быть с нашей конторой?

— Пускай работает Герти на коммутаторе, она справится со всеми делами, а Джексон, юрист-секретарь, с текущими. А я скроюсь, пока не приеду к тебе на квартиру.

Делла Стрит посмотрела на него, что-то обдумывая.

— Вы, очевидно, немного подумали над этим делом со вчерашнего дня.

— Я чертовски много размышлял, — сказал Мейсон.

Он подхватил свою шляпу и вышел. Прыгнув в автомобиль, Мейсон осторожно втиснулся в поток уличного движения. Следя за всеми знаками ограничения скорости, не делая ничего такого, что могло бы обратить на него внимание, он вырулил на автостраду, взобрался на предгорье позади Пасадены и понемногу доехал до озера Туомби. Несколько рыбаков ударили рыбу на озере с лодок. Мальчишки плескались у лодочной пристани. Он подобрал с земли камень, дошел до конца пристани и неуклюжим движением руки швырнул камень так, как сделала бы это женщина. Потом он пошел обратно, к берегу, и прогулочной походкой подошел к купающимся четверем мальчикам и окликнул их:

— А как вы, ребята, смотрите, чтобы заработать по пять долларов на нос, а?

Их глаза заблестели. Мейсон достал из кармана сложенные банкноты, вытащил четыре пятидолларовые бумажки и раздал каждому.

— Итак, — сказал он, — тот, кто найдет то, что мне нужно, получит еще двадцать долларов.

— Здорово, мистер, а что вам нужно-то?

— Давайте-ка пройдем к краю лодочной пристани, — сказал Мейсон.

Адвокат широкими шагами прошел туда, а мальчишки потрусили рядом, стараясь не отставать от него. У ограждения пристани Мейсон сделал вид, что бросает.

— Кто-то бросил отсюда маленькую бутылочку, — сказал он, — в которой было несколько дробинок. Мне нужно найти ее. Какая глубина футах в двадцати пяти от пристани?

— Да футов десять будет, — сказал один из мальчишек.

— А дно какое?

— Песчаное.

— Сумеете найти?

— Конечно, сумеем, — сказал один из мальчиков, прилаживая защитные очки и надевая на ноги резиновые ласты.

— Отлично. Ну, давайте.

И адвокат отскочил, чтобы уклониться от брызг, когда энергичные, полные молодой силы тела почти одновременно врезались в воду. Один мальчик вынырнул на поверхность, откинул голову назад, чтобы отбросить с глаз мокрые волосы, сделал глубокий вдох, потом приподнялся и снова ринулся в глубину. Затем вынырнул другой, потом еще один и, наконец, четвертый. А потом они снова исчезли, делая второй, и третий, и четвертый нырок. И только после седьмого погружения из воды появился один из мальчишек, тут же издав торжествующий крик. В его руке был небольшой пузырек.

— Ну что, нашел? — спросил Мейсон.

— Нашел.

— Давай его сюда.

Мальчик поплыл к пристани. Мейсон ухватил его за мокрую скользкую руку и втащил на пристань. Остальные мальчики, поняв, что поиски завершены, тоже подплыли туда, отчасти удрученные.

— Как твое полное имя? — спросил Мейсон мальчика.

— Артур З. Фелтон.

— Сколько тебе лет, Артур?

— Двенадцать, тринадцатый идет.

— А где твой дом?

Мальчик махнул рукой по направлению на юг.

— Твои родные знают, что ты здесь?

— Я пришел сюда с одним из старших ребят.

— А телефон дома есть?

— Да.

— И где твоя одежда?

— В машине другого мальчика.

— Возьми свою одежду, — сказал Мейсон. — И пошли со мной в машину. Мы позвоним твоим родным, что ты еще немного задержишься... и... Ах да, вот твои двадцать долларов.

Мальчик подозрительно посмотрел на него.

— Мои родители говорили, чтобы я никуда ни с кем не ездил.

— Я Перри Мейсон, адвокат. Эта бутылочка — улика в одном деле.

— Вы адвокат Перри Мейсон? — Мейсон кивнул. — Вот здорово, а я про вас слышал.

— Я думаю, нам лучше поехать к твоему дому и рассказать маме, куда мы направляемся. Это, может быть, будет и лучше, чем звонить по телефону.

— Хорошо, мистер Мейсон. Вот ваша бутылочка.

— Не моя бутылочка, а твоя. Держи ее покрепче, Артур. Следи, чтобы она оставалась у тебя. Я не хочу касаться ее. И я не хочу, чтобы кто-нибудь еще касался ее. Она твоя.

— Почему?

— Она твоя, — повторил Мейсон, — и находится у тебя на хранении. Это улика. А теперь давай-ка сходим за твоей одеждой и пойдем в мою машину.

— Ах ты, черт, — воскликнул Артур Фелтон, — я же не могу сесть в машину. Я весь мокрый.

— Это не имеет никакого значения, — сказал Мейсон. — Ты, может быть, и не единственный, кто весь мокрый, — добавил он загадочно.

Герман Корбел, химик-консультант, приветствуя Перри Мейсона, протянул ему руку.

Его полноватое лицо излучало радушие, на высокий лоб сдвинута была черная ермолка, под которой из-за очков с толстыми стеклами выглядывали ясные глаза.

— Так-так-так, — сказал он.

— Давненько я на тебя не работал. Разве нет?

— Не так уж и давно, — сказал Мейсон. — Всего два года прошло.

— Ну и что же это на сей раз?

— Мистер Корбел, — сказал Мейсон, — вот это Артур Фелтон, который нашел одну вещь.

Мне бы хотелось, чтобы он рассказал тебе сам, где он это нашел.

— Ну-ну, — сказал Корбел, наклоняясь вперед. — И что же там у тебя есть, мой маленький друг?

Артур Фелтон был слегка напуган, но голос его был твердым. События для него развивались слишком быстро, и он изо всех сил пытался воспринимать их спокойно.

— Я и еще несколько мальчиков купались в озере Туомби, — сказал он, — а мистер Мейсон подошел и сказал, что кто-то бросил бутылочку с пристани, и просил, чтобы мы нашли ее. Он дал нам всем по пять долларов, чтобы мы ныряли. И когда я нырнул в седьмой раз, я нашел ее и получил двадцать долларов.

— Где эта бутылочка? — спросил Мейсон.

— Она у меня с собой.

— Ты достал ее из воды?

— Да.

— И где она была с тех пор?

— У меня в руке.

— Ты заезжал домой?

— Да, сэр.

— И там вытерся, переоделся и надел обычную одежду?

— Да, сэр, верно.

— И что ты делал все это время с бутылочкой? Она у меня в руке, как вы мне велели держать ее.

— Правильно. А теперь я хочу, чтобы бутылочка была помечена так, чтобы ты мог снова узнать ее.

Мейсон взглянул на Германа Корбела. Тот протянул руку к ящику стола, выдвинул его, извлек оттуда колбу с бесцветной жидкостью и небольшую кисточку из верблюжьего волоса.

— Только не вылей ничего на себя, — предупредил он, а потом сказал: — Мой юный друг, в этой колбе налита кислота. Будь внимателен и не пролей ни капли себе на кожу. Окуни осторожно внутрь колбы кисточку, пока не извлечешь оттуда часть кислоты, да, вот так, дай кисточке разглядиться до полной мягкости, а теперь мы перевернем эту бутылочку доньшком вверх, и ты напишешь какую-нибудь цифру или инициалы.

Мальчик написал свои инициалы: «А. Ф.». И под действием кислоты доньшко стало белым, как молоко.

— А теперь, Корбел, — сказал Мейсон химику, — вытравь собственные инициалы на пузырьке, но так, чтобы ты всегда смог узнать их, и я хотел, чтобы ты сказал, что там внутри.

— Об одной вещи я могу сказать сразу: в ней дробинки.

— Да. А что там еще?

- Какие-то белые таблетки.
- Выясни, что это за таблетки.
- Как быстро это нужно сделать?
- Как можно быстрее.
- А как мне тебя разыскать?
- Я сам буду звонить каждый час, пока мы это не выясним.
- За несколько часов это сделать нельзя.
- И даже если повезет?
- Если только очень повезет.

— Ну тогда, — сказал Мейсон, — пусть тебе очень повезет, потому что времени у нас очень мало.

Мейсон отвез Артура Фелтона домой, объехал квартал, удостоверился, что никто за ним не следует, и поехал на квартиру к Делле Стрит. Он позвонил, и она распахнула дверь.

— Какие-нибудь новости? — спросила она, запыхавшись.

— Кое-что есть, — уклончиво ответил Мейсон. Доктор Динэйр поднялся и пошел навстречу.

— Перри, твои дурацкие законы заставляют чувствовать себя преступником.

— Это не законы, а полиция.

Надин Фарр вышла, чтобы пожать Мейсону руку.

— Я вам причинила неприятности, да?

— Неприятности, — ухмыльнулся Мейсон, — это мой вечный спутник. Делла, доктору Динэйру и мне надо будет пройти на кухню для частного совещания. А ты посиди здесь с мисс Фарр.

Делла с тревогой посмотрела на него.

— Все в порядке? — спросила она.

— Дела идут, Делла, — сказал Мейсон, — но, возможно, они идут и у других людей. В данный момент мы немного впереди.

Он позвал доктора Динэйра и первым пошел на кухню Деллы Стрит.

— Мейсон, — сказал доктор Динэйр, — ничего хуже придумать было нельзя. Девушка не такая, чтобы совершить убийство. Она не...

Ты думаешь, что яда не было? — перебил его Мейсон.

— Я думаю, что яд был, но убийства не было, — медленно сказал доктор Динэйр.

— Объясни-ка все поподробнее.

— Я пока еще не раздобыл все факты. Имея дело с таким пациентом, необходимо действовать не спеша. Сначала надо завоевать ее доверие, потом вести исследование мягко, но настойчиво, пока все не прояснится. Когда девушка пришла сегодня в мою контору, она была готова к разговору. К сожалению, события изменились, и мне пришлось вести с ней разговор в такси. Это, черт подери, еще то местечко для профессиональной беседы. Информация, которую я получил от нее, была весьма поверхностной и неполной.

— Но кое-что ты все же получил? — спросил Мейсон, и доктор Динэйр кивнул. — Ну тогда давай открывай секреты.

Надин Фарр была влюблена в Джона Локка, но Мошер Хигли стал всячески мешать этому союзу. Он настаивал на том, чтобы Надин Фарр исчезла и никогда больше не поддерживала связь с Джоном Локком.

— Мошер Хигли был ее родственником?

— Она называла его своим дядей. Это была одна из форм вежливости, но никакого кровного родства не было. Она жила с ним около двух лет, пока он не умер, ухаживала,

заботилась о нем. Он был больным человеком.

— А возраст?

— За шестьдесят.

— У него были какие-нибудь романтические коллизии... я имею в виду — с Надин?

— Точно знаю, что нет Они ненавидели друг друга.

— Ну и что случилось потом?

— Он имел на нее определенное влияние, но пока я еще не выяснил, какое именно, но надо будет еще разок исследовать ее под воздействием наркотиков. Я должен буду узнать до конца ту зацепку, которую я получил во время первого исследования. Я бы это сделал в первый раз, если бы был уверен в сиделке, но мне не понравилось выражение ее лица. Она помолвлена и скоро выходит замуж за детектива из полиции.

— Ах ты, черт! — воскликнул Мейсон.

— Вот то-то и оно, — сухо прокомментировал доктор Динэйр. — Итак, Перри, слушай. Мошер Хигли был жестоким, властным, упрямым и черствым человеком. Он определил для Надин крайний срок. Она должна была исчезнуть и никогда больше не поддерживать связь с Локком. Бедная девушка не могла согласиться с таким решением и хотела покончить с собой. Она достала таблетки цианистого калия.

— Где же она их достала?

— Это довольно странно, — сказал доктор Динэйр, — но она достала их у... нет, скорее через Джона Локка, молодого человека, которого она любила.

— Это как же?

— Локк — химик и работает в химической лаборатории. Однажды ночью, незадолго до смерти Хигли, у нее было свидание с Локком. Ему надо было работать ночью. И он взял ее с собой в лабораторию и показал там все, как сделал бы любой молодой человек, а ей было интересно, где он работает, что естественно для любой молодой женщины в таких обстоятельствах. В лаборатории Локк занялся работой и предупредил ее насчет определенных бутылочек, в особенности банки с маленькими белыми таблетками, где находился цианистый калий. Таблетки были смертельными. И он ей сказал, что она не должна поднимать крышку и нюхать.

Конечно, он не знал, что она доведена до отчаяния. Хигли дал ей на размышление двое суток, после чего она должна была исчезнуть, уйти из жизни Локка навсегда.

— У Хигли, наверно, была страшная власть над ней, — сказал Мейсон. — Есть ли какие-нибудь соображения, что бы это было?

— Вероятно, у нее было неприглядное прошлое.

— Она выглядит очаровательным ребенком.

— А кто это знает? Ты, должно быть, слышал некоторые из историй, рассказанных мне молодыми девушками.

— Я знаю, — нетерпеливо сказал Мейсон. — Времена меняются. Нормы поведения в настоящее время отличаются от тех, которыми ты когда-то руководствовался, но независимо от того, совершила ли она этот проступок или нет, выглядит она приятной, свеженькой, такой очаровательный ребенок.

— Возможно, она и в самом деле очаровательная девушка, согласно твоим стандартам и моим, но ничего нельзя знать наверняка. Может быть...

Он оборвал себя и пожал плечами.

— Хорошо, давай дальше. Что там с общей ситуацией?

— Мошер Хигли был больным человеком, прикованным к своей кровати. Это был толстый мужчина, который быстро сбрасывал вес, следуя указаниям врача. Он сидел на строгой диете,

однако не всегда твердо ее придерживался. Он мошенничал, когда думал, что это может сойти ему с рук. Больше всего ему хотелось горячего шоколада. Он понимал, что не может продолжать пить горячий шоколад, если пытается сбросить вес, но разработал одну уловку, которая на вид была подходящей. Он брал шоколад без сахара, смешивал его с сухим молоком, бросал туда несколько таблеток заменителя сахара. Надин готовила для него эту бурду. Она держала эти продукты припрятанными на кухне, на определенных полках в укромном уголке.

Но вот она доведена до отчаяния и собирается покончить с собой. В это время Джон Локк показал ей банку с ядовитыми таблетками. Ей нужен был яд. Она дождалась подходящей минуты, когда Джон был занят в дальней части лаборатории, залезла в банку с ядом и положила горсть таблеток в свой носовой платок, который завязала узлом и сунула в карман пальто. Когда она добралась домой, то сначала решила, что должна принять таблетки немедленно, но Хигли-то дал ей срок в сорок восемь часов. И она захотела взять эти сутки, все счастье, которое сможет, то есть дотянуть до последней минуты, чтобы видеться с Джоном Локком в течение этих двух суток. Мы видели эту молодую женщину, по уши влюбленную и готовящуюся убить себя. Ей нужен был пузырек для таблеток с цианидом, но пузыречка у нее под рукой не было, зато там на кухне была пустая бутылочка из-под сахарного заменителя. Она взяла пустую бутылочку, бросила туда таблетки с цианидом и поставила ее в своей комнате.

— И что же потом! — спросил Мейсон с некоторым скептицизмом в голосе.

— Потом она виделась с Джоном Локком каждую минуту, как представлялась возможность. Наступило утро рокового дня. Назначенное ей время истекло в семь часов вечера. Незадолго до полудня Хигли напомнил ей об этом, а заодно попросил чашечку шоколада. Она пошла на кухню и приготовила шоколад, который принесла ему. Выпив его, он вдруг начал задыхаться. Затем посмотрел на нее и сказал: «Ах ты, проклятый поросенок! Мне бы надо было догадаться об этом. Ты меня отравила!» Он попытался кричать, но смог произнести только нечленораздельные булькающие звуки. Он ощупью нашел электрический звонок для вызова сиделки и вцепился в него. Началась судорога, он упал спиной на кровать, потом сумел подняться и снова сесть и ухватиться за звонок. Чашка с остатком шоколада в ней выпала из его рук на пол и разбилась.

Перед тем как появиться сиделке, прошло несколько минут, потому что Надин ее подменяла в полуденное время, но Хигли уже не мог говорить. Надин бросилась к телефону и вызвала врача. Он приехал, сказал, что Хигли умер, и написал свидетельство о смерти, считая, что причиной явился коронарный тромбоз. Пролитый шоколад с пола вытерли, разбитую чашку выбросили, а Хигли похоронили. Сама Надин Фарр при первой возможности бросилась в свою комнату и принялась искать бутылочку с таблетками цианистого калия. Ее не было. В панике она побежала на кухню и нашла там две бутылочки. Почти полная с сахарным заменителем стояла у задней стенки полки, а другая, с таблетками цианида, которые она выкрала из лаборатории, стояла перед первой бутылочкой. Кто-то так ловко все подстроил, что она сама убила Мошера Хигли.

— И, стало быть, она взяла бутылочку с таблетками цианида и выбросила ее? — спросил Мейсон.

— Да, верно. Она сунула бутылочку в свой кошелек и была уверена, что врач непременно обнаружит, что Мошер Хигли отравлен. Она хотела во всем признаться, но, к счастью, решила подождать, потому что боялась, что, если она расскажет о таблетках, то это может принести неприятности Джону Локку. Врач дал ей успокоительное и уложил спать. Проснувшись, она обнаружила, что все — и врач, и сиделка — считают, что Хигли умер сам, естественной смертью. Для нее это выглядело случаем, посланным небесами.

У Хигли в доме была комната для оружия. Там по стенам висели ружья в таких штативах и

еще были полки для патронов. До того, как он совсем слег, он временами немного охотился. Надин пошла в эту комнату и взяла такие маленькие плоскогубцы с вытянутыми концами, чтобы вытащить дробь из патронов к дробовикам. Потом она бросила дробь в ту же бутылочку, а ближе к вечеру отнесла ее на озеро Туомби, ну и...

— А откуда она узнала об озере? — спросил Мейсон. — Так это же место, куда молодые парочки ходят обниматься. И они с Джоном Локком тоже бывали там время от времени. Это что-то вроде места для любовных забав. Она забросила бутылочку как можно дальше. Надин Фарр терзали муки совести. Инстинкт подсказывал, что надо сидеть смиренно, а совесть призывала говорить, поэтому внутри нарастало эмоциональное возбуждение, которое имело неблагоприятные последствия. Она не могла спать, стала нервной и пугливой, потеряла аппетит, похудела и стала вообще больной. Джон Локк настоял на том, чтобы она показала врачу. Она обратилась к общепрактикующему врачу, который и направил ее ко мне. Вот тебе и вся история.

Это, черт возьми, та еще история, — сказал Мейсон.

— Что означает твое замечание?

— А ты взгляни на это так, как сделают присяжные. Когда она находилась под воздействием наркотиков в процессе проверки сывороткой истины, она рассказала тебе, что ненавидела Мошера Хигли, а тот ненавидел ее, и она отравила его и выбросила яд в озеро. А теперь выходит, что у Мошера Хигли была возможность разрушить ее романтическую связь. Наверно, в его распоряжении была настолько компрометирующая информация, что она даже не попыталась бороться за свои права. Он приказал ей исчезнуть и отказаться от человека, которого она любила, и назначил ей для этого двое суток. Но до истечения этого срока Мошер Хигли умер. Он был отравлен рукой девушки, цианидом, который она выкрала из лаборатории, где работал ее жених. В своих предсмертных словах Хигли обвинил ее в том, что она отравила его. Она знала, что сделала, она взяла остатки этого яда, положила в бутылочку дробинки, поехала на озеро Туомби и бросила туда бутылочку.

— Ну, если смотреть на все это подобным образом, то это звучит совсем плохо, — согласился доктор Динэйр. — Но, Мейсон, боюсь, я склонен верить этой девушке.

— К сожалению, я не могу внушить твое мнение присяжным.

— Но в том виде, в котором ты представил, все это, конечно, выглядит плохо.

— Да, плохо, — отозвался Мейсон. — И все же нам надо противостоять этому. У Деллы здесь есть немного виски. Давайте-ка сделаем хорошего двойного виски со льдом, а потом пойдем и хлебнем этого лекарства.

— Не знаю, полагается ли нам принимать какое бы то ни было лекарство, — сказал доктор Динэйр. — Мы расследовали это дело и...

— Думаю, что в этом деле больше затруднений, чем ты думаешь, Берт, — сказал Мейсон.

— Это еще почему?

— Когда ты позвонил мне по телефону и я понял экстренность ситуации, я решил, что все это дело может устоять или рухнуть из-за одной вещи.

— Из-за чего? — спросил доктор Динэйр.

— Можно ли будет раздобыть какие-либо улики, подтверждающие все это, и отыскать бутылочку с ядом.

— Да, думаю, что можно. Они могут вызвать водолазов и...

— Поэтому, — перебил его Мейсон, — я и поспешил на озеро Туомби. Там я нашел купающихся мальчиков. Я попросил их обшарить песчаное дно в районе лодочной пристани. Четверо ребятшек стали прыгать с пристани, где глубина около десяти футов. Само озеро спокойное, небольшое, поэтому там нет волн, даже во время шторма. Я чувствовал, что, если этим ребятам не удастся отыскать похожую бутылочку, мы будем в относительной

безопасности, предполагая, что и полиции не удастся найти ее — ведь тогда не будет никакого дела.

— Блестящая идея. Я передаю ее тебе для быстрого обдумывания, Мейсон. В конце концов, это наша самая главная ставка. Мы будем сидеть, притаившись, а...

— Нет, сидеть нам тут не придется. Мы нашли эту бутылочку!

— И где же она сейчас?

— Я сразу помчался к Герману Корбелу, химику-консультанту.

— Это хороший человек.

— Да, — кивнул Мейсон. — Он один из лучших в своей профессии. Я хотел, чтобы он выяснил, что было в этой бутылочке. И вот теперь, зная эту историю, которую рассказала твоя пациентка, мы мало что можем сделать, потому что там был яд.

— Послушай-ка, — сказал доктор Динэйр, — ты нашел эту бутылочку. А не мог бы ты избавиться от нее, бросить в океан, зашвырнуть...

— Это ведь преступление — скрывать или уничтожать важные улики. Мне пришлось принять меры предосторожности и убедиться, что бутылочку можно идентифицировать. Как ты помнишь, у меня там четверо мальчишек ныряли за ней. Когда она была обнаружена, мне пришлось раскрыть свое имя и личность и взять с собой к Герману Корбелу молодого паренька, который нашел бутылочку. А для того, чтобы он мог поехать со мной, я должен был как-то уверить его, вот я и отвез его домой, к родителям, и предъявил им свои документы. Он сменил свой мокрый купальный костюм на обычную одежду. Я оставил за собой широкий след, но ничего другого я сделать не мог.

— Я полагаю, выпивка нам сейчас очень пригодится, — сказал доктор Динэйр. — Где виски?

— Она держит его в буфете.

Адвокат раскрыл буфет, отыскал бутылку шотландского виски и извлек пару рюмок. Потом он достал из холодильника кубики льда, разлил по рюмкам и сказал:

— Ладно, давай наслаждаться жизнью, пока можно. Нам придется дать кое-какие разъяснения.

— Разумеется, — сказал доктор Динэйр. — Я придерживался курса, предложенного тобой. Мы хотели проверить правдивость заявления, сделанного молодой женщиной.

— Вот именно, — сказал Мейсон, — и теперь, когда мы его проверили, мне остается сделать одно.

— Что же?

— Отправиться в полицию и рассказать им, что я обнаружил эту маленькую подтверждающую улику и что я передал ее из рук в руки Герману Корбелу.

— Ну, тут уж они тебе зададут жару, — сказал доктор Динэйр.

— Это уж точно, — отозвался Мейсон.

— Они заявят, что ты хотел спрятать улику. Тут-то я их и подурачу. Вот где широкий след, который я оставил за собой, окажется для меня выгодным.

— Что ж, будем надеяться, что с этим ты сумеешь справиться, — сказал доктор Динэйр.

— Меня абсолютно не интересует, справлюсь ли я с этим или нет, если иметь в виду полицию. Я хочу, чтобы у меня все было чисто — с точки зрения комитета по жалобам при коллегии адвокатов и с точки зрения присяжных в уголовном суде.

— Что мне-то надо делать? — спросил доктор Динэйр.

— А ты с Деллой Стрит и Надин Фарр дожидайся здесь, пока от меня не будет вестей, — сказал Мейсон. — Я поеду в главное управление полиции и буду там их колошматить.

— Да, не хотел бы я оказаться в твоей шкуре, — сказал доктор Динэйр.

— Да, она немного жмет, Берт, — передернул плечами Мейсон. — Ну давай теперь взглянем на тебя.

— Твое здоровье, — сказал доктор Динэйр, поднимая рюмку.

— У нас есть один шанс, — сказал Мейсон, — но только один шанс. Примерно один из миллиона.

— Что же это такое?

— Герман Корбел обнаружил, каково содержимое этих таблеток, так что я могу устроить роскошную игру, попросив его позвонить в полицию и сказать им, что я, мол, велел ему немедленно сообщить полиции, как только он узнает, что это за таблетки, и что сам я уже еду в главное управление полиции. — Мейсон просунулся сквозь вращающуюся дверь кухни в комнату и сказал: — Мы тут позаимствовали у тебя виски, Делла, а еще мне нужно позвонить.

— Шнур достаточно длинный, чтобы вы могли взять аппарат на кухню, — сказала она.

— Могу и я выпить виски? — спросила Надин Фарр.

— Пока нет, — покачал головой Мейсон. — Я хочу, чтобы вы были в форме.

Делла Стрит передала Мейсону телефон. Он протащил аппарат в кухню, установил его сбоку на раковине и набрал номер Германа Корбела. Услышав в трубке его голос, сказал:

— Это Перри Мейсон. Есть какие-нибудь успехи? Корбел был так взволнован, что на какое-то мгновение забылся и ответил по-немецки:

— Да, да!

— Почему вы так волнуетесь?

— Полиция.

— Полиция? — повторил Мейсон с тревогой в голосе. — Рассказывайте.

— Они приезжали сюда.

— Что они делали?

— Они забрали все улики: и бутылочку, и таблетки, и дробь.

— А откуда они вообще об этом узнали?

— Я думаю, что они ездили на озеро и узнали, что вам ныряльщики доставали бутылочку. Они нашли родителей мальчика, который ее отыскал. Нашли и его самого. Работают они быстро.

— Вот и я говорю, что они работают быстро, — сказал Мейсон. — Значит, они все у тебя забрали?

— Все, кроме маленьких кусочков таблетки, которую я уже измельчил. Они просто о ней не знают.

— Этого хватит для анализа? — спросил Мейсон.

— Да, чтобы узнать содержимое.

— Наверное, цианистый калий? — спросил Мейсон.

— Пока я не могу сказать, что это такое. Если ты думаешь, что это цианид, то скоро я это выясню. Полиция разыскивает тебя.

— Да, могу себе представить, — сказал Мейсон. — Ладно, я тебе перезвоню. — Он повесил трубку и повернулся к доктору Динэйру: — Ну, все в порядке, похлебка уже варится. Полиция выезжала на озеро Туомби. Они, должно быть, прибыли туда сразу после того, как оттуда уехал я. Они выяснили, что у меня ныряльщики искали бутылочку и, найдя, я ее забрал. Они установили имя мальчика, который ее нашел. Съездили к нему домой, и родители сказали им, что я у них был. Полиция разыскала Артура Фелтона, который, должно быть, рассказал им о Германе Корбеле. Они коршунами набросились на Корбела и зацапали эту улику. В итоге мы находимся в сложном положении: если полиции известно, что в этом замешан я и защищаю Надин Фарр, они мигом узнают, что, скорее всего, она у Деллы Стрит. Они начнут разыскивать

Деллу и...

— Ты хочешь сказать, что они едут сюда?

— Да, вероятно, они уже в пути, — сказал Мейсон.

— И что же нам делать?

— Мы уходим. Я не хочу, чтобы Надин Фарр бегала от закона, и я не хочу, чтобы ее допрашивали, пока мне не представится возможность поговорить с ней, так что я не могу терять ни секунды.

Мейсон ногой открыл вертящуюся дверь на кухню и сказал:

— Нам надо уходить. Забирайте свои вещи. Делла Стрит с тревогой посмотрела на него.

— Почему?

— Сюда едет полиция, — оборвал ее Мейсон.

— Пошли, — сказала Делла Надин. — Времени пудрить носик у вас нет. Ситуация критическая.

— А что случилось? — спросила она, вставая. — Нельзя ли нам подождать и...

— Ждать нельзя, — сказала Делла Стрит, подталкивая Надин к двери.

Через какие-то секунды их уже не было в квартире. Мейсон с тревогой осмотрелся вокруг, когда они пересекли холл.

— Мы все едем в одной машине? — спросил доктор Динэйр.

— Нет, — покачал головой Мейсон. — Мы уедем в разных машинах.

— А куда мы должны ехать? — спросил доктор Динэйр.

— Делла, ты с Надин поедешь в своей машине. Доктора Динэйра высадишь сразу, как встретишь такси. Потом Надин и ты едете в мотель «Прилив» на побережье. Снимешь две комнаты. Зарегистрируетесь под вашими собственными именами.

— А как насчет вас? — спросила Делла Стрит. Мейсон ухмыльнулся:

— Как я понимаю, меня разыскивает полиция. Я всегда верил в сотрудничество с ними.

— Вы хотите, чтобы они нашли вас?

— Если мне повезет, то я хочу попасть в главное управление полиции раньше, чем они сообщат какую-нибудь историю газетчикам.

— А не будет ли приличней, Перри, если они побеседуют у тебя в конторе? — спросил доктор Динэйр.

— Приличие, черт бы его побрал! — воскликнул Мейсон. — Я буду считать везением, если мне удастся выбраться из этого без обвинительного акта.

Глава 6

В главном управлении полиции Мейсон прошел по коридору до двери с надписью «Отдел убийств», открыл ее настежь и вошел.

— Лейтенант Трэгг здесь? — спросил Мейсон дежурного.

— Я сейчас посмотрю. Ваше имя? Черт, да это же вы!

— Разумеется, я. А кого вы ждали? Налогового инспектора?

— Подождите секунду, — сказал дежурный и ушел. Спустя считанные секунды появился полицейский в гражданской одежде, пересек кабинет и вышел в дверь, но благодаря тени на матовом окне было очевидно, что он остался караулить в коридоре, с другой стороны двери, блокируя путь к бегству. Чуть попозже дежурный распахнул дверь и сказал:

— Лейтенант Трэгг хочет видеть вас. Заходите.

И Мейсон вошел в его кабинет. Лейтенант Трэгг, высокий, довольно красивый субъект, выглядевший отчасти встревоженным, показал на кресло.

— Присаживайся, Мейсон.

— Как идут дела, Трэгг? — спросил Мейсон.

— Так себе. Я через минуту тобой займусь.

Мейсон уселся, а Трэгг со словами: «Извини, я всего на секунду», — открыл дверь и вышел. Прошло добрых три минуты, прежде чем он вернулся. На этот раз Трэгга сопровождал Гамильтон Бюргер, крупный, широкогрудый окружной прокурор, пытавшийся сделать вид, что его присутствие было случайным.

— Привет, Мейсон, — сказал он. — Оказался в этом здании и услышал, что и ты здесь. Что там, черт подери, случилось с Надин Фарр и этой бутылочкой с ядом?

— Я и сам пытаюсь это выяснить.

Лицо Бюргера потемнело.

— На этот раз, Мейсон, ты впереди на подбородок.

Мейсон пожал плечами, а Бюргер продолжал:

— Я не собираюсь назначать официальное судебное разбирательство, пока мы окончательно все не узнаем, но я, черт подери, хочу получить какое-то объяснение.

— Что ж, это интересно, — сказал Мейсон.

Дверь внезапно отворилась. Какой-то полицейский бережно завел в комнату женщину.

— Входите, миссис Фелтон, — сказал лейтенант Трэгг. — Я хочу, чтобы вы посмотрели на мистера Мейсона и сказали нам...

— Да, это тот самый мужчина, — сказала она.

— Благодарю вас, — сказал Трэгг. — Пока все.

Полицейский, который держал дверь открытой, сделал знак миссис Фелтон, чтобы она вышла. Мейсон ухмыльнулся, закурил сигарету и сказал лейтенанту Трэггу:

— Ну что, позабавились?

— Если по правде, Мейсон, то вовсе нет. Мне это не нравится. И жаль, что ты это сделал.

Спустя несколько мгновений дверь снова открылась. Тот же полицейский ввел в комнату Артура Фелтона.

— Скажи, этот ли мужчина дал тебе сначала пять долларов, а потом еще двадцать?

— Да, — сказал Артур Фелтон. Он был напуган и, казалось, вот-вот расплачется.

— Ну, расскажи-ка нам, что у вас было, — сказал Гамильтон Бюргер, придавая голосу благожелательную, отцовскую доброту, правда сильно утрированную.

— Мистер Мейсон дал нам каждому по пять долларов и попросил понырять и постараться

найти бутылочку. А парень, который найдет ее, должен был получить двадцать долларов.

— И кто же в конце концов нашел ее?

— Я.

— Что было потом?

— Он сказал, что я должен пойти с ним, но мои родные не разрешают, чтобы я ходил с незнакомцами, поэтому он представился, отвез домой, и сказал маме, что берет меня для встречи с одним химиком, а потом привезет меня обратно.

— А что же бутылочка? — спросил Гамильтон Бюргер.

— Он объяснил, что я должен не выпускать ее из рук.

— До каких пор?

— Пока мы не придем к химику.

— А как звали его? Ты не помнишь?

— Кажется, мистер Корбел.

— Ты мальчик сообразительный. У тебя не возникает никакого сомнения, что это тот самый человек?

— Нет.

Гамильтон Бюргер кивнул полицейскому, который положил руку на плечо Артура Фелтона, развернул его и вывел из комнаты.

— Ну что ж, — сказал Гамильтон Бюргер лейтенанту Трэггу, — я и предполагал, что в итоге мы получим это.

— Получите что? — спросил Мейсон. Гамильтон Бюргер даже и не пытался скрыть свою неприязнь:

— Получим тебя в качестве фактического соучастника.

— Да уж...

— По обвинению в убийстве, — пояснил Бюргер.

— Так-так-так, — отозвался Мейсон, — ты меня заинтересовал. А кого убили?

— Мошера Хигли, если тебе нужны все формальности. Ты не будешь говорить, что я не известил о специфическом обвинении против тебя. Мейсон, тебя скоро обвинят в преступлении. Так что нет необходимости делать какие бы то ни было заявления, если только ты сам не захочешь. В случае если ты все-таки сделаешь заявление, оно будет использовано против тебя. Ты что-нибудь хочешь сказать?

Мейсон глубоко затянулся сигаретой.

— Я хочу сказать, что вы все бредите. Не было убийства. Мошер Хигли умер естественной смертью.

— Он был убит.

— Откуда ты знаешь, что он был убит?

— Если ты хочешь знать, у нас есть записанное на магнитофон признание женщины, которая его убила.

— Очень интересно, — сказал Мейсон. — Я думаю, что у тебя будут небольшие затруднения при использовании этого материала в качестве улики, Бюргер.

— Как я полагаю, ты намерен попытаться счастья со старой чушью, говоря, что это конфиденциальные сведения. У меня найдется один такой маленький закон, который тебя удивит.

Мейсон вынул сигарету изо рта, выдохнул дым, потянулся, зевнул, устроился поудобнее на стуле и спросил:

— Когда же ты сможешь использовать это признание, Бюргер?

— Как только я представлю дело в суде.

— Насколько я помню, для того чтобы использовать признание, прежде всего необходимо доказать состав преступления, — сказал Мейсон.

— Не волнуйся, я докажу состав преступления.

— Каким образом?

— Я не обязан обсуждать детали с тобой.

— Нет, ты как раз обязан, — сказал Мейсон. — Ты не можешь обвинить меня в том, что я был фактическим соучастником в деле об убийстве, пока тебе не удастся доказать, что вообще было убийство. А доказать это нельзя, используя магнитофонную запись разговора с Надин Фарр. Она делала это заявление, находясь под воздействием наркотиков и...

— Это касается весомости, которая может быть придана этому свидетельству, но не его приемлемости, — перебил его Бюргер.

— Не будь так уверен, — сказал Мейсон. — Эта девушка в тот момент была неспособной, и ее нельзя было рассматривать как свидетеля. И если бы она оказалась на свидетельском месте в таком состоянии, то суд не разрешил бы ей выступать в качестве свидетеля и вряд ли позволил словам, записанным на магнитофонную пленку, иметь больший вес, чем словам, произнесенным в зале суда.

— Ну это мы еще посмотрим, — воинственно объявил Бюргер.

— А еще тебе придется доказать, что Мошер Хигли умер не своей смертью. По словам лечащего врача, он умер от коронарного тромбоза. А теперь давай-ка прекратим разыгрывать эффектные пьески и подойдем к сути дела. Ты собираешься выписать ордер на арест Надин Фарр?

— Ты уже сделался фактическим соучастником, — сказал Гамильтон Бюргер. — Если Надин Фарр будет твоей клиенткой, тебе не следует стремиться и дальше ослаблять ваше общее дело, превращая ее в беглеца от закона. Я требую, чтобы ты сейчас же привез ее сюда.

— У тебя есть ордер? — спросил Мейсон. Гамильтон Бюргер хотел что-то сказать, но передумал.

— Ордер есть? — повторил свой вопрос Мейсон.

— Нет.

— Ты собираешься его выписать?

— Я сделаю так, как мне, черт подери, будет нужно, и не буду обсуждать своих планов с тобой, Мейсон. Я сказал, чтобы ты привез Надин Фарр.

— Выпиши ордер на арест, и я прослежу, чтобы она сдалась вам.

— Я хочу допросить ее.

— Это замечательно, — отозвался Мейсон. — Если ты хочешь допросить ее, назначь ей встречу в моей конторе. Я ее туда привезу.

— Я хочу допросить ее конфиденциально. Мне нужно, чтобы отвечала она, а не ты.

— Тогда, насколько я помню свои права, Бюргер, тебе придется клятвенно заявить об основаниях для обвинения ее в убийстве, потом арестовать и посадить под замок... И едва все это будет сделано, я тут же посоветую ей не делать никаких заявлений без присутствия адвоката.

Мейсон встал, потянулся и раздавил сигарету в пепельнице.

— Ладно, — сказал он, — мы еще с тобой увидимся.

— Ты же видишь меня сейчас, — закричал Бюргер.

— Ты хочешь сказать, что я не могу уйти? — спросил Мейсон.

— Да.

— Отчего же?

— Потому что мы хотим обвинить тебя в преступлении.

— За фактическое соучастие? Ты уже говорил это несколько раз. Лучше позаботься об ордере, если хочешь арестовать меня, Бюргер, только у тебя будут затруднения с обвинением.

— Есть и другие обвинения.

— Какие?

— Подделка улики.

— Какой улики?

— Бутылочки с ядом.

— А как же это я ее подделал? — спросил Мейсон.

— Ты не имел права прикасаться к любой улике. В ту минуту, как только ты приехал и обнаружил улику в деле об убийстве...

— Боже тебя сохрани, — сказал Мейсон. — Никакой улики я не обнаруживал и не поддельывал, а только помогал полиции. Артур Фелтон первым расскажет тебе, что я даже и не думал прикасаться к бутылочке. Я велел ему все время держать ее в своей руке. Я отвез Фелтона к химику-консультанту, человеку несомненной честности и превосходной профессиональной репутации, и попросил его выяснить, что там внутри. Я сделал все возможное, чтобы представить бутылочку в качестве улики, после чего я направился сразу в главное управление полиции, чтобы рассказать, куда вы могли бы поехать и забрать улику.

— Что ты сделал? — изумленно спросил Бюргер.

— Приехал сюда, чтобы рассказать вам, куда вы можете поехать и взять улику, — повторил Мейсон. — А ты думал, за каким чертом я притащился?

Трэгг и Гамильтон Бюргер обменялись быстрыми взглядами.

— Ты же знал, что мы были у Корбела и уже взяли улику, — обвинительным тоном сказал лейтенант Трэгг.

— Это никак не влияет на ситуацию, — улыбнулся Мейсон. — Я приехал сюда с определенной целью — рассказать вам, где вы можете получить эту улику и какие шаги я предпринял, чтобы ее сохранить.

— Если ты так чертовски внимателен к этой улике, — сказал Бюргер, — то твоим долгом было бы передать эту бутылочку полиции сразу, как только ты получил ее.

Мейсон покачал головой и сказал:

— В данном случае меня можно было бы обвинить в клевете и в дискредитации личности. Не мог же я явиться сюда и сказать: «Джентльмены, вот вам бутылочка с ядом, которую забросили в воду с края пристани». Откуда, черт подери, я могу знать, что это яд? Откуда мне знать, когда и кто его бросил? Нет, джентльмены, я предпринял шаги, чтобы защитить вас, равно как и себя. Я хотел удостовериться, что в этой бутылочке находился яд, прежде чем сообщить вам. — И, показав на телефон Трэгга, Мейсон спросил: — Трэгг, я могу позвонить Герману Корбелу?

Лейтенант Трэгг мгновение поколебался и быстро посмотрел на рассерженное лицо Гамильтона Бюргера. В глазах у него мелькнул слабый огонек веселья.

— Только попроси, чтобы дали выход в город, а потом набирай нужный номер, — сказал он.

Мейсон все так и сделал и, услышав ответ, сказал в трубку:

— Привет, Герман! Это Перри Мейсон. Ну, что ты выяснил?

— Ничего он не выяснил, — сказал Бюргер. — Мы забрали у него улику.

Мейсон жестом попросил окружного прокурора помолчать.

— Да-да, Герман, продолжай. Герман был взволнован:

— Конечно, я не знаю, Мейсон, все ли таблетки в этой бутылочке были одинаковыми. Я же делал пробу только одной таблетки.

— Да-да, я знаю.

— Я сделал пробу, о которой полиция не знает.

— Говори дальше.

— Ты говорил насчет яда, — сказал Корбел. — Я сделал небольшую проверку на цианид, но это не он. И это не мышьяк. Я использовал преломление рентгеновскими лучами и получил довольно необычную диаграмму. А потом вспомнил, что на бутылочке было написано название сахарного заменителя, сбоку надорванное. И, Бог мой, что же ты думаешь, Мейсон? Эта таблетка соответствовала тому, что было обозначено на бутылочке, черт подери! В ней находился химический сахарный заменитель. Потом я воспользовался спектрографом. Господи, эти проверки такая тонкая штука, что, если бы остальные таблетки были бы другими, я бы нашел какие-то следы трения их о дробинки. Эти таблетки именно те, что должны быть в бутылочке.

Мейсон на мгновение задержал трубку в руке, обдумывая сказанное. По его лицу стала расплзаться медленная усмешка.

— Ты там? — спросил Корбел.

— Да, — ответил Мейсон.

— Ты слышал, что я сказал? Это сахарный заменитель.

— Прекрасно. Спасибо тебе. Я, может быть, позвоню попозже. Ты смотри за этой пробой получше. Проверь свои выводы. Тебе, возможно, придется давать показания.

Мейсон положил трубку на место и улыбнулся Гамильтону Бюргеру:

— Ты, вероятно, еще не сообразил, Бюргер, что, когда ты напустил коршунов из полиции на Корбела и они зацапали бутылочку с таблетками, он уже сделал соскоб с одной из таблеток и смог завершить анализ. Я сказал ему, что действую в этой истории добросовестно и что, как только я получу от него анализ, извещу полицию, если содержимое в бутылочке будет ядом. И теперь я рад объявить вам, что, как сказал мне Герман Корбел, в бутылочке содержимое соответствовало названию, то есть это был химический заменитель сахара, но этикетка была немного надорвана. Если вам когда-нибудь захочется сбросить вес, я весьма настоятельно рекомендую это средство. Судя по цвету ваших лиц, я полагаю, вам нужно сбросить килограмм по пятнадцать. Итак, джентльмены, с учетом полученной информации, если вы хотите попытаться помешать мне уйти, действуйте.

Мейсон прошел к двери и распахнул ее. Мужчина в гражданской одежде загородил ему дорогу. Мейсон услышал за спиной взволнованный шепот, потом голос Трэгга сказал полицейскому:

— Ладно, пускай идет.

Мейсон открыл ключом дверь своего кабинета, поднял телефонную трубку, и сказал девушке с коммутатора:

— Я вернулся, Герти, и хочу, чтобы вы соединили меня с Деллой Стрит, она находится в мотеле «Прилив».

— Хорошо, мистер Мейсон. Здесь сидит какая-то женщина, желающая видеть вас, которая... говорит, что это срочно нужно по поводу Надин Фарр.

— Приди сюда и расскажи о ней.

— Но сначала вам нужна Делла?

— Нет, Делле ты можешь позвонить и потом.

Спустя мгновение Герти уже стояла в дверях кабинета, было видно, что она взволнована. Герти было лет под тридцать, она склонна прибавлять в весе от каждого шоколадного мороженого, чему она «ну никак не могла сопротивляться». Она никогда не упускала случая драматизировать любое происшествие, случившееся в течение дня. Длительный опыт научил Перри Мейсона и Деллу Стрит не придавать этому значения.

— Господи, мистер Мейсон, — сказала она, — эта женщина, кажется, знает ответы на все. Она прямо-таки рождена для неожиданных сюрпризов. Вы тоже в ней это увидите, она как раз пытается рассказать мне о Надин Фарр. Вас интересует это дело, мистер Мейсон?

— В высшей степени, — сказал Мейсон с улыбкой, — только я не думаю, что из этого выйдет дело. А как зовут эту женщину, Герти?

— Миссис Сью Ньюбэрн.

— А лет ей сколько?

— Я бы сказала, тридцать один или тридцать два. Делла, вероятно, сказала бы, что тридцать пять. Она смотрит на их руки, а я смотрю на...

— А как же она связана с этим делом?

— Она родственница Мошера Хигли, вернее, была его родственницей.

— А она не объяснила, по какому поводу она хотела бы со мной повидаться?

— Она рассказала мне много, из чего я могла понять, что ей важно увидеться с вами.

— Хорошо, — сказал Мейсон, — скажи ей, я только что пришел и скоро ее приму.

— А как насчет Деллы?

— Позвони сначала ей, только смотри, чтобы никто в приемной не услышал, кому ты звонишь.

Герти посмотрела на него взглядом, полным укоризны.

— Конечно, мистер Мейсон. Я всегда разговариваю так, что где бы они ни сидели, ничего не могут услышать.

Это замечательно, Герти. Как только я закончу разговаривать с Деллой, запускай миссис Ньюбэрн.

Герти кивнула, повернулась волчком и осторожно прикрыла за собой дверь. Спустя несколько мгновений телефон Мейсона зазвонил, и адвокат, сняв трубку, услышал голос Деллы Стрит.

— Как идут дела, шеф?

— Расслабься. Я думаю, все уже позади.

— Каким же это образом?

— Ну, эти ребята были очень уж здорово расстроены, — сказал Мейсон. — Они ездили на озеро Туомби, чтобы проверить все это, и обнаружили, что их успели опередить. Не

потребовалось слишком большой сыскной работы, чтобы выяснить, кем же был этот некто. Потом отыскали Артура Фелтона, а от него узнали, что мистер Мейсон возил его в лабораторию Германа Корбела. Они бросились туда и сцапали бутылочку, прежде чем Корбел успел закончить свои эксперименты. Потом они стали разыскивать меня под предлогом подделки улики и попытки уклониться от ответственности за уголовное преступление, фактически соучастие и все прочее.

— Шеф, — сказала Делла Стрит с опасением в голосе, — а что же они...

— Расслабься, — сказал ей Мейсон, смеясь. — Как раз в разгар их драматической попытки поставить меня в тупик я позвонил Корбелу. Ему удалось сделать небольшой соскоб с одной из таблеток, но достаточный для его задачи, выяснить их содержание перед моим звонком.

— И что же это были за таблетки... Цианид?

— Это был сахарный заменитель, то, что и должно было быть. Ты можешь сказать Надин Фарр, что она может ходить где угодно и заниматься своими делами, и пусть сбросит это бремя из мыслей да и совесть освободит. Подбрось, куда ей надо, а потом рули в контору.

— Я вас умоляю! — воскликнула Делла. — Вы хотите сказать, что все таблетки были сахарным заменителем?

— Именно так. Тесты, который провел Корбел, были такими чувствительными, что даже если было несколько таблеток цианида, то этого было бы достаточно, чтобы показала проба. По всей вероятности, кто-то из домашних нашел эту початую бутылочку с сахарным заменителем, узнал, где Надин держит эту дрянь, ну и поставил ее рядом с другой на место. А она-то там?

— Да.

— Скажи ей об этом, а потом узнай, не будет ли у нее каких-либо вопросов.

Мейсон подождал у телефона, послушал, как взволнованные девушки быстро разговаривают, а потом Делла Стрит сказала:

— Надин спрашивает, а что стало с таблетками цианида, которые она держала в своей комнате, если эти таблетки оказались сахарным заменителем?

Мейсон, находившийся в отличном настроении, сказал:

Ты ей скажи, что я адвокат, а не провидец. Ей лучше бы вернуться и еще разок обшарить свою комнату. Но особого значения не имеет, где находятся эти таблетки. Самое главное заключается в том, что таблетки, которые она бросила в шоколад, были сахарным заменителем, так что Мошер Хигли умер естественной смертью. Скажи ей, что она может идти домой. Сейчас у меня нет времени с ней разговаривать. А ты, Делла, давай-ка приезжай сюда, я тебе куплю что-нибудь на обед.

Мейсон положил трубку и выжидательно посмотрел на дверь, ведущую в приемную. Спустя несколько секунд Герти, наслаждаясь ролью заместительницы Деллы Стрит, ввела в кабинет миссис Ньюбэрн.

— Добрый день, миссис Ньюбэрн, — сказал Мейсон, улыбаясь. — Садитесь.

— Не могу ли я сделать что-нибудь еще? — спросила Герти. — Не нужно ли, чтобы я вела какие-нибудь записи или...

— Ничего не надо, все нормально.

— Одна из девушек может присмотреть за коммутатором.

Мейсон покачал головой. Герти с явным разочарованием во взгляде ушла дежурить на коммутатор, а миссис Ньюбэрн подошла к Перри Мейсону, протягивая ему руку.

— Я знаю, что с моей стороны было дерзостью встретиться с вами без предварительной договоренности, — сказала она, — но суть дела настолько конфиденциальна и неотложна, что, я чувствую, вы мне сделаете исключение.

— Совершенно верно. Девушка с коммутатора дала мне некоторое представление о сути

вашего дела, а это всегда на пользу. Присаживайтесь и расскажите-ка мне, что вам известно о деле Фарр.

— Мне мало что известно о деле Фарр, зато я знаю много о Надин Фарр.

— Хорошо, давайте поговорим о ней, — сказал Мейсон. Миссис Ньюбэрн тем временем уселась в удобное кресло, предназначенное для клиентов, и посмотрела на Мейсона твердо и оценивающе. Она была отлично одета, хорошо ухожена, голос ее обладал модулированным тембром, который обычно принято ассоциировать с хорошими манерами.

— Я думаю, что прежде всего я должна представиться, — сказала она. — Я племянница Мошера Хигли.

— Вы замужем?

— Да. Мой муж занимается нефтяным бизнесом.

— И сколько же времени вы знакомы с Надин Фарр?

— Чуть больше двух лет.

— А почему вы хотите рассказать о ней?

— Мистер Мейсон, мне не хотелось бы вводить вас в заблуждение. Надин превосходно знает, как разыграть очаровательную комедию этакой ангельской невинности. Она смотрит на вас широко раскрыв свои глазки, а между тем все время эта маленькая аферистка будет думать, удалось ли ей обвести вас вокруг пальца, и, уж поверьте мне, она, конечно, рассчитывает наверняка сделать это. Все, что делает эта молодая женщина, каждое ее побуждение — это хладнокровный эгоизм. А теперь, как я понимаю, она создает видимость, что в смерти дяди Мошера было что-то злое. Но это не так. Дядя Мошер умер сам от коронарного тромбоза. Лечащий врач знает это, вот и все, что можно сказать по этому поводу.

— Возможно, — сказал Мейсон, — вы неверно поняли то, что пыталась сделать Надин.

— Это вполне возможно, мистер Мейсон. Надин загадочная, скрытная и хитрая и мне не доверяет. Ей ничего не стоит обвести вокруг пальца любого мужчину, но она не может проделать этого с бдительными женщинами, поэтому с нами она не слишком сильно и старается. Если бы вы были женщиной, вы бы поняли ее истинный характер, а мужчинам это недоступно. Независимо от того, что вы делаете, она всегда изображает очаровательную невинность, беспомощно смотря снизу вверх, полностью отдаваясь вам в руки, и каким-то образом — одному Богу ведомо, как она это проделывает с ее-то прошлым, — выглядит застенчивой и наивной. Я хитрая, мистер Мейсон, и не собираюсь быть другой, а если будет нужно, то стану еще хитрее. Я буду царапаться, кусаться, бороться.

— И с чем вы собираетесь бороться? — спросил Мейсон. — Вы случайно не чувствуете, что ваш муж не выполняет своих обязанностей?

Губы миссис Ньюбэрн стали жесткими.

— Джексон, подобно каждому мужчине, полностью поддался ее манере поведения, думает, что она очаровательная, невинная маленькая девушка, которая, вероятно, знает различные житейские ситуации, но не умеет их применять. Он считает, что я преследую ее, ревную, что...

— А было там что-то такое, заслуживающее ревности? — перебил ее Мейсон.

— Да я и сама была бы рада знать это, — сказала она. — Джексон — самец, у которого есть хищные побуждения, составляющие нормальный мужской темперамент. Надин же не рассчитывает на явный сексуально-агрессивный подход, а пользуется этакой беспомощной женской техникой, но, поверьте мне, если она увидит, что для достижения ее целей необходимо что бы то ни было, я имею в виду буквально — что бы то ни было, — то она поколеблется ровно столько, сколько нужно, чтобы показать, что ее очаровательная невинность побеждена силами, над которыми у нее никакого контроля. А я все-таки люблю и уважаю Джексона, и если вы покажете мне нормального мужчину, который не поддался бы на подобный подход, то я вам

покажу такого, за которого мне никогда бы не хотелось выйти замуж. Вот так обстоит все. Может быть, яме самом деле ревнива. Откуда мне знать? И все же это совсем не то, что я пришла рассказать вам.

— Прекрасно. Так что же вы хотели рассказать мне?

— Надин называла Мошера Хигли своим дядей, но на самом же деле он не состоял с ней в родстве. Дядя Мошер знал ее, и это давало ему возможность оценить ее подлинный характер. В любом случае Мошер Хигли — единственный мужчина, которого она не смогла обвести вокруг пальца и которого, как я думаю, она по-настоящему и всерьез боялась.

— Почему она его боялась?

— Я не знаю и не побоюсь сказать вам, мистер Мейсон, что я бы заплатила кругленькую сумму за то, чтобы это выяснить. Дядя Мошер каким-то образом влиял на нее.

— Каким же образом?

— Она его боялась и никогда не пыталась подольститься к нему. Не изображала перед ним беспомощной невинности, а делала то, что он ей говорил.

— Вы пришли сюда с какой-то определенной целью, — сказал Мейсон. — Почему бы вам не рассказать мне, что это за цель?

— Я и хочу вам рассказать.

Мейсон улыбнулся и покачал головой.

— Откуда вы узнали, что я связан с этим делом?

— Мне сказал капитан Хьюго.

— А это еще кто?

— Он был у моего дяди поваром, домоправителем, шофером, мастером на все руки, мальчиком на побегушках и главным слугой.

— И что же он вам рассказал?

— Что Надин поехала к какому-то врачу, который протестировал ее при помощи сыворотки истины и записал все, что она говорила, на магнитофон, в частности, что она убила дядю Мошера.

— А капитан-то Хьюго откуда узнал об этом?

— Ему рассказал Джон Эвингтон Локк, молодой мужчина, которого Надин пыталась подцепить на свой крючок.

— Ее намерения в данном случае были честными, — улыбнулся Мейсон.

— Они у нее постоянные.

— А как же Джон Эвингтон Локк узнал об этом?

— Надин сказала ему сама. Врач прокручивал ей магнитофонную запись.

— Я знаю. Значит, она рассказала Джону, тот — Хьюго, а Хьюго — вам, так?

— Да.

— Ну, это известие касается магнитофонной записи. Но как же вы узнали обо мне?

— Я узнала от полиции.

— Так, — сказал Мейсон, — вот мы и добрались. И как же получилось, что вы беседовали с полицией?

— Они приезжали к нам домой.

— Побеседовать с вами и с мужем?

— Да.

— И что же вы им рассказали?

— Мы отвечали на вопросы.

— А что это были за вопросы?

— Они хотели знать все о семейных делах, о Надин Фарр и о смерти дяди Мошера, а потом

они рассказали нам, что Надин приехала к вам, а вы сами ездили на озеро Туомби и нашли там этот яд.

— И что же вы тогда им рассказали?

— Ну, тогда я была слишком поражена, чтобы рассказывать.

— Почему?

— Потому что, мистер Мейсон, из вас делают жертву. Вы же... я узнала от полицейских, что вы хотите защищать Надин, но она не стоит этого. Вся эта история — еще один из ее замыслов.

— Вы полагаете, что она убила Мошера Хигли? Миссис Ньюбэрн засмеялась:

— Никто его не убивал. Это я и пытаюсь вам растолковать. Дядя Мошер умер естественной смертью. Я хочу показать вам, что произошло, мистер Мейсон.

— Тогда зачем Надин было создавать впечатление, что она убила своего дядю, если принимать версию полиции и предположить, что она в самом деле пыталась создать такое впечатление?

— Она сделала это с определенной целью, весьма осмотрительно, — сказала миссис Ньюбэрн.

— И что же это была за цель? — спросил Мейсон.

— У дяди Мошера была собственность стоимостью примерно в семьдесят пять тысяч долларов. Он оставил завещание, из которого ясно, что не имел ни малейшего представления о ее реальной стоимости. Или, быть может, таким образом он хотел дать Надин прощальный шлепок.

— Расскажите мне об этом завещании.

— Оно предусматривало, что я должна получить большой двухэтажный дом, в котором он жил, машину, мебель и все остальное, но при этом Надин Фарр могла жить в доме, — пока она не закончит учебу в школе. Еще он сделал кое-какие денежные вклады мужу, мне и одному колледжу. Он распорядился, чтобы его душеприказчик держал главного слугу, капитана Хьюго, на половинном жалованье в течение разумного срока, но не больше четырех месяцев. Он также предусмотрел, чтобы оплачивались расходы Надин, пока она не завершит текущий учебный год, и завещал ей остаток от собственности, за вычетом долгов и налогов. Шутка заключалась в том, что он оставил на сумму около ста пятидесяти тысяч посмертных даров, большая часть которых должна была быть получена путем продажи его собственности, стоимость которой в данный момент равна примерно семидесяти пяти тысячам долларов.

— Стало быть, он оставил Надин меньше, чем ничего, — сказал Мейсон.

— Да, именно так. Я думаю, это исходит из договоренности, которую он заключил со своим партнером по бизнесу. Мошер Хигли одно время был довольно богат, и было какое-то определенное соглашение, по которому он должен оставить завещание, чтобы принять меры предосторожности против Надин.

— Он не любил Надин?

— Я бы так не сказала. Он понимал ее.

— Хорошо, продолжайте. Вы все еще не рассказали мне о мотивах действий Надин.

— Надин очень-очень смысленная и изобретательная. Она понимала, что у завещания был деловой подтекст. Мой дядя владел крупными земельными участками в Вайоминге, у которых в настоящее время довольно низкая рыночная цена. Тем не менее компания «Стандарт ойл» решила провести на большой глубине испытания на наличие нефти с учетом находящейся частной собственности. Если это дело пойдет хорошо, собственность будет стоить значительно больше, чем дары в завещании. И вот тогда-то Надин и посмеялась бы над нами. Она же унаследует собственность дяди Мошера, который никогда не хотел ей ничего оставлять. Видите

ли, оставляя ей все, что могло оказаться за... Ну, это весьма своеобразная ситуация.

— Понимаю, — сказал Мейсон, глаза которого заискрились.

— Итак, — продолжала миссис Ньюбэрн, — все, что она только может сделать, чтобы сохранить имение от конфискации, пойдет ей на пользу. Она даже готова сфабриковать дело об убийстве, которое она сможет и разрушить, и, таким образом, сохранит за собой имение согласно завещанию.

— Вы хотите сказать, что она созналась в вымышленном убийстве? — спросил Мейсон.

— А почему бы и нет? Какой вред это может ей принести? Они же и коснуться ее не смогут, если она заявит, что была одурманена наркотиками в момент признания.

— Вы думаете, что она сделает что-нибудь в этом роде?

— Да. Она уже это делает.

— И весь этот тщательно разработанный образчик эмоционального распада был всего лишь предлогом для того, чтобы добиться отсрочки официального утверждения завещания?

— Разумеется. Разве вы не видите, что она делает? Она хочет добиться эксгумации тела дяди Мошера. Она хочет отсрочки, отсрочки, отсрочки! И все время она идет на риск с этим роющимся нефтяным колодцем, и рискует-то она нашими денежками!

— Я думал, что они вложены в имение.

— Ну, вы можете понять, что я имею в виду.

— Хорошо, — сказал Мейсон, — можете отправляться домой и перестать беспокоиться. Таблетки, которые Надин дала Мошеру Хигли, были заменителем сахара.

На лице миссис Ньюбэрн отразилось испуганное, скептическое удивление.

— Таким образом, — сказал Мейсон, вставая, — ваш дядя умер естественной смертью, и вы можете перестать волноваться.

— Но я все же не понимаю. Я...

Мейсон стоял, угрюмо глядя на нее:

— Я совершенно уверен, что вы действительно не понимаете. И если отсрочка открытия права наследства окажется выгодна Надин Фарр, равно как и продажа этой собственности в Вайоминге, прежде чем будет найдена нефть, то я вполне могу заверить вас, что заявление, которое вы мне сделали сейчас, заставит судью по утверждению завещаний заблокировать любую поспешную продажу собственности.

Миссис Ньюбэрн поднялась со своего кресла, хотела что-то сказать, потом передумала, неуверенно побрела к двери, затем вернулась и сказала:

— Если дядя Мошер и оставил какую-то нефтяную собственность, то мы имеем на нее право. Мистер Мейсон, я кажусь вам сварливой женщиной?

— Я бы сказал, что вам просто не хватает витаминов, — сдержанно улыбаясь, сказал Мейсон.

— Почему?

— Вы едите недостаточно пищи, которая вырабатывает сердечную доброту.

Она свирепо посмотрела на него.

— Подождите, пока у вас будет немножко побольше опыта, чтобы понять эту сучку с лицом ребенка и... Ну, посмотрим, что вы будете думать тогда — выпалила она и выскочила из дверей.

Глава 8

Делла Стрит открыла ключом кабинет Мейсона и увидела, что адвокат читает предварительные копии отчетов высшего суда.

— Ну и как тебе это путешествие, Делла?

Она засмеялась:

— Я мечтала провести несколько дней на побережье, позагорать и немного поплавать в волнах.

— А я мечтал о замечательной официальной битве с Гамильтоном Бюргером по поводу состава преступления, разрешенных законом лекарств и профессиональной этики.

— А теперь все сорвалось?

Мейсон кивнул.

— А что же произошло?

— Как выясняется, буря-то была в стакане воды. Надин Фарр нашла на полке лишнюю бутылочку с подслащивающими таблетками. Ей не пришло в голову, что это была не та бутылочка, которой она всегда пользовалась, пока Мошер Хигли, не попробовав этот шоколад, задергался в судорогах от боли и обвинил ее, что она отравила его. Она кинулась в свою комнату, заглянула туда, где прятала таблетки с цианидом, и обнаружила, что они исчезли. Вот тогда-то она и выяснила, что взяла таблетки из какой-то лишней бутылочки на кухне, которую она раньше не видела.

Учитывая обвинение Хигли, она пришла к заключению, показавшемуся ей вполне логичным, что кто-то положил таблетки с цианидом туда, где она должна была взять их, положить в напиток Хигли и отравить старичка.

— Но она же не отравила? — спросила Делла Стрит.

— Ее замучили угрызания совести, — ухмыльнулся Мейсон. — Она уцепилась за выводы, основываясь на неполных данных. Это самое плохое из косвенных улик, Делла. Ты цепляешься за пуговицу и начинаешь пришивать к ней жилет, а потом думаешь, что эта пуговица, должно быть, снова оторвалась от жилета.

— Но что же на самом деле было с таблетками цианида, которые Надин Фарр оставила в своей комнате?

Это нам предстоит расследовать спокойно, тактично и быстро. Естественно, это не самая лучшая ситуация для молодой женщины, которая раздумывает о самоубийстве, оставаться с таблетками цианида, хотя я-то думаю, что стимул для самоубийства теперь исчез.

— Шеф, что было причиной преследования Надин Фарр со стороны Хигли, как вы думаете? Представьте себе человека, говорящего влюбленной молодой девушке, что она должна уехать и никогда не поддерживать связь с мужчиной, которого любит.

— Это не столь важно.

— А что же важно?

— То, что она собиралась сделать.

— Но ведь не сделала.

— Она готовилась покончить с собой, что равносильно тому же.

— Хигли был просто дьяволом.

— Мне не хотелось бы судить о Хигли на основании заявлений Надин Фарр, — сказал Мейсон. — Он мертв и не может защитить себя. А Надин Фарр его ненавидела. Ну ладно, дела понемногу движутся. А где Надин?

— Я оставила ее на побережье. — Мейсон поднял брови, и Делла пояснила: — Она хотела

остаться, потому что находилась в напряжении, и, когда я сказала ей, что все в порядке, у нее мигом произошла своего рода реакция. Вы знаете, какая она. Она не плакала, а сдерживала свои эмоции в себе. Вот почему она испытывает такое страшное напряжение.

— И она не захотела поехать к себе домой?

— Нет, она не хочет никого видеть. И поскольку комнаты оплачены, она останется на ночь, а утром уедет автобусом.

— Ты думаешь, Делла, все с ней будет в порядке?

— Думаю, что да. Оценку ей дать трудно, но она сказала, что будет все в порядке. Это была моя идея, чтобы она позвонила по телефону Джону Локку и увиделась с ним. Она хотела сама рассказать ему все, прежде чем он услышит от кого-то искаженную версию.

— Вероятно, это и надо сделать, — кивнул Мейсон. — Ну ладно, на сегодня мы уже можем остановиться и...

Кодовым стуком Пол Дрейк настойчиво и торопливо забарабанил о внешнюю сторону двери. Делла Стрит пошла открывать дверь.

— Привет, Пол, — сказала она. — А мы как раз уходим. В чем дело? Ты выглядишь взволнованным.

Дрейк закрыл дверь, продефилировал к креслу для клиентов и, в качестве исключения, не растянулся, а сел прямо. Глаза его встретились с глазами Перри Мейсона.

— Перри, не вытянул ли ты козырного туза, не сказав мне об этом?

— А что случилось, Пол?

— Послушай, Перри, на сей раз у тебя настоящая неприятность. Дело обстоит так, как если бы они схватили тебя с поличным.

— Да о чем ты говоришь?

— Мне интересно, сильно ли ты рехнулся, чтобы сделать такое, — сказал Дрейк.

— Да что сделать-то?

— Забросить бутылочку в озеро Туомби, а потом нанять мальчишку, чтобы он отыскал ее.

— Уж не хочешь ли ты сказать, Пол, что Гамильтон Бюргер намекает, будто бы я такое выкинул? — воскликнул Мейсон.

— Пока еще он тебя конкретно не обвинил. Возможно, он сделает это позже. Он ограничивается только косвенными намеками.

— И что же натолкнуло его на эти мысли? — спросил Мейсон.

— Конечно, ты должен согласиться, Мейсон, — сказал Дрейк, — что вылавливание со дна озера этой бутылочки, в которой, как настаивает Надин Фарр, был цианистый калий, и...

— Она не настаивала на этом, она просто думала, что в ней могли быть таблетки цианида.

— В связи с тем, что я слышал об этом, она определенно заявила доктору, что в бутылочке был цианид.

— Ты много мог слышать, но меня в данный момент интересует: что же заставило тебя проникнуться и вдохновиться этой идеей, что я, мол, подбросил бутылочку-улику?

— То, что они нашли другую бутылочку.

— Что?! — воскликнул Мейсон.

— После того как ты ушел из главного управления полиции, оставив там сидеть с разинутыми ртами лейтенанта Трэгга и Гамильтона Бюргера, тому пришло в голову, что это, возможно, еще один из твоих трюков. Лейтенант Трэгг связался с автодиспетчером, и они срочно отправили к озеру Туомби машину с рацией. Полицейские заставили ребяташек снова нырять, и на этот раз они нашли ту бутылочку.

— Что означает — «та бутылочка»?

— Ну назови ее просто бутылочкой, — сказал Дрейк. — Так или иначе, они нашли другую

бутылочку.

— Ну и что же там было?

— Это была бутылочка совершенно такого же вида, что и первая. В ней были и дробинки, и таблетки, но с цианистым калием.

— Черт подери! — воскликнул Мейсон.

— Посмотрим на вещи с точки зрения Гамильтона Бюргера. Он чувствует, что ты у него в руках. Конечно, Перри, у тебя есть нестандартные идеи по поводу перекрестного допроса свидетелей, но если ты сам приготовил бутылочку с таблетками сахарного заменителя и дробью, а потом пошел и забросил ее с пристани так, чтобы ребяташки могли найти ее, и, таким образом, хотел закрыть дело против Надин Фарр, то ты сам подставил свою шею под топор.

— А есть ли улики, что я сделал что-либо похожее? — спросил Мейсон.

— Бюргер говорит, что есть. Двое из мальчиков видели, как ты забрасывал что-то в воду.

— О Господи! — воскликнул Мейсон. — Насколько же глупо слушать этих ребят! Я бросил в воду камень, чтобы прикинуть расстояние, на котором бутылочка Надин должна была упасть в воду.

— Эти ребяташки видели, как ты бросал что-то, и для окружного прокурора этого вполне достаточно.

Мейсон начал было хохотать, потом вдруг сделался серьезным и сказал:

— Давай дальше, Пол.

— Это все. Такая вот история, Перри. Окружной прокурор все это обмозговывает, и ему пришло в голову, что это будет тем, что он назовет — «типичным трюком Перри Мейсона». Поэтому он приказал полицейской машине с рацией вернуться и нанять мальчишек, чтобы они снова исследовали озеро. И они отыскивали другую бутылочку, которая, как настаивает Бюргер, и была настоящей. Будь ты на его месте, ты бы чувствовал то же самое, что и он. Действует он интуитивно, и в результате всех этих предчувствий он и обнаружил эту улику.

— А где ты раздобыл информацию, Пол?

— От одного из газетных репортеров.

— Гамильтон Бюргер сообщает все это в газеты?

— Он человек этичный и предоставил самой полиции дать материал прессе. Полицейские сделали из этого этакую драматическую историю. Очевидно, что дело об убийстве лопнуло, когда оказалось, что в найденной бутылочке содержится всего-навсего сахарный заменитель. Но старый добрый Гамильтон Бюргер, поняв, что имеет дело с тобой, чья репутация как человека остроумного и изобретательного хорошо известна в официальных кругах, убедил, что не было прямого свидетельства, что бутылочка, которую ты «столь своевременно обнаружил», была именно той, которая была заброшена Надин Фарр в озеро. И поэтому Гамильтон Бюргер с его пронизательным и логичным юридическим мышлением не хотел уходить с этого следа и отправил туда ныряльщиков поискать ее, и, вероятно, в ней содержался цианид. В любом случае, чувствовался четко различимый запах цианида, и сейчас как раз делают анализ.

— Соедини меня по телефону с Надин, — сделал Мейсон жест Делле Стрит.

Проворные пальчики Деллы Стрит запорхали над диском телефона. Мейсон закурил сигарету. Дрейк взволнованным голосом сказал:

— Перри, но ты ведь не сфабриковал эту историю с бутылочкой?

— Черт подери! — воскликнул Мейсон.

— Да разве я похож на полного идиота, Пол?

— Но если бы тебе удалось выйти сухим из воды, то это была бы превосходная схема. Это было дьявольски изобретательно — дать ответ на эту головоломку, простое решение, которое поставило Гамильтона Бюргера в положение всеобщего посмешища.

— Иными словами, — сказал Мейсон угрожающе, — Гамильтон Бюргер называет это «типичный трюк Перри Мейсона», не так ли?

— Ты только пойми меня правильно, Перри. Я ведь просто спрашивал.

— К твоему сведению, Пол, это вовсе не типичный трюк Перри Мейсона. Я иногда делаю то, что показывает слабость полицейской теории, веду перекрестный допрос свидетеля, ставя его лицом к лицу с материальными условиями, демонстрирующими ложность его свидетельства, но я вовсе не занимаюсь фабрикацией улики, чтобы избежать судебного преследования за убийство.

На лице Дрейка появилось облегчение. Он откинулся назад в кресле и сказал:

— Выходит, что так, хотя, разрази меня гром, если бы я знал, как же ты собираешься доказать, что не делал этого.

— Пускай лучше Гамильтон Бюргер ломает себе голову над доказательствами, что я действительно сделал это.

Дрейк покачал головой:

— Если говорить об общественном мнении, то он уже это «доказал». Бывает, что какой-то человек говорит: «Я чувствую, что этот фокусник собирается втащить кролика из своей шляпы, и если я прав, то, когда загляну в его цилиндр, найду там кролика». Потом заглядывает в цилиндр и вытаскивает оттуда кролика, и, с точки зрения общественного мнения, он этим доказывает свои слова.

Делла Стрит, оторвавшись от телефона, сказала:

— Из мотеля отвечают, что мисс Фарр оттуда выписалась.

— А кто у телефона?

— Управляющий, а в данном случае — управляющая.

— Дай-ка мне поговорить с ней. — И, взяв трубку, Мейсон сказал: — Добрый вечер. Извините, что я вас беспокою, но мне необходимо получить немного информации о мисс Фарр. Вы говорите, что она выписалась?

— Да. Она была здесь недолго.

— Не могли бы вы рассказать мне, с кем она уехала?

— За ней зашел молодой человек и спросил номер комнаты мисс Фарр. Я ему сказала и... в тех обстоятельствах сочла необходимым посмотреть за ним. Нам, знаете ли, приходится быть осмотрительными, в особенности в отношении одиноких женщин, живущих у нас. Подозрение возникло еще и потому, что мисс Фарр приехала вместе с молодой женщиной, но они сняли отдельные номера. Тем не менее все было в порядке. Мисс Фарр выписалась через несколько минут после того, как за ней заехал молодой человек, и они вместе уехали на машине.

— И когда примерно это было? — спросил Мейсон.

— Не более десяти — пятнадцати минут тому назад. А могу ли я узнать, кто вы такой и почему вы расспрашиваете?

— Я звоню по поручению ее родителей, — сказал Мейсон. — Большое вам спасибо. — Адвокат повесил трубку и повернулся к Полу Дрейку: — Хорошо, Пол. Вернемся к нормальной жизни.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты был недоволен этим делом, — сказал Мейсон, — потому что привык быть в напряжении и спешке и не хочешь заниматься делами в спокойной манере. Теперь все это позади. Ты можешь вернуться к привычному бегу волчком по кругу, к использованию массы оперативников, к пожарам среди ночи и к телефонным разговорам.

— Что тебе нужно?

— Мне нужно досье на Джона Эвингтона Локка, молодого парня, который интересуется

Надин и с которым она уехала из мотеля «Прилив» четверть часа назад. Я хочу знать все о прошлом Мошера Хигли, о мистере и миссис Джексон Ньюбэрн, что делает полиция по этому делу.

— Человек, которого зовут капитаном Хьюго, находится у меня в конторе. Это тот еще типчик, — сказал Дрейк. — Он работал на Мошера Хигли долгие годы. Я предложил ему поехать и встретиться с тобой.

— Когда?

— Я попросил, чтобы он приехал в рабочее время и подождал в моей конторе, но он пришел сюда как раз перед тем, как я получил сообщение о второй бутылочке с ядом. Я оставил его дожидаться, а сам помчался сюда.

— И что же он знает?

— Все.

— Ну давай.

— Он был этаким мастером на все руки и прожил у Мошера Хигли примерно тридцать лет. Когда мои люди беседовали с ним, они выяснили, что капитан Хьюго один из тех энергичных типов, которые ничего не упускают из виду. Мой человек составил для меня доклад, где изложил кратко историю Хьюго, но добавил, что мне нужно самому поговорить с ним, потому что он употребляет слова местного колорита, которые невозможно вставить в материал. Поэтому я и подумал, что составлю о нем мнение сам, и ты сможешь тоже увидеть его, если окажется, что это того стоит.

— А Хьюго согласится прийти?

— Ему не хотелось, — сказал Дрейк. — Он ссылался на то, что очень занят. Один из моих людей пообещал заплатить ему десять долларов, если он поедет и поговорит со мной, и тот мигом сцапал эти денежки. Хигли не оставил ему ни цента.

— Возвращайся обратно в контору, Пол, и приведи его сюда.

— Еще что-нибудь нужно?

— Отправляй людей на работу, — сказал Мейсон. — Делайте ваши доклады вместе. Надо раскопать все факты, которые можно найти, и попытаться прояснить некоторые из них.

— Насколько серьезно это может быть? — спросил Дрейк.

— Может быть что?

— Ну, что Гамильтон Бюргер обвинит тебя в фабрикации этой бутылочки для него, чтобы он ее нашел и...

— К черту эту серьезность, — сказал Мейсон. — Я могу отстаивать свою невиновность, пока у меня физиономия не почернеет, только никто мне не поверит. Это должно быть изобретательным трюком, чтобы люди даже не посмотрели на этическую сторону, а просто улыбнулись и сказали, что меня поймали за подтасовкой улики. И все-таки я могу обойти это. Беспокоит меня другое — чем это все обернется для Надин Фарр? — Мейсон повернулся к Делле Стрит и спросил: — У тебя есть какие-либо предположения насчет того, куда поехал доктор Динэйр?

— Нет, — покачала она головой, — но я могу позвонить в его контору и выяснить...

— Не надо. Его сиделка связана с детективом из полиции. По всей вероятности, она рассказала им историю магнитофонной записи. Ладно, Пол, займемся делом. Веди сюда капитана Хьюго.

Дрейк встал, подошел к двери, но, положив на ручку ладонь, остановился и сказал:

— Ты хочешь, чтобы мы всерьез занялись этим, Перри?

Мейсон кивнул.

— Мне нужно выплатить немного денег за срочную информацию, да и рисковать придется,

если...

— Выплачивай людям все, что нужно, но только достань информацию.

После того как Пол Дрейк ушел, Делла Стрит быстро взглянула на Перри Мейсона. В ее глазах было нескрываемое беспокойство.

— Что же, по-вашему, случилось? — спросила она, но Мейсон только пожал плечами. — Вам не кажется, что Надин испугалась того, что призналась, пошла и взяла несколько таблеток сахарного заменителя, положила их в бутылочку вместе с дробинками, а потом зашвырнула их в озеро с пристани?

— Для чего она это будет делать? — спросил Мейсон.

— Господи, ну а почему бы и нет? В девяноста девяти случаях из ста это все, что требуется сделать. Шеф, Боже мой, да вы просто посмотрите на факты. Надин проходит проверку сывороткой истины, вероятно полагая, что сможет контролировать то, что будет говорить, но не смогла. Она рассказала все о смерти Мошера Хигли. Потом мы снова прокрутили ей магнитофонную запись, и она попросила дать ей сутки, чтобы все это обдумать. И что бы она ни планировала там сделать, это нужно было проделать без свидетелей. Вы помните, что она даже не разрешила доктору Динэйру подвезти ее, когда уходила отсюда? Разве не логичным было для нее взять несколько таблеток сахарного заменителя, положить их в бутылочку вместе с дробинками, зашвырнуть ее подальше с конца пристани, а потом сидеть себе смирно и ждать? Она знала, что рано или поздно будут предприняты поиски.

— Ей тогда надо было быть дьявольски смьшленной, чтобы так все придумать, — задумчиво сказал Мейсон.

— Вы же знаете, что смьшленные женщины и правда существуют, — сказала Делла Стрит.

— Знаю. Тебе, наверно, будет интересно узнать, что миссис Джексон Ньюбэрн, племянница Мошера Хигли, приходила рассказать мне о Надин Фарр.

— И что же она думает о ней?

— Ее оценка совпадает с твоей.

Прежде чем Делла смогла сказать что-нибудь еще, Дрейк кодовым стуком постучал в дверь кабинета. Делла Стрит открыла, и Пол Дрейк сказал:

— Вот тут пришел капитан Хьюго потолковать с тобой, Перри, а я ухожу. У меня кое-какая горячая информация идет по телеграфу. Если тебе что-нибудь понадобится, свяжись со мной, и я вернусь.

Глава 9

— Вы и есть Мейсон, адвокат, — сказал капитан Хьюго, ковыляя вперед и протягивая правую руку.

— Это точно, а вы — капитан Хьюго.

— Да.

Мейсон постоял какое-то мгновение, приглядываясь к нему. В капитане Хьюго было примерно шесть футов роста, если бы он стоял прямо, но из-за сутулой осанки голова торчала вперед, а плечи округлились. Он выглядел тощим. Его шея, руки, запястья и лодыжки были как стебельки. Скулы были высокие, лоб покатый, нижняя челюсть выдавалась вперед. Он выглядел как человек, внимательно рассматривающий пол. Время от времени он бросал вверх этакие взгляды карлика в манере, казавшейся почти умышленно фиглярской.

— Садитесь, капитан. Пол Дрейк сказал мне, что вы любопытная личность, и мне хотелось бы задать вам несколько вопросов.

— Ну так и начинайте сейчас, — с нарочитой медлительностью сказал капитан Хьюго. — Они же заплатили мне десять долларов, чтобы я сидел и разговаривал. Самые легкие деньги, которые я когда-либо зарабатывал в своей жизни. Так о чем вы хотите со мной поговорить?

Он устроился в кресле поглубже, положил руки на колени, метнул быстрый взгляд вверх, на Мейсона, потом расслабился так, что Мейсону был виден лишь кончик его носа, кустистые белые брови и поблескивающая лысая голова.

— Я знаю, что полиция ведет расследование причин смерти Мошера Хигли, — сказал Мейсон.

Он резко поднял голову, а из-под кустистых бровей сверкнули серые глаза.

— О чем это вы, черт подери, толкуете? — требовательно спросил капитан Хьюго.

— Так я это понимаю, — сказал Мейсон. Какое-то мгновение капитан Хьюго держал голову поднятой, глядя на Мейсона, потом, словно эта устремленная вверх поза причиняла ему боль в позвоночнике, он снова опустил голову и сказал:

— Черт подери, да что там расследовать-то? Старина Мошер Хигли сыграл в ящик в точности так, как всем нам предстоит проделать это рано или поздно. Я думаю, что какой-то лекарь накачал мисс Надин наркотой до ушей, и вот у нее был такой мираж. Если полиция примется расследовать все такие миражи от наркоты вроде этого, настоящие бандюги им только спасибо скажут. Эти легавые будут тогда слишком заняты, чтобы заниматься настоящими преступлениями. Да они же тогда просто все сил лишатся!

— Вы были с ним в тот момент, когда он умер? — спросил Мейсон.

— Понятное дело, что я был с ним.

— Я имею в виду, в одной комнате.

— Нет, я мыл окна в столовой, но обычно я не занимаюсь этим. Это же работенка-то женская, но эти окна были, черт бы их побрал, грязные, да в наши дни и женщин-то трудно найти. У нас была эта... как ее... экономка, приходила раз в неделю, получала по доллару за час, а я с ума сходил всякий раз, как думал об этом.

— У вас была почасовая оплата?

— У меня? — спросил капитан Хьюго, метнув на Мейсона еще один стремительный взгляд, а потом снова опустив голову. — Нет, черт подери! Никакой почасовой оплаты у меня не было, я просто работал. Мне уже, видно, нигде больше не работать. Старина Мошер просто опустошил мои карманы. Не надо только его винить. Я пробыл при нем так долго, что уже не могу работать на кого-то еще. Мы понимали друг друга.

— И что вы собираетесь делать? — спросил Мейсон.

— Старина Мошер оставил мне половину жалованья за четыре месяца. Оставь он и больше, от этого все равно бы никакого проку не было. С этого имения выплат-то не идет. Там и половины-то нужной суммы не наберется, пока они не наткнутся на нефть в этой вайомингской собственности. Муж племянницы, который занимается нефтяной собственностью, думал, что нефть там есть, и вот он полтора года донимал Мошера, все стараясь добиться, чтобы тот ее продал. Но Мошер ясно сказал ему «нет», он вообще ненавидит иметь дело с родственниками.

Капитан Хьюго суховато захихикал, от этого затряслись его тощие плечи и голова слегка покивала.

И в чем была истинная причина? — спросил Мейсон.

— Мошер смекнул, что сможет заключить сделку и лучше, если подождет. Он думал, что Джексон Ньюбэрн сам положил на это глаз, и я полагаю, что это так и было, это уж точно. Не могу обвинить его в этом. Только Мошер был слишком умный и не позволил, чтобы это обернулось так, как хотел сделать Ньюбэрн.

— А что там насчет Надин Фарр? — спросил Мейсон.

— Это самая миленькая малышка, которую вы когда-либо видели, — сказал капитан Хьюго. — Такая сладенькая и очаровательная, как картинка. С такой малышкой покрасоваться бы неплохо. Жила у него, училась по вечерам, помогала мне и к Мошеру была добра. А Мошер вообще не мог ее оценить и ужасные вещи с ней проделывал. Я порой от этого делался совершенно чокнутым.

— И сколько же времени вы проработали у Мошера Хигли? — спросил Мейсон.

— Около тридцати лет. Когда была еще жива его жена, я был шофером и садовником. Потом она умерла, и Мошер стал жить один, так что я вроде бы стал исполнять разные работы. И поначалу я делал всякую ерундовую работу, готовил для себя и для Мошера. Многого-то нам и не нужно было, просто обычная такая жратва, как у всех. Я готовил цыпленка и всякое прочее так, как хотелось Мошеру, и еще... Черт подери, я ведь уже вот-вот стану стариком, мистер Мейсон.

— И что же вы собираетесь делать теперь, когда ваша работенка накрылась?

— Собираюсь на юг, раздобуду там себе одну из таких маленьких лачужек на берегу какой-нибудь речушки, где можно будет ловить рыбку. Лачужку вполне можно смастерить из гофрированного железа, и будет очень удобно. Не беспокойтесь обо мне. Я уж как-нибудь устроюсь.

— А вам не кажется, что Мошер Хигли при таких обстоятельствах мог бы позаботиться о ваших преклонных годах?

— Почему, черт подери, он обязан был это делать?

— Вы ведь заплатили ему годами верной службы. Так он мне платил за это жалованье, разве нет?

Я так думаю, что мы друг другу ничего не должны.

— И чем же вы сейчас занимаетесь там, в доме? — спросил Мейсон.

— Да просто живу на птичьих правах, жду, пока меня не вышвырнут. Подсчитываю в уме собственность, которая скоро будет продана, пока там крутится эта канцелярская волокита.

— А племянница со своим мужем не собираются жить в том доме?

— Да нет, черт подери. Им хорошо и там, где они живут.

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне о Надин Фарр и о том, что произошло в тот день, когда умер Мошер Хигли, — сказал Мейсон.

— Я уже вам рассказывал.

— А как же получилось, что Надин Фарр жила там, при Мошере Хигли?

— Он сам послал за ней.

— Давайте-ка вернемся назад. Вы помните по деталям, что произошло в тот день, когда умер Мошер Хигли?

— Помню так, как будто это случилось минут пять назад.

— Вы тогда мыли окна?

— Да.

— У Хигли была сиделка?

— Их было две, одна работала днем, другая — ночью.

— Сиделки были опытные?

— Да нет. Обычные, с рабочим днем в двенадцать часов.

— А чем он болел?

— Всякие сердечные неприятности.

— У него много лишнего веса было, да?

— Не так уж и много. Он был тяжеловат, но лекарь разрешил ему есть очень мало. Я так прикидываю, он весил килограммов восемьдесят с небольшим, когда умер.

— А это было в субботу?

— Да, в субботу, в полдень. Мисс Надин, ну, вроде бы как отвечала за все по субботам, вела весь дом. В полдень она давала дневной сиделке немного передохнуть. Надин ужасно милая девушка.

— А не жила в доме с ним племянница?

— Миссис Ньюбэрн, да что вы! Ее нельзя было заставить околачиваться там: ведь могла найтись для нее работенка, а она этого не любила. Это бы ей, видишь ли, ручки запачкало. Она живет в оборудованной квартире, одна из таких штучек, где нажимают на кнопку, чтобы вымыть посуду, поворачивают ручку, чтобы воздух был свежий, лето там прохладное, а зима теплая.

— Это ведь денег требует? — спросил Мейсон.

— Да, требует. Я их не спрашивал, а они мне не рассказывали. Да мне бы и не узнать, сколько стоят такие вещички, потому что я никогда не приценивался ко всем этим техническим безделушкам. Они как-то не соответствуют моему представлению о красоте.

— Миссис Ньюбэрн и ее муж частенько навещали Мошера Хигли?

— Конечно. Они старались держаться к нему поближе. И всякий раз, когда они приходили, они все рыли и рыли для мисс Надин этакую поганую яму. То, как они обращались с этой девушкой, было преступлением. Я не знаю, как мисс Надин смогла все это время быть ласковой и терпеливой, но ей это удавалось.

— В тот день, когда умер Мошер Хигли, приходили ли они повидаться с ним?

— Миссис Ньюбэрн приходила... Так, подождите-ка минутку, да, они оба пришли и говорили с ним и...

— В котором часу это было?

— Я так думаю, что около одиннадцати. Потом Джексон Ньюбэрн сказал, что ему, мол, надо мчаться по какому-то делу, и он укатил в своей машине. Он должен был вернуться и забрать жену где-то к полудню, и он приехал.

— И как быстро после этого умер Хигли?

— Да довольно быстро. Мисс Надин готовила ему второй завтрак. Он был забавным мужиком: хотел иметь все дорогие штучки, которые иметь не мог, и немного мошенничал со своей диетой, чуть-чуть ухватит того-сего, потом еще чего-нибудь, сахарных заменителей много ел, считая, что они не причинят ему никакого вреда. А я не знаю, причинят или нет. А что до меня, так меня никогда не беспокоила прибавка в весе, так что я и не знаю об этом ничего. Ем

все, что хочется, а сейчас, когда я стал старше, мне и не нужно много.

— Что же произошло дальше?

— Мисс Надин принесла ему несколько сухих гренков и немного горячего шоколада, приготовленного с сахарным заменителем. Она, похоже, ушла уже... может быть, минут десять прошло или чуть больше. Я уже собирался пойти и сам что-нибудь пожевать, когда услышал крик мисс Надин и...

— И что потом?

— Она сбежала с лестницы и позвонила этому лекарю, потом взлетела обратно наверх, и я поплелся туда, а Мошер уже задыхался и бился в судорогах. У него было что-то вроде удушья, а потом он умер, во всяком случае, я подумал, что он умер.

— А сколько времени добирался врач?

— Возможно, минут десять — пятнадцать.

— И что дальше?

— А потом лекарь посмотрел на него, постучал повсюду и сказал, что он умер и еще повезло, что так быстро, без страданий, а мисс Надин посоветовал принять микстуру, чтобы успокоиться.

— И он дал ей что-нибудь?

— Дал пару таблеток и сказал, чтобы она легла, а тем временем сам сделает все, что нужно.

— И что же мисс Надин сделала?

— Она вышла через кухню и прошла в свою комнату.

— Так можно пройти?

— Да. У нее спальня маленькая и находится внизу, в цокольном этаже, там есть небольшой душ и туалет, никогда я не мог взять в толк, почему Мошер не поместил ее в комнату для гостей. Так бы она была рядом, и он мог бы звать ее по ночам, и ей бы не пришлось ходить через весь дом. Но Мошер не такой. У него никогда никто не гостил, но он держал гостевые комнаты наготове. Его это забавляло. Он провел электрические звонки, так что он мог надавить на кнопку, и раздастся бы звонок в комнате мисс Надин, и она мигом прибежала бы. Он им не пользовался, так как завел сиделок, для которых у него был другой звонок. Ночная сиделка была тоже поблизости, чтобы можно было наблюдать за ним. Когда он спал, то и она отдыхала. Думаю, они давали ему что-нибудь этакое, чтобы он главным образом спал. Но так или иначе, сиделка была на случай, если ему станет плохо. И тогда она должна сообщить лекарю, а Мошеру сделать укол или еще что-то.

— А сделало ли все это ваши обязанности полегче?

— Да нет же, черт подери! Мисс Надин и мне приходилось готовить для них. Та, которая дежурила по ночам, требовала в полночь чего-нибудь горяченького. Ну а что касается меня, то я не хочу, чтобы бабы устраивали беспорядок в доме, если от них нет такой пользы, как от мисс Надин, но они из тех, что любят командовать и брюки мужские носить. Я двадцать лет стряпаю. Конечно, я не законченный повар, но как надо готовить, знаю. И женщины начинают распорядиться мной. Они стали говорить мне, как надо все делать, как готовить то, как это, да как еще что-то.

— И что же вы сделали?

— Да ничего не сделал! Я продолжал и дальше готовить так, как все время, хорошую простую пищу. Они могли либо есть, либо остаться голодными. Мне на это было наплевать.

— А Мошер Хигли не просил ли вас когда-нибудь расстараться и приготовить то, чего им хотелось?

— Нет, черт подери! Мошер Хигли знал меня чертовски хорошо, лучше некуда. Если бы я получил подобное поручение, то сразу бы ушел.

— После стольких лет службы?

— Я ему ничем не был обязан, да и он мне тоже. Мы жили вместе, вот и все. Ему не найти было, кто бы ужился с ним, ну и я не смог бы получить другой работы, в моем-то возрасте.

— А как случилось, что Надин Фарр приехала жить к Мошеру Хигли?

— Он послал за ней, чтобы предоставить ей приют.

— Почему он хотел предоставить ей приют?

— Вы его спросите.

— Он же умер, я вас спрашиваю.

— Он немного был знаком с ее матерью, только не спрашивайте меня, как да когда, потому что я не из тех, кто болтает о таких вещах.

— Есть какой-нибудь шанс, что Надин Фарр была его дочерью?

— Как, черт подери, я могу это знать?

— Я думал, что вы, возможно, и знали. Вы ведь сказали, что он был знаком с матерью Надин, так?

— Я не ходил следом за ним с фонарем, когда он ложился спать.

— Полиция считает, что обстоятельства смерти Хигли нужно изучить снова, — сказал Мейсон. — Они, по всей вероятности, свяжутся с вами.

— Они получают такое право, если захотят.

— Мистер или миссис Ньюбэрн не заходили на кухню, когда посещали дом?

— Чтобы они пошли на кухню? Нет, черт подери! Они, может быть, и заглядывали, когда совали повсюду свои носы и делали всякие злобные замечания. У этой миссис Ньюбэрн такой дьявольский указательный палец, какого вы в жизни никогда не видали. Она непременно проведет им то по подоконнику, то по крышке стола, то еще где-нибудь, увидит пылинку и начнет тыкать во все стороны, будто она труп нашла или еще что-нибудь.

— Она говорила вам когда-нибудь что-нибудь?

— Нет, черт подери! Она знала много, чтобы говорить мне хоть что-нибудь.

— А вы что-нибудь ей говорили?

— Да нет же, черт подери! Я позволял ей тыкать повсюду пальцем, куда ей только захочется. Она тыкала им в меня, словно что-то доказывала, а я смотрел, не говоря ни слова.

— Но вы не думаете, что она в тот день заходила на кухню?

— Ну... она могла и зайти. Я не помню точно. Она с мужем поднималась вверх и виделась с Мошером. Потом Джексон вышел и уехал в какое-то место, а затем вернулся и забрал ее. Я знаю, что он заходил на кухню, искал Надин для чего-то, сунулся туда — и назад. Потом он пошел по лестнице вверх. Он пробыл с Мошером минут десять, отрабатывая манеру действий. Их совершенно не интересовал Мошер, но им хотелось быть уверенными, что он нипочем не изменит своего завещания. Они вылили это все на него, как льют мед на горячие пироги.

— Так, — сказал Мейсон, — я просто хотел выяснить факты. Огромное вам спасибо.

Капитан Хьюго высвободил свою худощую фигуру из кресла.

— Я так смекаю, что вы с тем парнем получили то, за что заплатили десять баксов?

— Да, — улыбнулся Мейсон, — смекаю, что получили.

— Ну тогда нормально, — сказал капитан Хьюго. — Мне не придется возвращаться сюда снова. У нас все честно. Мы друг другу ничем не обязаны. Пока.

Спустя час после того, как из конторы ушел капитан Хьюго, Мейсон все мерил шагами кабинет. Делла Стрит время от времени посматривала на свои часы. Наконец она сказала:

— Имеет ли право работающая девушка получить возможность поесть? Мне кажется, что-то говорилось насчет еды.

Нисколько не меняя ритма ходьбы, Мейсон сказал:

— Мы можем заказать еду прямо сюда. Я хотел бы дождаться вестей от доктора Динэйра, прежде чем с ним поговорит полиция, и я должен связаться с Надин Фарр. Делла, а как, по-твоему, Джон Локк узнал, где она была?

— Она, должно быть, позвонила ему, как только я ушла. Эта девушка, Перри, загадка, но я чувствую, что она затевает что-то.

Раздался кодовый стук в дверь. Делла впустила Пола Дрейка.

— Нервничаешь? — спросил Дрейк, принимая свою любимую позу в большом кожаном кресле.

— Он кусает себе руки, — сказала Делла Стрит.

— Как у тебя там дело движется, Пол? — спросил Мейсон.

— Я уже много людей задействовал.

— Ты сможешь найти Надин Фарр?

— Надеюсь получить о ней сведения в любую минуту.

— Тебе бы уже следовало ее найти, — нахмурился Мейсон. — За ней же остался слишком широкий след. Она уехала из мотеля «Прибой» с Джоном Локком и...

— А откуда ты знаешь, что она уехала с Джоном Локком? — перебил его Дрейк.

— Не будь глупым. Мне это управляющая сказала. — Локк приехал и спросил ее номер. Она видела, как они уходили. Девушка ничего не ела, и наверняка они отправились вместе куда-нибудь пообедать. Тебе бы следовало разузнать те места, которые Локк имел привычку посещать.

— Все это замечательно, только в твоих данных путаница.

— Что ты имеешь в виду?

— Она не уезжала с Локком.

— Не уезжала? — воскликнул Мейсон.

— Я тебе сообщу информацию, — сказал Дрейк, — которая, быть может, вызовет у тебя легкое раздражение. Управляющая мотелем сказала, что мужчина, который заехал за Надин, был за рулем двухцветного «олдсмобила». И они завернули за углом на заправочную станцию. Я это проверил у рабочего заправочной станции. Он не в состоянии помнить все случаи расчета наличными, но я проверил оплаты, где клиент пользовался кредитной карточкой, и обнаружил, что почти в то же самое время, когда выписалась Надин Фарр, Джексон Ньюбэрн по кредитной карточке покупал бензин здесь. Я...

В это время зазвонил телефон.

— Я оставил твой незарегистрированный номер моему телефонисту, Перри, — сказал Дрейк. — Надеюсь, что все будет в порядке. Я...

Делла Стрит, отвечавшая по телефону, кивнула Полу Дрейку:

— Это тебя, Пол.

Дрейк взял трубку, сказал «алло», послушал минутку, а потом спросил:

— И где он сейчас? Подожди минутку. Не клади трубку. — Дрейк повернулся к Мейсону и сказал: — Полицейские исползали там все это место. Двое из отдела по расследованию убийств

наблюдают за квартирой, где живет Джон Эвингтон Локк. Другие следят за домом, где умер Мошер Хигли и где в данный момент живет Надин Фарр. Мои люди выяснили, что Джон Локк часто обедал в небольшом заведении в Сансете, под названием «Копченый фазан». Я велел им проверить это место. Джон Локк сейчас как раз обедает там.

— Один? — спросил Мейсон.

— Один. Так что теперь, если Локк уйдет оттуда и поедет домой, он попадет в лапы полиции. Суть вопроса в том, хочешь ли ты первым повидаться с ним?

— Ты чертовски прав: я хочу повидаться с ним первым.

— Отлично, — сказал Дрейк, — тогда тебе лучше съездить туда. Ему двадцать шесть лет, он одет в твидовый костюм цвета перца с солью, туфли от Кордована, шляпы нет, волосы такие красновато-коричневые, на лбу немного взбиты.

— Так, я еду, — сказал Мейсон. — Скажи своему оперативнику, чтобы не сводил с него глаз.

— Перри Мейсон сейчас едет, — сказал Дрейк в трубку. — Он с тобой свяжется. Ты знаешь Мейсона по фотографиям. Смотри не пропусти его. Не позволяй этому субъекту заметить, что он под наблюдением и что ты разговариваешь с Мейсоном. — Дрейк повесил трубку и, держа в руке открытую записную книжку, сказал: — У меня тут много всякого материала, который тебе необходимо знать, прежде чем ты поедешь туда, Перри.

Мейсон, уже направившийся к вешалке, где лежала его шляпа, бросил через плечо:

— Сейчас нет времени. Пол. Мне надо поскорее ехать.

— Ну теперь мне понятно, в чем там все дело, — сказал Дрейк. — Мне известно, какая власть была у Хигли над Надин Фарр, и все о ее прошлом, и...

— Ты знаешь, почему она выбрала именно это время, чтобы укатить с Джексоном Ньюбэрном?

— Этого я не знаю.

— А миссис Ньюбэрн думает, что у нее есть на это ответ. Я смеялся, когда она мне это рассказывала. Но вот сейчас я уже не смеюсь. Миссис Ньюбэрн приходит сюда увидеть меня, и, пока ее нет, Надин звонит ее мужу. Миссис Ньюбэрн возвращается домой, но мужа дома нет. Естественно, она пытается выяснить, где же он. И если она это узнала, то вполне вероятно, что-то сделала. Полиция разыскивает Надин. Если они найдут ее в компании с Джексоном Ньюбэрном, то в газетах будут опубликованы фотографии, и тогда неизвестно, что будет.

— Я это знаю, — сказал Дрейк. — Я делаю все, чтобы отыскать ее, прежде чем это сделает полиция.

Мейсон снял свою шляпу с крючка и, повернувшись к Делле Стрит, сказал:

— Хочешь поехать, Делла?

— Еще бы!

— Тогда едем!

Дрейк выбрался из кресла:

— Меня вот что особенно беспокоит, Перри. Что делать, если я отыщу Надин раньше, чем полиция?

— Спрячь ее куда-нибудь подальше.

— Это может быть рискованно.

— И потом сразу свяжись со мной.

— Где я тебя найду?

— Я буду сам звонить время от времени. Делла, пошли.

Они выключили свет в кабинете, заперли дверь и поспешили к лифту. Перед дверью своего кабинета Дрейк остановился:

— Перри, будь осторожнее, хотя это никак не пойдет на пользу и не предостережет тебя.

Мейсон нажал кнопку лифта:

— Я не могу быть осторожным сейчас, Пол. Они уже втянули меня в это дело. Подожди, ты еще увидишь, как Гамильтон Бюргер будет поливать меня грязью в газетах. Я уже в этом завяз, и мне надо самому выкарабкиваться.

Лифт между тем остановился. Дрейк быстро сказал:

— Мне бы хотелось передать тебе хоть немного из этой важной информации, Перри.

— Мне тоже хотелось, — сказал Мейсон, открывая дверь лифта.

Они с Деллой вошли в лифт и больше не говорили, пока не сели в машину Мейсона и не поехали в направлении Голливуда.

— Вы думаете, что Гамильтон Бюргер будет поливать вас грязью в газетах? — спросила Делла.

— Не сам Гамильтон Бюргер, — ответил Мейсон с изысканным сарказмом. — Для прокурора неэтично использовать газеты для влияния на общественное мнение. Гамильтон Бюргер даже думать не станет о том, чтобы что-то подобное проделать! И, по всей вероятности, откажется давать какие-либо комментарии из-за боязни нарушить профессиональную этику. Полиция, демонстрируя почти провидческое понимание того, что Гамильтон Бюргер сказал бы, если бы он был волен делать любые заявления, предоставит прессе массу информации. С другой стороны, у адвоката, представляющего интересы обвиняемой, нет никого, кто бы мог делать заявления от его имени. У него связаны руки.

— Вы хотите сказать, что вы даже не сможете сделать в прессе опровержения?

— Опровержения особой пользы не принесут.

— Ну тогда я не знаю, что же должно помочь.

— Бутылочка с безобидными таблетками и дробинки в не Л, — сказал Мейсон, — оказались в озере Туомби не сами по себе. Ведь кто-то забросил их туда. И нам придется доказать, кто же в самом деле бросил их, а в проявке случае...

— В противном случае? — подтолкнула его она, и ее голос замолк, а Мейсон затормозил на сигнал светофора.

— В противном случае я в этом крепко запутался. — Еще несколько минут они ехали молча, а потом адвокат добавил: — Давай-ка проведем инвентаризацию, Делла. Мы имеем Надин Фарр, которая создалась в отравлении Мошера Хигли и в данный момент думает, что полностью выбралась из затруднений, уехав куда-то с Джексоном Ньюбэрном. Она ему расскажет о самых последних событиях, и никто из них не знает, что их разыскивает полиция. Далее доктор Динэйр, абсолютно не касающийся событий, миссис Джексон Ньюбэрн, которая ненавидит Надин Фарр и подозревает, что ее муж очарован Надин. Мы, наконец, имеем полицию, рьяно разыскивающую Надин, и Джона Локка, который, вероятно, ничего не подозревает о последнем развитии событий.

— А почему вы говорите — «вероятно, ничего не подозревает»? — спросила Делла Стрит.

— Потому что некто с довольно неплохими мозгами решил помочь Надин Фарр, опустив безвредные таблетки в бутылочку с дробью и зашвырнув ее в озеро Туомби, — сказал Мейсон. — Полагая, что эта блестящая идея возникла у меня, полиция не станет доискиваться дальше, но поскольку я-то знаю, что этого не делал, то, естественно, продолжаю искать человека, который это сделал, и, пока я не присмотрюсь к Джону Локку, я должен иметь в виду и его тоже.

— А предположим, что он в самом деле проделал это?

— Тогда, — сказал Мейсон, — очень важно заставить его признаться, что он это сделал, и проследить за тем, чтобы эта история в том виде, как ее освещают газеты, была бы достаточно

драматична, чтобы выйти на первую полосу.

— И поэтому мы так торопимся добраться до Джона Локка?

— Это одна из причин, по которой мы так торопимся до него добраться.

Дальше они ехали молча, пока Мейсон не отыскал небольшое место для парковки автомобилей около «Копченого фазана». Адвокат подал руку Делле Стрит, и они пошли по тротуару мимо кафе, затем вернулись обратно. Какой-то мужчина, стоявший у дверей, чиркнул спичкой, чтобы закурить сигарету. Огонек осветил его черты.

— Мейсон, — сказал он чуть слышно. Мейсон остановился, а мужчина добавил: — Идите вперед. Я пойду следом.

Мейсон и Делла Стрит пошли дальше, а мужчина следовал за ними, поглядывая назад через плечо, а потом он подошел к ним со стороны Мейсона.

— Он там? — спросил Мейсон.

— Да.

— На полицию нет намеков?

— Пока нет. Я думал, что вы, может быть, разгорячены и...

— Я-то разгорячен, но только они еще этого не знают. А он что делает?

— Как раз заканчивает десерт. Скоро должен выходить. Вот почему я и вышел первым.

— Отлично, — сказал Мейсон. — Возвращайтесь обратно. Стойте на своем месте. Когда он выйдет, закурите еще сигарету.

— А вы сейчас пойдете обратно?

— Первым пойдете вы, — сказал Мейсон, — а я буду дожидаться снаружи.

Оперативник вернулся и отошел, чтобы занять пост перед входом в кафе. Мейсон и Делла Стрит медленно повернули назад. Делла Стрит потянула носом.

— Готова заключить пари, что в этом кафе чертовски хорошая кухня.

— Судя по запаху, неплохая, — кивнул Мейсон.

— А не можем ли мы зайти внутрь и поесть, а его попросим присоединиться к нам?

Мейсон покачал головой.

— Ну почему?

— Люди Дрейка выяснили, что он здесь часто обедает. Полиция может найти такую же информацию и появиться в любую минуту. А вот он идет!

Дверь открылась, и из кафе вышел молодой человек. Он посмотрел вдоль улицы и повернул в сторону Перри Мейсона и Деллы Стрит. Детектив, стоящий в дверном проеме, зажег спичку и подержал огонек у сигареты. Это был стройный субъект с быстрыми движениями, что создавало впечатление нервной энергии и напряжения. Этаким человек, который быстро может разгневаться, стремительно меняет свои симпатии и антипатии и, однажды придя к неблагоприятному решению, уже вряд ли изменит его.

— Отлично, — негромко сказал Мейсон Делле, — теперь пошли.

И они медленно двинулись, пока в конце квартала молодой человек не нагнал их.

— Джон Локк? — окликнул Мейсон как раз в тот момент, когда он проходил мимо него.

Мужчина резко повернулся, словно Мейсон пронзил его каким-то остrokонечным орудием. На его лице отразились тревога и отсутствие радушия. Заметив это выражение, Делла Стрит мягко сказала:

— Вы не возражаете против того, чтобы побеседовать с нами по поводу Надин Фарр?

— Кто вы такие? — спросил он, смотря на Деллу Стрит, и под воздействием ее улыбки выражение его лица постепенно смягчилось.

— Друзья ваши и Надин, — ответил Мейсон.

— Докажите это.

— Давайте-ка пойдём дальше, — сказала Делла Стрит, а потом добавила с такой ноткой уважения в голосе, что, казалось, это решение зависело от Локка: — Пойдём, да?

Между тем Мейсон и Делла Стрит уже шли около него с двух сторон.

— Что это значит? — спросил он.

— Я Перри Мейсон, адвокат, — представился Мейсон. — Я помогаю Надин.

— Она обращалась к вам?

— Не лично она, ко мне обращался доктор Динэйр.

— Ах, доктор Динэйр, — рассерженно сказал Локк. — Если бы он держался подальше от всего этого, то никаких неприятностей и не было бы.

— Сейчас это, конечно, уже теоретический момент, — сказал Мейсон. — Если мы замешаны в этой истории, то все мы заинтересованы, чтобы помочь Надин.

— Она не нуждается в помощи. Все, что ей нужно, — это оставаться спокойной. Чем больше вы будете пытаться что-то объяснить, тем больше неприятностей вы сделаете, и рано или поздно...

— Боюсь, что вы не знаете о последних событиях.

— Каких ещё событиях?

— Полиция сегодня утром побывала в клинике доктора Динэйра, — сказал Мейсон. — У них был ордер на обыск. И они потребовали передать им магнитофонную запись.

— О Боже мой, и доктор Динэйр отдал?

— А что было делать в этой ситуации? Самого доктора Динэйра в клинике не было. Если бы он был, то, вероятно, отнекивался бы до последнего, ссылаясь на то, что магнитофонная запись содержит конфиденциальную информацию. Там находилась сиделка, она серьёзно восприняла ордер на обыск и отдала им магнитофонную запись. А вы об этом не слышали?

— Нет.

— Теперь может быть несколько вариантов развития событий. Здесь не время и не место обсуждать их. Нам лучше сесть в мою машину, и я подвезу вас, куда скажете.

— Я собирался домой.

— В данных обстоятельствах, — сказал Мейсон, — может оказаться неразумным ехать к вам на квартиру сейчас. Было бы лучше подождать, пока вы полностью не узнаете некоторые факты.

— А почему я не могу ехать домой?

— Потому что полиция собирается допросить вас.

— О чем они могут допрашивать меня?

— В этом-то и заключается вопрос.

Джон Локк широкими шагами шел дальше, сохраняя рассерженное молчание.

— Если бы мы смогли рассказать вам некоторые подробности, которые вам следует знать, — сказала Делла Стрит, — это помогло бы вам защитить Надин.

— Так давайте же рассказывайте. Мейсон внезапно резко остановился:

— Я должен вернуться к машине. Делла, а ты можешь поговорить с Локком. Расскажи ему обо всех событиях в этом деле, не утаивай ничего. А я потом подхвачу тебя.

Локк остановился, некоторое время оценивающе смотрел на Деллу Стрит, а потом спросил Мейсона:

— А кто она вам?

— Это моя личная секретарша, которая работает у меня много лет и знает все о моих делах и о данном деле.

— Хорошо, мы все возвращаемся обратно и можем поговорить, пока будем идти.

Мейсон сделал знак Делле Стрит. Она пошла так, чтобы Локк оказался между ними.

Мейсон скороговоркой сказал:

— Зачем вы рассказали капитану Хьюго об этом признании и о магнитофонной записи?

— Откуда вы знаете, что я рассказал?

— Потому что капитан Хьюго пересказал это миссис Джексон Ньюбэрн, и полиция уже уцепилась за это.

— Если капитан Хьюго это рассказал, то я...

— Спокойнее, — перебил его Мейсон. — Хьюго тот еще типчик: болтлив и вообще себе на уме. Его следует воспринимать таким, какой он есть. Он может стать весьма важным свидетелем в этом деле. Так что вы уж не портите с ним отношений.

— Продолжайте. Расскажите мне, что же случилось.

— После того как полиция завладела магнитофонной записью, — сказал Мейсон, — я почувствовал: важно выяснить, было ли вообще что-то серьезное в признании мисс Фарр или это галлюцинации одурманенного наркотиками сознания.

— Именно так это и было.

— Подождите минутку, пока вы не узнаете всю картину. Я поехал на озеро Туомби, в которое она зашвырнула эту бутылочку. Там я нанял несколько мальчишек, чтобы они поныряли и поискали то, что смогут найти. И они извлекли со дна бутылочку, наполненную дробинками и несколькими таблетками.

— Черт возьми, они нашли!

— Я отвез таблетки к Герману Корбелу, химику-консультанту, — продолжал Мейсон. — Полиция проследила за мной и забрала у Корбела улику, прежде чем он успел закончить исследование. Но у него осталось достаточно вещества от таблеток, и ему удалось выяснить, что эти таблетки не были цианидом. Они были...

— Что же в них было?

— Сахарный заменитель, который и находился там.

— Так тогда это и все, что было, — сказал Локк. — Она не знала точно, отравила ли она его. Она дала ему какие-то таблетки из пузырька, а потом заинтересовалась, а не была ли эта бутылочка той самой, какой ей и следовало быть. Если та бутылочка была извлечена из озера и...

— Это как раз то, о чем и сам я думал, — перебил его Мейсон. — И что я сказал доктору Динэйру, Надин и полиции: что никакого дела у них нет и убийства не было. Я посмеялся над ними.

— Ну и почему это волнение?

— Потому что уже после меня полиция тоже съездила на озеро, заставила мальчишек еще понырять, и в итоге они нашли другую бутылочку, точно такую же, как и первая. И в ней тоже были дробинки и таблетки, которые оказались цианистым калием.

Локк хотел что-то сказать, но потом передумал.

— Ладно, — наконец сказал Мейсон, — вот моя машина. Давайте-ка сядем.

Его тон был достаточно бесцеремонным, чтобы невозможно было отказать. Делла Стрит уже держала дверь открытой.

— Мы все трое поедem впереди, — сказала она. — Вы сядете рядом с мистером Мейсоном, чтобы вам было слышно его, а я сяду с краю.

Локк сел в автомобиль без всякого сомнения. Делла Стрит забралась туда следом за ним и захлопнула дверь. Мейсон завел двигатель, включил фары и вырулил от обочины тротуара.

— Где сейчас Надин? — спросил Локк.

— Это я пытаюсь выяснить, — сказал Мейсон. — Нам бы хотелось выйти на нее раньше, чем это сделает полиция.

— Так вы не знаете, где она?

— Нет.

Мейсон уверенно вел машину. Локк внезапно повернулся к адвокату.

— Вы должны спрятать меня. Я не могу разговаривать с полицией.

— Отчего же нет?

— Потому что я знаю какие-то вещи.

Мейсон искоса взглянул на Деллу Стрит, потом снова посмотрел вперед на дорогу, ничего не говоря и дожидаясь, пока заговорит Локк. В конце концов тот выпалил:

— Я знаю, где она взяла цианид. В то время один из моих коллег по лаборатории делал какие-то опыты с цианидом, опуская новые дозы, пока он не обеспечил такую реакцию, которая ему нужна. Потом эта смесь должна отстаиваться в течение тридцати шести часов. Ему надо было для этого большое количество цианида. Вес в разных банках можно измерить с точностью до доли грамма, поэтому, взвешивая банку с цианидом, специалист точно знает, сколько цианида в ней. Когда он закончил опыты, он знал, сколько пиллюль с цианидом он опустил внутрь, но, чтобы проверить, он взвесил банку с цианидом. И вот тогда-то он и обнаружил, что там не хватает примерно двадцать пять таблеток. И спросил меня, для чего мне понадобился цианид. На что я ответил: «Ни для чего, я вообще не открывал эту банку». И когда он снова проверил общий вес, стало ясно, что двадцать пять таблеток исчезло.

— И что вы сделали? — спросил Мейсон.

— Я сказал, что, должно быть, произошла какая-то ошибка в отношении веса или его весы разбалансировались. Я видел, что это его не убедило. Я продолжал думать над этим, и как же такое могло случиться. Мы подозревали нашего уборщика и дали ему строгий нагоняй, а потом вдруг я вспомнил, что Надин была со мной в лаборатории и я показывал ей банку с цианидом.

— Вы связались с ней? — спросил Мейсон.

— Пытался. Это ведь не та вещь, которую можно свободно обсуждать по телефону. Конечно, первым делом мне пришло в голову, что произошло что-то такое... Вы же понимаете, что мне могло прийти в голову в тех обстоятельствах.

— Самоубийство? — спросил Мейсон, и Локк кивнул. — И что же вы в итоге сделали?

— В итоге я поехал встретиться с ней. По телефону я не мог это говорить. Поверьте мне, я приехал очень быстро, насколько это было возможно.

— В дом, где она жила?

— Да, в дом Мошера Хигли.

— Вы там бывали прежде?

— Господи, конечно! Я был в приятельских отношениях с Мошером Хигли. По сути дела, я и с Надин-то познакомился благодаря ему. Наши семьи дружили долгие годы.

— Расскажите мне об этом цианиде.

— Я пришел к ним, а Надин не было дома, она ушла на рынок. Я хотел пройти в ее комнату, но нельзя было сделать это. В доме были сиделки, а капитана Хьюго никому не одурачить. Это проникательный, бдительный субъект и... Ну, я сделал ошибку, показав, что волнуясь, когда примчался туда и начал спрашивать, где Надин. После этого он уже не сводил с меня глаз.

— И что было дальше?

— Дальше я доверился капитану Хьюго и рассказал ему, что... произошло. Сначала спросил, не заметил ли он в Надин чего-нибудь странного.

— Ну и как, он заметил?

— Мы оба заметили, что она в страшном напряжении и пытается вести себя нормально, но несколько перебарщивает и... Вы ведь знаете, как это бывает.

— Хорошо. Что вы рассказали капитану Хьюго?

— Я рассказал ему всю правду, считая, что у меня есть основания думать, что Надин взяла в лаборатории несколько таблеток цианида, и если это так, то она, должно быть, держит их в своей комнате и я хочу забрать их.

— И что же произошло?

— Я не мог пойти туда, так как вокруг были сиделки и Надин должна была вернуться в любую минуту, но капитан Хьюго... Он такой понимающий парень. Временами он болтовней может вывести вас из себя, но когда он не столь возбужден, то вполне сносен.

— И что же он сделал?

— Он сказал, чтобы я подождал, пошел в комнату Надин и нашел там какую-то бутылочку, в которой было несколько таблеток. Он принес ее мне и спросил, те ли это таблетки.

— И что вы сделали?

— Я понюхал их, а достаточно только потянуть носом, чтобы определить, что это такое. В цианиде есть характерный запах горького миндаля...

— Вы почувствовали его?

— Да.

— Сколько таблеток было в бутылочке? — спросил Мейсон.

— Примерно столько, сколько пропало.

— Так, подождите минуту, — сказал Мейсон. — Ваш коллега ведь взвешивал банку с цианидом и до начала опытов, и после?

— Да.

— И он знал в точности, сколько таблеток цианида он положил в свою экспериментальную смесь?

Локк кивнул.

— Поэтому когда он говорил, что не хватало двадцати пяти таблеток, он не просто предполагал, а...

— Согласно его подсчетам, там действительно не хватало ровно двадцати пяти таблеток.

— А сколько таблеток было в бутылочке, которую дал вам капитан Хьюго? — спросил Мейсон.

— Честно говоря, я не считал, а только прикинул на вид.

— Почему же вы их не пересчитали?

— Времени не было.

— А что случилось?

— Я хотел уйти раньше, чем вернется Надин.

— И вам это удалось?

— Да. На самом деле я проехал мимо нее тогда, когда она шла на рынок, но она меня не заметила, я ехал довольно быстро.

— Далеко находится рынок от их дома?

— Примерно в двух с половиной кварталах.

— И когда все это случилось?

— В субботу, когда умер Мошер Хигли.

— В какое время?

— Около половины двенадцатого.

— А вы там не видели автомобиля Ньюбэрна?

— Не было там ни его, ни автомобиля, а вот миссис Ньюбэрн была наверху, она заходила к Мошеру Хигли.

— А что делал капитан Хьюго, когда вы приехали?

— Мыл окна в столовой.

— Чтобы попасть в комнату Надин, нужно пройти через кухню, так?

— Да.

— Но до ее комнаты вы так и не дошли?

— Я ждал на верхних ступеньках, ведущих в цокольный этаж, чтобы предупредить капитана Хьюго, если бы она пришла.

— А вы не заметили, готовилась ли на кухонной плите шоколадная смесь?

— Да. Там стоял жидкий шоколад, на двойном кипятильнике, но огонь был выключен.

— А позже вы не спрашивали Надин о яде?

— Я собирался спросить ее в тот же день, но... вы же знаете, что случилось. Умер Мошер Хигли, и она была разбита. Врач дал ей успокоительное, и она проспала около суток, а после того как проснулась, это была уже другая женщина. Я... я знал, что Мошер Хигли относился к ней как к собачонке, и... Я чувствовал, что тогда в разговоре с ней не было необходимости и не было ни малейшего намека, что она попытается... покончить с собой.

Мейсон некоторое время вел машину в задумчивом молчании.

— Так что теперь вы можете понять, — сказал Локк, — почему я доверился капитану Хьюго. Не хочу, чтобы вы думали, будто я болтун. Но вы можете понять, как это случилось. После того как доктор Динэйр получил заявление от Надин Фарр, записанное на магнитофонную пленку, она рассказала мне о случившемся, и, разумеется, это представляло все события в совершенно ином ракурсе, и поэтому я успокоил ее, насколько это было в моих силах.

— И она рассказала вам, что взяла цианид из вашей лаборатории?

— Да.

— А вы рассказали ей, что произошло?

— Нет. Она сказала, что цианид исчез из ее комнаты, а я... не сказал ни слова, зная, что это могут использовать, чтобы связать со смертью Мошера Хигли, и чувствуя, что рано или поздно мы сможем убедить ее, что Хигли умер естественной смертью.

— Но вы ведь пошли к капитану Хьюго.

— Я ходил к капитану Хьюго и рассказал ему о магнитофонной записи и о том, что произошло по ощущениям Надин.

— А что потом?

— Он сказал, что было бы правильно известить миссис Ньюбэрн об этом признании.

— Почему?

— Потому что миссис Ньюбэрн начала бы расследование, а после капитан Хьюго смог бы рассказать, что он забрал яд из комнаты Надин, и все это дело тогда бы смогло проясниться. Он опасался, что в противном случае доктор Динэйр сохранил бы ее конфиденциальное признание как профессиональную тайну, а это давило бы на ее сознание.

— Но вы обнаружили отчетливый запах цианида в таблетках? — спросил Мейсон.

— Да. Я открутил крышку у бутылочки и понюхал.

— Но вы не знали, сколько всего таблеток было в бутылочке?

— Нет.

Мейсон внимательно посмотрел на него, сказав:

— Вы лжете, Локк.

Губы его внезапно задрожали.

— Продолжайте, — сказал Мейсон. — Сколько же таблеток было в бутылочке?

— Двадцать одна, — сказал Локк.

— Теперь я понимаю, почему вы не хотите разговаривать с полицией.

— Мистер Мейсон, я бы никогда не сообщил это полиции. Я бы им солгал.

— Это вы так думаете, что вы бы солгали. Вы не такой уж хороший лжец, чтобы убедить полицию. Ваш коллега расскажет им, сколько таблеток не доставало. И полиция не поверит в то, что вы, взяв бутылочку с таблетками у капитана Хьюго, не пересчитали их. Может быть, сам капитан Хьюго пересчитывал?

— Я не знаю.

— Вы никогда не спрашивали его?

— Нет.

— Почему же?

— Я... я боялся спросить.

— Вот именно, — сказал Мейсон. — Так что полиция расколет вас как миленького. Они добудут из вас правду и создадут дело о хладнокровном и обдуманном убийстве против Надин Фарр, считая, что она взяла из бутылочки четыре таблетки цианида и держала их наготове, чтобы положить в шоколад Мошера Хигли, а потом он умер от отравления. А что вы сделали с этими таблетками?

— Я доехал на машине до станции обслуживания и там спустил таблетки в унитаз, бутылочку несколько раз вымыл и бросил в контейнер для грязной бумаги.

Мейсон обдумал эту информацию.

— Я вам говорю то, что я бы никогда не рассказал им, мистер Мейсон. Я... я бы... я бы им...

— Вы это говорите просто, чтобы подбодрить себя. Вы не сумеете солгать, потому что вы слишком совестливый парень и вы ничего не знаете о тактике полиции. Они выколотят из вас признание.

— Хорошо, — безнадежно сказал Локк. — Что же сейчас мне нужно делать?

Лицо Мейсона было мрачным.

— Если бы я знал, что нужно сейчас.

Мейсон повернул автомобиль на автостраду.

— Куда мы едем? — спросил Локк.

— В данный момент, — ответил Мейсон, — поедем туда, где движение наиболее интенсивное. Полиция разыскивает вас и, вероятно, меня. Я-то думал, что найду вас и потом мы попытаемся найти Надин, прежде чем ее отыщет полиция. Теперь же основная проблема состоит в том, чтобы не дать полиции отыскать вас, пока мы не выработаем план как-то все это уладить.

— Какой же метод мы можем выработать?

— Если бы я знал ответ, мы бы сейчас не разъезжали. Могу вам сказать одну вещь: если Надин виновна в убийстве, то ей придется посмотреть в глаза фактам.

— Она невиновна. Мистер Мейсон, я могу вас заверить, что она невиновна.

— Откуда вы это знаете?

— Я знаю Надин.

— Потому что вы верите ей, — сказал Мейсон. — Ваше единственное основание то, что вы влюблены в нее.

— А вы разве не чувствуете то же самое?

— Сейчас я ничего не чувствую, — сказал Мейсон. — Я не влюблен в нее... нет, черт меня подери!

— Мы ведь не можем так разъезжать всю ночь, — сказал Локк. — Если полиция разыскивает меня, то они... Послушайте, мистер Мейсон, я не обязан рассказывать им все. Я могу и сам нанять себе адвоката.

Молчание Мейсона было красноречивым возражением.

— Разве я не могу нанять адвоката, чтобы он представлял мои интересы? Он может посоветовать мне не отвечать на вопросы, чтобы не обвинили меня в преступлении?

Мейсон покачал головой и спустя мгновение сказал:

— Вы только сделаете хуже.

Делла Стрит, многозначительно смотревшая на Мейсона некоторое время, наконец поймала его взгляд.

— А вы не думаете, — сказала она, — что у Пола Дрейка есть что-то новенькое для доклада?

— Это мысль, — согласился Мейсон.

— Он, возможно, узнал о местонахождении того человека...

Мейсон кивнул и тут же прервал Деллу, повернувшись к Джону Локку:

— Послушайте-ка, Джон, я хочу, чтобы вы были со мной откровенны. Вы знали, что Надин что-то беспокоило?

— Да.

— У вас были какие-нибудь соображения насчет того, что бы это могло быть?

— В то время не было.

— А сейчас есть?

— Как я понял, Мошер Хигли велел ей уехать, сказав, что он не позволит нам пожениться.

— А вы знаете, почему?

— Нет, не знаю, — рассерженно сказал Локк. — Мистер Мейсон, я пытаюсь не держать зла против покойника, но всякий раз, когда я подумаю об этом, у меня кровь закипает.

— Возможно, у него были мысли, что Надин недостаточно хороша для вас?

— Вероятно, дело обстояло совсем по-другому, — сказал Локк. — Хотя я совсем не ангел и, возможно, величина средняя. Мошер Хигли жил такой изолированной жизнью, что я не думаю, чтобы он когда-нибудь... У него не было никаких эмоций. Он был просто чертовски старым... — Локк неожиданно замолчал на полуслове, словно испугавшись своих слов.

— А Надин никогда не говорила вам, что у него была особая власть над ней?

— Вся его власть заключалась в весьма капризном авторитете, — сказал Локк. — Вы ведь не знали Мошера Хигли. У вас нет представления, насколько холоден, мелочен, невыносим был этот человек, насколько всемерно деспотичен. Я старался относиться к нему почтительно. Он был другом нашей семьи, и, конечно, он был старым человеком.

— Хорошо. Теперь давайте поговорим о Джексоне Ньюбэрне, — сказал Мейсон.

— Хорошо, и что вы хотите знать о нем?

— Как Надин к нему относилась?

— Очень дружески, лучше, чем к кому бы то ни было из всех остальных. Джексон старался быть благоразумным. И, думаю, он много чего повидал.

— Была ли привязанность или что-нибудь личное? — спросил Мейсон.

— Между Джексоном и Надин? — удивленно спросил Локк.

Мейсон кивнул.

— О Господи, нет!

— Вы уверены?

— Я уверен. Джексон женат на Сью, а Надин... ну о ее привязанностях мы уже говорили.

— Вы имеете в виду привязанность к вам? — спросил Мейсон.

— Мне не хотелось бы говорить об этом такими вот словами, — сказал Локк, — но мы с Надин любим друг друга и хотим пожениться.

Мейсон, притормозив, свернул направо и уехал с автострады в одну из поперечных улиц.

— Куда мы едем? — встревоженно спросил Локк.

— Мне нужен телефон, — ответил Мейсон. — У меня по этому делу работает один детектив, и я хочу выяснить, не разузнал ли он что-нибудь. Пока я буду звонить, мне бы хотелось, чтобы вы подумали обо всех возможных местах, где может быть Надин, куда ей можно позвонить.

— Вы думаете, что я вообще сегодня вечером не попаду домой... А не будет ли это выглядеть плохо?

— Это и в самом деле будет выглядеть плохо, — сказал Мейсон. — Вам не следует ничего делать, что могло бы вызвать подозрение у полиции. Но у вас есть часа два-три, прежде чем вы появитесь. Вы можете сказать им, что занимались какой-нибудь исследовательской работой.

— А может быть, сказать, что я был в кино?

— Они попросят вас пересказать кинофильм.

— Я могу это сделать, выбрав тот, который я уже смотрел.

— Тогда это должно быть в каком-нибудь большом кинотеатре, — сказал Мейсон, — где никто вас не смог запомнить. Купите билет, зайдите внутрь, сохраните себе корешок от билета, а через несколько минут уйдете. Я отвезу вас в кинотеатр, как отыщу автомат. А вот и телефонная будка!

Мейсону пришлось заехать за угол в поисках места парковки автомобиля.

— Вы ждите здесь, — сказал он и вернулся к телефонной будке, набрал номер Пола Дрейка. Когда тот снял трубку, Мейсон сказал: — Привет, Пол, есть что-нибудь новенькое?

— Ничего сенсационного.

— Надин Фарр нашел?

— Нет, но зато я нашел Джексона Ньюбэрна.

— А она с ним?

— Точно нет.

— Почему ты говоришь «точно нет»?

— Я подумал, что она может быть с ним, и получил убедительный отпор.

— Каким образом?

— У меня один человек пытался установить местонахождение Ньюбэрна по телефону. И звонил везде, где он только мог быть. Я полагаю, что и полиция занималась тем же самым. Так или иначе, я нашел его первым или думаю, что это так.

— И где он?

— Я отыскал по справочникам все клубы, в которых он состоял, и обзвонил их, причем везде просил передать, чтобы он позвонил мне срочно, это очень важно. В каждом из клубов я оставлял одно и то же сообщение. В конце концов он позвонил мне из Клуба изучения и развития нефтяных скважин. Туда входит небольшая группа энергичных людей, которые разрабатывают малоизвестные нефтяные скважины. Как я понимаю, это довольно необычный, деятельный клуб. Согласно тому, что мне рассказал Ньюбэрн, он просто забрел в клуб, и ему передали мое сообщение, и он позвонил. Я сказал ему, что дело исключительной важности и я ищу Надин Фарр.

— И что же дальше? — спросил Мейсон.

— Его голос стал холодным. Он сказал мне, что, как он полагает, в доме, где Надин остановилась, есть телефон, который записан на имя Мошера Хигли, и если я туда позвоню и попрошу ее к телефону, то она ответит, а если нет, то у него, мол, больше нет никаких предложений.

— И что потом?

— Я ответил, что мы уже звонили туда, но безуспешно.

— Есть что-нибудь еще?

— Да. Я ему сказал, что, согласно докладу одного из моих людей, когда Надин Фарр выписывалась из мотеля на побережье, он был с ней, на что он ответил, что меня неверно информировали, ну и тогда уж я не удержался и попробовал обрушить ему на голову этукую бомбочку.

— И что же это дало? — спросил Мейсон.

— Это должно было или его убить, или пойти на пользу. Только ему на пользу не пошло. Он сказал, что я ошибаюсь и что ему не нравятся намеки, которые я делаю, и мой тон. Он не был с Надин Фарр, и, если я или кто-нибудь из моих служащих повторит это заявление, он будет вынужден принять меры.

— И что потом?

— Он швырнул трубку на аппарат так, что по звуку это было похоже на взрыв.

— Где он сейчас?

— В клубе, насколько мне известно. Я отправил туда человека проверить это и доложить, но он не успел пока туда добраться.

— Я хочу его видеть, Пол, — сказал Мейсон.

— Отчего бы тогда тебе не прийти сюда и не подождать, пока мой человек не сообщит что-нибудь. Тогда...

— У меня есть информация, которая может оказаться весьма ценной, — сказал Мейсон, — я попытаю счастья и попробую застать Джексона Ньюбэрна в этом клубе. Мне надо побеседовать с ним.

— У меня есть несколько клиентов, которые занимаются нефтяным бизнесом, — сказал Дрейк. — Я уверен, что один из них является членом Клуба по нефтяным скважинам. Тебе не

нужен гостиничный бланк?

— Это бы упростило дело, но не могу зря тратить время. Я подойду к дверям и попрошу позвать Ньюбэрна. И если он откажется повидать меня...

— Ладно, если ты наткнешься на неприятности, дай мне знать, и я посмотрю, что можно сделать.

Мейсон повесил трубку, вернулся к машине, открыл дверцу и сказал:

— Привет, а что стряслось с Локком?

— Ему кое-что пришло в голову. Он уверен, что знает, где может найти Надин.

— А он сказал, где она?

— Нет.

Ты должна была это выяснить, — сказал Мейсон. — Я ведь велел ему оставаться здесь и ждать. Ты же меня слышала, Делла, а? — Она кивнула. — Так что тебе нужно было удержать его.

— Он нервный и импульсивный, а когда ему в голову приходит какая-нибудь идея, она его захватывает целиком. Он вдруг понял, где должна находиться Надин, и захотел поехать к ней.

— И как же он уехал? — спросил Мейсон. — Не пошел же он пешком?

— Он поговорил с водителем машины, которая заправлялась на станции напротив. Он и увез его.

— Хорошо. А кто был тот парень? — спросил Мейсон. — Какой номерной знак и марка машины? — Делла отрицательно покачала головой.

— Это был черный седан среднего размера.

— Модель старая или новая?

— Не то чтобы совершенно новая.

— Проще говоря, ты не заметила.

— Нет.

Мейсон стал что-то говорить, потом замолчал, завел двигатель и поехал в направлении автострады. Вдруг резко затормозил у бордюра.

— В чем дело? — спросила Делла.

— Ну-ка посмотри на меня, Делла, — сказал Мейсон, и она с удивлением посмотрела на него. — Это ведь на тебя не похоже.

— Что?

— Ты слышала, что я сказал Джону, чтобы он никуда не уходил. Ты могла бы задержать его, пока я не дозвонюсь.

— Его трудно было задержать.

Мейсон задумчиво разглядывал ее несколько мгновений, а потом сказал:

— Ну ладно, давай раскалывайся насчет его отъезда.

Делла молчала. Она попыталась поймать его взгляд, но тут же быстро отвела глаза.

— Что вы тут с ним делали? — спросил Мейсон.

— Я практиковалась в юриспруденции, — сказала она, невесело улыбнувшись.

— Что-что?

— Практиковалась в юриспруденции. Я подумала, что смогу подсказать ему, что нужно делать, и я ему сказала.

— И что же ты ему сказала? — холодно спросил Мейсон.

— Я сказала ему, что если он женится на ней, то на земле не найдется такой силы, которая могла бы заставить его свидетельствовать против Надин. А если не женится, то они могут заставить его дать свидетельские показания, а тот факт, что он в нее влюблен, только еще больше повредит всему этому.

Мейсон помолчал несколько мгновений.

— Сердитесь? — спросила она.

— Нет, — ответил Мейсон, ухмыляясь. — Ты сделала почти единственное, что могла сделать, но будем надеяться, что комитет по незаконной юридической практике при коллегии адвокатов не сцапает тебя за руку, юная леди.

— Господи, — улыбнулась она, — я рада, шеф, что вы не пришли в бешенство, но он же поставил вас в трудное положение. Как только он сказал, что нашел цианид и узнал, что четырех таблеток там не хватает... независимо от того, что вы после этого сделаете, вы будете уязвимы. Он ведь не ваш клиент, а свидетель, который сообщил вам весьма существенный факт. Если бы вы попытались утаить его или посоветовали ему не рассказывать полиции, то формально вы бы оказались в противозаконном положении. Я достаточно знаю законы, чтобы понять это. И если он когда-нибудь окажется на свидетельском месте и расскажет им свою историю, то присяжные вынесут обвинительный приговор Надин Фарр. Им будет неприятно делать это, поскольку Джон Локк выглядит таким милым молодым парнем, но окружной прокурор обратит их внимание на то, что самой большой любезностью, которую присяжные могут оказать этому молодому влюбленному, было бы удержание его от женитьбы на женщине-убийце.

Поэтому, когда он сказал мне, что думает побывать в одном месте, где он сможет найти Надин и где полиция искать ее не будет, а вот если он сам сможет найти ее там, то полиция не сумеет отыскать и его тоже, и я тогда... ну, я сказала ему, что вы, по всей вероятности, не хотели бы оказаться в таком положении, чтобы посоветовать ему все это. Но если ему с Надин удастся перебраться в Юту и пожениться, прежде чем власти отыщут их, то им не удастся заставить его свидетельствовать против нее, и дело тогда лопнет как мыльный пузырь.

— Ты знаешь, что будут говорить газеты, — сказал Мейсон. — Они поместят на первых полосах заявления полиции и окружного прокурора. И выглядеть это будет так, как будто Надин виновна в убийстве и они с Локком пытались замаскировать все поспешной женитьбой.

— Я понимаю, — сказала Делла Стрит. — Но у них займет довольно много времени улаживание всего этого, но, если она будет обвинена в убийстве и заключена в тюрьму, у нее уйдет еще больше времени на то, чтобы все уладить, если она вообще когда-либо сумеет выкарабкаться. А если она выкарабкается, молодость уйдет, жизнь будет на исходе, и возлюбленный исчезнет. У Джона Локка несколько лет будет разрываться сердце, а потом какая-нибудь симпатичная девица пожалеет его, предложив стать его сестрой, а в итоге женит на себе.

— Иными словами, ты думаешь, что он любит ее не так сильно, чтобы ждать.

— Пока любит, но кто может вынести напряжение долгих лет ожидания? Подумайте обо всей этой конкуренции на матримониальном рынке. Какая-нибудь ловкая маленькая красоточка будет поджидать случая, чтобы преподнести ему этакий приятный сестринский подход.

— Хорошо, — сказал Мейсон, — я рад, что ты это сделала, Делла. Если нам удастся отыскать ее, то я бы, вероятно, предложил уехать либо в Юту, либо в Лас-Вегас и жениться.

— Вы же не предлагали ничего такого, — сказала Делла Стрит. — Ваша совесть абсолютно чиста. Вам как адвокату, вероятно, не хочется советовать ему женитьбу на обвиняемой, чтобы не свидетельствовать против нее, но если он будет действовать по собственному побуждению и женится на ней, то его уже не смогут поставить на свидетельское место для показаний.

— Отлично, — сказал Мейсон. — Я уже настроился на Джексона Ньюбэрна. Давай-ка поедем и посмотрим, что он нам скажет.

— Готова биться об заклад, что он разыграет комедию благородного негодования и будет отрицать, что был с Надин.

- Он уже это сказал, говоря с Полом Дрейком по телефону, — отозвался Мейсон.
- А если это случай ошибочного определения личности? — спросила Делла Стрит.
- В таком случае я постараюсь не падать духом.
- А вы не думаете, что...
- Нет, я думаю, что Джексон Ньюбэрн — хладнокровный, элегантный лжец.
- Вы думаете, что сумеете сломить его, да?
- Я могу попытаться это сделать.

Мейсон подрулил к Клубу изучения и развития нефтяных скважин на улице Уэст-Адамс.

— Нужен свидетель? — спросила Делла Стрит, пока он парковал машину.

— Нужен, — сказал Мейсон, — но я, вероятно, добыю большего без него. Сиди в машине, Делла, и охраняй нашу крепость.

Клуб изучения и развития нефтяных скважин находился в особняке. Однако рост города поглотил и этот, и другие столь же прекрасные дома, заполнив их квартирами и деловыми конторами. В конце концов арендаторы съехали, дома оказались в сложном финансовом положении и были переданы под магазины дамских шляпок, разные бытовые заведения, танцевальные школы, колледжи по бизнесу и прочие заведения. Клуб нефтяных скважин приобрел один из дворцов и, найдя его подходящим для своих целей, полностью отремонтировал здание, и оно выделялось яркой точкой на бесцветном фоне некогда величавых домов, с которых почти облезла краска, и они дожидались неизбежного конца в угрюмом смятении.

Мейсон взбежал по ступенькам широкого, ярко освещенного крыльца и позвонил в звонок. Негр-привратник в ливрее открыл дверь. Он изложил ему свою просьбу.

— Одну минуту, — сказал привратник. — Я посмотрю, там ли он.

Он вернулся в здание и закрыл дверь. Мейсон стал ждать. Спустя пару минут дверь открылась. Стройный, хорошо сложенный мужчина лет тридцати пяти с серыми пронизательными глазами и быстрой походкой спортсмена протянул руку и спросил:

— Мейсон?

— Точно. А вы Ньюбэрн?

— Да.

Они обменялись рукопожатиями.

— Вы должны извинить меня, что я не приглашаю вас войти. Там сейчас всего несколько членов клуба, а вы достаточно хорошо известны. Наш разговор может быть... неверно истолкован.

— Ничего, все нормально. У меня тут рядом припаркован автомобиль. Мы можем побеседовать там.

— Вы один?

— Со мной секретарша. Я...

— Ну тогда давайте-ка пройдем до угла дома.

И Ньюбэрн, не дожидаясь согласия Мейсона, быстро зашагал к дальнему углу дома, подальше от прямых лучей искусственного освещения. Там он повернулся к Мейсону:

— У меня сегодня был довольно досадный случай.

— Да? — протянул Мейсон.

— Кто-то по телефону из детективного агентства настаивал, что я сегодня вечером был с Надин Фарр.

— И вас это смутило?

— Скажем, что меня это раздражило.

— Почему?

— Потому что я не был с ней.

— А вы ее знаете?

— Естественно.

— Разве есть повод для вашего раздражения из-за намека на предполагаемый разговор?

— Давайте говорить прямо, Мейсон, — сказал Ньюбэрн. — Я женат, и моя жена — женщина широких взглядов, образованная, привлекательная, но ей свойственны женские и человеческие слабости. Она считает, что Надин Фарр не отказалась бы завести со мной интрижку. Нет никаких оснований для подобных ощущений с ее стороны, но они существуют. Поэтому любые намеки на то, что я был с Надин Фарр сегодня днем или вечером, были бы чрезвычайно неприятными. Я не знаю, кто нанял этого детектива, делавшего такие намеки, но если подобное заявление будет сделано в присутствии свидетелей, опубликовано в прессе или сообщено ей, я вчиню иск любому, кто бы ни был ответственным за это. Я понятно излагаю свои мысли?

— Вполне.

— Очень хорошо. С учетом этих обстоятельств я готов отвечать на вопросы, чтобы прояснить любое неверное понимание, но я предупреждаю вас о своей позиции.

— Иными словами, — сказал Мейсон, — если я заявлю, что вы были с Надин Фарр, вы подадите на меня иск за нанесение ущерба?

— Я объявлю подобное заявление лживым, а в случае, если это заявление причинит мне какие-либо беспокойства дома, я... К чему это все, Мейсон? Ведь вы же юрист и понимаете ситуацию. Я верю в ваше благоразумие.

— Ладно, — сказал Мейсон. — Здесь нет свидетелей, только вы и я. Были ли вы с Надин Фарр или нет?

— Определенно нет.

— Звонила ли она вам сегодня днем?

— Нет, сэр.

— А как вы узнали, что она находилась в мотеле на побережье под названием «Прибой»?

Смех Ньюбэрна был смехом человека, отмахивающегося от какого-нибудь нелепого заявления.

— Вы удивляете меня, Мейсон, — сказал он. — Господи, не надо позволять детективным агентствам дурачить вас предоставлением нелепых докладов. Вы достаточно опытны, и вам известно, что эти оперативники всегда стараются так сделать доклады, чтобы это привело к продолжению работы. Они вам выяснят то, что хочет клиент, и...

— Управляющая мотелем, — перебил его Мейсон, — сказала, что некий молодой человек, по описанию соответствующий вам, подъехал к мотелю на двухцветном «олдсмобиле», Надин села в эту машину и укатила.

— «Олдс» — довольно распространенная марка. Вы обнаружите, что их тут тысячи зарегистрированы повсюду, и я готов биться об заклад, что отыщутся несколько сот тысяч людей, отвечающих общему описанию моей внешности.

— Еще управляющая сказала, — продолжал Мейсон, словно никто его не перебивал, — что она видела, как водитель машины завернул к станции обслуживания в конце квартала. Записи показывают, что некто, управлявший вашей машиной и использовавший вашу карточку, остановился залить в бак бензина, да и подпись в бланке заправки — ваша подпись.

Мейсон замолчал и закурил сигарету. Джексон Ньюбэрн смотрел на него в безмолвном оцепенении. Когда это молчание затянулось на добрых полминуты, Ньюбэрн спросил:

— Кто еще знает об этом?

— Я знаю, — сказал Мейсон, — и детективное агентство, которое на меня работает, да и

полиция будет знать, когда они побеседуют с управляющей мотелем.

— Черт подери! — воскликнул Ньюбэрн в полном раздражении.

Мейсон поднял брови.

— Я проклинаю собственную глупость, что остановился на этой станции обслуживания. У меня не было даже мысли, что за мной наблюдают.

— Управляющие мотелями привыкли быть любопытными в отношении привлекательных молодых женщин, которые регистрируются одни, а потом встречаются с отлично одетыми мужчинами, которые разъезжают на дорогих автомобилях, — сказал Мейсон.

Ньюбэрн два-три раза прищелкнул пальцами.

— Сигарету? — спросил Мейсон, но Ньюбэрн покачал головой. Спустя некоторое время Мейсон поинтересовался: — Ну и что?

— Я думаю.

— Вы пытаетесь придумать историю, которая удовлетворила бы меня, а вам позволила бы выйти из этого положения, — сказал Мейсон. — Не делайте этого.

— Почему?

— Потому что история, которая устроит меня, может не устроить полицию или же устроит, но ненадолго. Если они уличат вас в том, что вы пытаетесь что-то скрыть, тогда-то и быть беде.

— Истина, к сожалению, не очень удобна, — сказал Ньюбэрн.

— Давайте уж говорить прямо, — сказал Мейсон. — Вы имеете дело с убийством. Независимо от того, насколько неудобна истина, вы не сможете придумать такую ситуацию, которая отвечала бы всем фактам и которая будет согласовываться со всеми фактами. Рано или поздно станут известны все факты. И если ваша байка не будет им соответствовать, вам придется изменять ее, а если вы это сделаете под давлением обстоятельств, то истина тогда окажется в десять раз неудобнее.

— Надин нужна была помощь.

— Финансовая?

— Она этого не говорила.

— Тогда какая же помощь?

Ньюбэрн снова прищелкнул пальцами быстро и нервно.

— Расслабьтесь, — сказал ему Мейсон. — Ложь только втянет вас дальше.

— Мне не нравится, что меня обвиняют во лжи, — холодно сказал Ньюбэрн. — К вашему сведению, мистер Мейсон, я вообще не лгу.

— Вы пытались солгать мне минуту назад. Вы солгали моему детективу, и вы пытаетесь сочинить что-нибудь подходящее прямо сейчас, Ньюбэрн.

Голос адвоката был спокойным, терпеливым и совершенно лишенным враждебности. Джексон Ньюбэрн распрямил плечи, посмотрел на застывшие черты лица адвоката и нервно засмеялся.

— Я действительно вляпался на этот раз, ведь так? Но факт остается фактом, Мейсон: я не привык лгать и...

— Вы не слишком много практиковались во лжи, — сказал Мейсон. — Нужна чертовски хорошая практика, чтобы стать лжецом и одурачить полицию и газетных репортеров в связи с делом об убийстве.

— Я понимаю, — спустя мгновение сказал Ньюбэрн.

Мейсон ждал, терпеливо покуривая сигарету.

— Хорошо, Мейсон, я расскажу вам все прямо. Только прошу сохранить мои откровения в тайне. Я...

— Я не храню никаких тайн, а представляю интересы своего клиента. Так что я не могу

делать никаких обещаний.

— Тогда я не смогу рассказать вам.

— Потому что я не обещаю хранить тайну?

— Да.

— Полиция и газетные репортеры тоже не пообещают вам этого, — сказал Мейсон.

Ньюбэрн призадумался. Мейсон раздавил остаток сигареты каблуком и отпихнул его.

— Ну? — спросил он.

— Мне всегда нравилась Надин... — сказал Ньюбэрн. — Но не в том смысле, как думает моя жена. Она хороший ребенок, и Мошер Хигли вел себя нечестно с ней, а я с ним в родстве не состоял. Моя жена была его единственной родственницей. У него была собственность. Я по духу не торговец и не коммерсант, но я был бы кретином, если бы не учел тот факт, что моя жена — единственная наследница. Хигли был недоброжелателен к Надин, а я симпатизировал ей. Сью же, моя жена, ее не любила. Я думаю, что в глубине сознания Сью таился страх, что Надин может подцепить Мошера на крючок и... получить более крупную долю согласно завещанию. В рождении Надин было что-то скандальное. Она незаконнорожденный ребенок. Мошер Хигли знал о ее прошлом, находясь в дружеских отношениях с семьей Джона Локка. И не хотел, чтобы Надин и Джон Локк поженились.

— Почему? — спросил Мейсон.

— Потому что знал, что Надин была незаконнорожденной, и когда это станет известно, семья Локков это не одобрит. Я думаю, что, возможно, этот старый чудак пытался оказать Надин хорошую услугу. Он знал, что она приехала сюда, что она заводит друзей и... Я полагаю, что он не хотел, чтобы семейная тайна обнаружилась.

— А сама Надин знала, что она незаконнорожденная?

— Не думаю.

— Мошер Хигли ее отец?

Ньюбэрн мгновение колебался, а потом сказал:

— Нет.

— Отлично. Продолжайте. Расскажите мне вашу историю.

— Черт возьми, я не хотел бы это рассказывать, — сказал Ньюбэрн.

— Вы уже сделали все весьма очевидным, — заметил Мейсон.

— Хорошо, — выпалил Ньюбэрн. — Когда я узнал, что Надин попала в беду и что она сделала то признание, я... Видите ли, Мошер Хигли был мертв, и, хотя Хьюго находился в доме, реальное право на дом перешло к нам согласно завещанию Хигли. Мы со Сью были там совсем немного и...

— Я не знаю, каким временем мы располагаем, — сказал Мейсон. — Вы извивались, изворачивались, юлили, а теперь, Бога ради, расскажите мне всю правду. Вы уже начали, так что отсеките все несущественное и переходите прямо к делу.

— Хорошо, — сказал Ньюбэрн. — Мне известно, что она, будучи под воздействием наркотиков, рассказала доктору, будто она дала Мошеру Хигли несколько таблеток цианида. Я не знаю, что она наговорила, что там случилось потом, но, как я понимаю, она взяла оставшиеся таблетки, а потом взяла патроны от дробовика и бросила все это в озеро и... Ну вот я и взял начатую бутылочку с химическими таблетками для подслащивания в доме, бросил в нее несколько дробинок, поехал и бросил бутылочку в озеро Туомби. После этого я попросил, чтобы Надин передали, что я должен увидеть ее или чтобы она позвонила мне при первой же возможности. Я несколько раз пытался связаться с ней, но жена следила за мной, как коршун. Она звонила два или три раза, но, поскольку Сью была дома, я вешал трубку, делая вид, что набрали неправильный номер. Когда моя жена уехала встретиться с вами, я получил

возможность связаться с Надин.

— Когда вы бросили эту бутылочку в озеро? — спросил Мейсон.

— Прошлой ночью.

— Вас никто не видел?

— Никто.

— А отпечатки пальцев?

— Я старался не оставить отпечатков на бутылочке.

— И где же вы взяли эту бутылочку и таблетки?

— Мы пользуемся таким же сахарным заменителем. Моя жена очень старательно следит за калорийностью питания. Как раз из разговора с ней Мошер Хигли и узнал о сахарном заменителе.

— Продолжайте, — сказал Мейсон.

— Естественно, мне надо было расположить к себе Надин и рассказать, что все в порядке, что нет причины беспокоиться, а они пускай себе действуют и ищут эту бутылочку, а когда найдут, то не обнаружат в ней ничего, кроме безвредных таблеток. И это уничтожит ее «признание».

— Вы сказали ей это?

— Да.

— И что же произошло?

— Потом я выяснил, что полиция уже достала эту бутылочку, и накал страстей спал. Черт возьми, Мейсон, если вы когда-нибудь расскажете это, если... но так все и было.

— Хорошо, — сказал Мейсон. — Я расскажу вам конец этой истории. Полиция произвела еще один поиск и нашла вторую бутылочку, в которой были таблетки цианида и дробинки. Так что накал страстей снова появился. Они разыскивают Надин, когда найдут, то ее арестуют и обвинят в убийстве. Полиция считает меня причастным к той бутылочке, которая была заброшена в озеро с безвредными таблетками.

— Боже мой, Мейсон, — сказал Ньюбэрн, — если эта история выйдет наружу, это расторгнет наш брак. Сью тогда разведется со мной.

И Ньюбэрн щелкнул пальцами перед лицом Мейсона.

— Полиция намерена побеседовать с вами, — сказал Мейсон. — Что вы собираетесь сказать им?

— Я собираюсь солгать, сочинить какую-нибудь историю.

— Вы не сможете сделать этого.

— Так, подождите минуту, — перебил его Ньюбэрн. — Вы адвокат Надин и участвуете в этом деле. И говорите, что полиция думает, что это вы зашвырнули туда бутылочку. Ну и...

— Продолжайте, — сказал Мейсон. — Доведите свои размышления до логического вывода — и сразу попадете в петлю.

— Да к черту вас! — воскликнул Ньюбэрн. — Вы же советуете мне в собственных интересах. Если полиция думает, что вы бросили другую бутылочку, то это... выводит меня из затруднительного положения. Они скорее повесят что-нибудь на вас, чем на меня.

И вам этот вариант понравился? спросил Мейсон.

— Не поймите меня неверно, — сказал Ньюбэрн. — Моя жена — подходящий для меня спутник. С ней я счастлив. Она только что унаследовала собственность, в которой есть запасы нефти. Вы преследуете свои интересы, и я тоже.

Ньюбэрн двинулся к парадной двери клуба.

— Одну минуту, — сказал Мейсон. — Вы...

— Да к черту вас! Я найму сам адвоката.

Он резким толчком открыл дверь, прошел внутрь и со стуком захлопнул ее. Мейсон какое-то мгновение поколебался, а потом медленно спустился по ступенькам к автомобилю, где его ждала Делла Стрит.

— Ну? — спросила она.

— Теперь-то мне хотелось бы, чтобы у меня был свидетель, — сказал Мейсон.

— А что он сказал?

Мейсон завел двигатель и описал поворот.

— Значение имеет последнее, сказанное им.

— И что же это?

— Что я могу идти к черту и он собирается нанять адвоката, который бы представлял его интересы.

У него было что утаивать? — спросила Делла Стрит.

— Это он наполнил бутылочку таблетками сахарного заменителя и зашвырнул ее в озеро Туомби прошлой ночью.

— Шеф! — торжественно воскликнула она. — Он признал это?

Это был последний раз и для меня, когда признал, — сказал Мейсон. — Он наймет себе адвоката, а на свидетельском месте будет дьявольски лгать.

— Ну и что же нам теперь делать?

— Теперь мы можем поесть.

Делла Стрит осмыслила значение того, что произошло, а потом спустя мгновение удрученно сказала:

— Теперь мне уже расхотелось.

Была уже почти полночь. Делла Стрит с темными кругами под глазами сидела за своим письменным столом и с тревогой наблюдала за Мейсоном, который нервно расшагивал по кабинету после их возвращения с унылого обеда, где пара коктейлей не смогла оживить их. Делла Стрит едва прикоснулась к бифштексу, а Мейсон поел с отвлеченным безразличием приговоренного, съдающего свой последний обед. Наконец Мейсон остановился:

— Иди домой, Делла.

— Нет, — покачала она головой, — прежде мы должны узнать.

Мейсон посмотрел на свои часы:

— Сейчас без четверти двенадцать. Полиция весь вечер караулит в квартире Джона Локка. К половине одиннадцатого они начали подозревать, что он от них ускользнул. К половине двенадцатого были уверены в этом, а сейчас предпринимают какие-то шаги.

— Что за шаги? — спросила Делла Стрит.

— Взгляни на это так, как смотрит полиция, — сказал Мейсон. — Они знают, что Надин и Джон Локк исчезли. Они станут подозревать, что он мог быть свидетелем против нее, и начнут принимать меры, чтобы заручиться, что его свидетельство обеспечено.

— Вы имеете в виду, что они чувствуют, что Джон и Надин хотят пожениться?

— Полицейские ведь не дураки. Эта мысль пришла и им в голову. Они поняли это по крайней мере еще час назад.

— Что они могут сделать?

— Прежде всего они могут перекрыть контрольные пункты вдоль границы штата, отправить сообщение по радио в Лас-Вегас и в Юту. Единственный шанс для Джона заключается в том, чтобы нанять самолет и добраться до Юты, а там успеть жениться на Надин, прежде чем полиция обнаружит его исчезновение.

Делла Стрит, готовая вот-вот расплакаться, сказала:

— Вот что получается из-за моего вмешательства. Я не думала, что так получится. Если бы я подождала и вы бы поговорили с ним, то посоветовали бы ему раздобыть самолет и...

— Адвокату не положено предпринимать шаги для утаивания улик, — сказал Мейсон.

— Вы могли бы сказать об этом косвенно. Я все еще думаю, что мы в любую минуту что-то узнаем. Надеюсь, что они сумели это сделать.

Мейсон снова принялся мерить шагами кабинет.

— Пол Дрейк знает? — спросила Делла.

— Пол Дрейк наблюдает за всем этим с самой лучшей позиции, — сказал Мейсон. — Он должен знать, что происходит.

— Шеф, — сказала она, — а сколько таблеток цианида было в той бутылочке, которую нашла полиция?

— Этого мы не знаем, — ответил Мейсон. — Полиция не посвящает нас в свои секреты.

— А когда же мы узнаем?

— Если Гамильтон Бюргер будет достаточно быстр, то мы узнаем об этом, когда это дело дойдет до суда.

— А вы думаете, что оно дойдет до суда?

— Да.

— Даже если Надин и Джон поженятся?

Мейсон кивнул.

— Но если они в самом деле поженятся и если Джон не сможет свидетельствовать, тогда вы

сумеете разрушить это дело.

— Здесь что-то не так, — сказал Мейсон. — У нас слишком много таблеток цианида. Ты помнишь, что полиция извлекла одну бутылочку из озера. Джон, по его словам, выбросил горсть таблеток в унитаз. Стало быть, получается две бутылочки с таблетками цианида. Далее мы имеем бутылочку с таблетками сахарного заменителя, которая была заброшена в озеро. Всего получается три бутылочки: одна из них с безвредными таблетками и две с цианидом.

— Но Джексон Ньюбэрн выбросил эту бутылочку с сахарным заменителем в озеро...

— Но он намерен отрицать это, — сказал Мейсон. — Полиция будет рада пришить это мне. Они не будут очень уж строги с Джексоном Ньюбэрном, если он сумеет сочинить какую-нибудь миленькую байку для них о том, как получилось, что он оказался в мотеле «Прилив» и встречался с Надин.

— Но может ли он сделать это, шеф? Сможет ли солгать так, чтобы не оставить никаких зацепок, которые вы сумели бы потом размотать?

Прежде чем Мейсон смог ответить, резко зазвонил телефон. Делла Стрит подняла трубку.

— Привет... Да, Пол.

Из трубки доносились пронзительные звуки. Мейсон, стоявший у угла письменного стола, с тревогой наблюдал за Деллой Стрит, и не нужны были слова, которые объяснили бы ему, что случилось. Он видел испуг на ее лице.

— О, Пол, — задыхаясь, сказала она.

И вдруг он увидел в ее глазах испуг. Мейсон подошел к вешалке со шляпами, снял оттуда свою, потом подошел к выключателю.

— Хорошо, я ему скажу, — давясь слезами, сказала Делла Стрит и положила трубку. — Пол хочет, чтобы мы заглянули в его контору. Они перехватили Надин и Джона Локка на полпути в Юту. Этот проклятый кретин ехал на своем автомобиле, а полиция знала номерной знак. Теперь они торжествуют и уже сделали заявление прессе.

Делла Стрит подошла к Мейсону. Адвокат щелкнул выключателем, обнял Деллу за талию, и она расплакалась, положив голову на его плечо.

Пол Дрейк вошел в кабинет Мейсона вскоре после полуночи, поприветствовал Деллу и швырнул на письменный стол ранние выпуски газет.

— Насколько это плохо? — спросил Мейсон, не глядя на газеты.

— Они в самом деле ловко сработали, — сказал Дрейк. — Гамильтон Бюргер вел себя строго этично. Он чопорно отказался прокомментировать, но вот сержант Голкомб из отдела по расследованию убийств сделал заявление.

— В кабинете Гамильтона Бюргера?

— Да, и постоянно излучая цитаты из Гамильтона Бюргера, который кивал время от времени головой, как бы закрывая кавычки.

— Ах как интересно. Это очень скверно?

— Хуже и быть не может. Сержант Голкомб заявил, что ему доводилось встречать много дел об убийстве, где адвокатом был Перри Мейсон, поэтому его попытки сбить со следа были почти привычные. И эта фальшивая бутылочка-улика с таблетками сахарного заменителя ни на минуту не одурачила полицию. Они поняли, что Надин раздобыла цианид в лаборатории, где работает Джон Локк, так что когда тот не появился у себя в квартире, полиция начала расследование. Они выяснили, что Джон Локк встречался в своем кафе с мужчиной, который по описанию соответствовал Перри Мейсону.

К десяти часам, когда полиция выяснила, что нельзя найти ни Надин Фарр, ни Джона Локка, сообразительный сержант Голкомб предпринял ответные меры. Установив заграждения на шоссе, ведущие к Лас-Вегасу и в Юту, полиция сумела обнаружить сбежавшую парочку прямо на выезде из Индио.

— Как остроумно, — саркастически сказал Мейсон.

— Эти ребята сейчас блаженствуют в теплых лучах собственного самоутверждения, — сказал Дрейк. — Прямо тошнит от этого. Тут тебе и фотографии сияющего от радости окружного прокурора, который твердо придерживался профессиональной этики, не сделав никаких комментариев, и сержанта Голкомба, курящего большую черную сигару, а заодно и рыдающей парочки в тот момент, когда их сцапали на пути в Юту, где они собирались пожениться.

— Да, от скромности сержант Голкомб никогда не умрет.

— Обрати внимание, как мило сияет Гамильтон Бюргер.

— Пускай себе сияет, — откликнулся Мейсон. — А есть там что-нибудь насчет Джексона Ньюбэрна?

— Полное молчание, — сказал Дрейк. — Ты хочешь прочитать этот хлам?

— Не сейчас. Давай не будем обманывать себя, Пол. Мы получили сокрушительный удар. Уже отсчитали девять раз, а мы все еще лежим на ринге. Надо подняться на ноги и продолжить бой, но очень не хочется вставать и больно.

— Ты чертовски прав: очень больно.

— А как насчет прошлого Надин? Ты говорил, что получил об этом что-то секретное.

— Вся эта история, — сказал Дрейк, — уходит корнями лет на двадцать пять назад, ко времени, когда мать Надин Фарр работала у Мошера Хигли в качестве личной секретарши.

— Господи, — воскликнула Делла Стрит, — ты думаешь, что Надин Фарр могла быть дочерью Мошера Хигли?

— Не торопись, — предостерег ее Дрейк. — Ты хочешь поставить впереди лошади пару телег, да еще впрягаешь в упряжь больную лошадь.

— Рассказывай как знаешь, Пол, — ухмыльнулся Мейсон, — только давай-ка поживее.

— Мошер Хигли и человек по имени Уэсли Мэнн Дженнингс, — сказал Дрейк, — были партнерами в пи строительной компании. А Роза Фарр была личным секретарем и управляющей конторой. Она держала в голове столько данных, что целой бухгалтерии ушло бы полчаса на то, чтобы раскопать это. Она отвечала на телефонные звонки, принимала решения, передавала сообщения и вообще улаживала дела в какие-то секунды, зная об этом бизнесе больше, чем кто-либо другой, занимающийся им.

— Не углубляйся в эту часть дела, Пол, — сказала Делла Стрит. — Мне нравится слушать, как ты детально описываешь образе секретарского мастерства. Я нахожу, что секретарш просто хронически недооценивают.

— Ну эту-то вполне оценивали, — сказал Дрейк. — И Хигли, и Дженнингс высоко ценили ее. Я думаю, что они оба были влюблены в нее. Хигли был ловкачом, а Уэсли Дженнингс был женат. Роза Фарр любила Уэсли, но кто-то донес об этом его жене. А та использовала это как повод для того, чтобы заграбастать себе всю собственность Дженнингса, заставив продать часть вкладов в этой компании. Ну, вы знаете, как развиваются подобные ситуации. Когда распадается брак и муж пытается рассказать о случившемся, то это звучит весьма тускло, потому что он не может припомнить всех мелочей, которые возникают в повседневной семейной жизни. Но женщина вспоминает каждый случай, когда муж нашел пуговицу, оторвавшуюся от его рубашки, и в знак протеста загнал ее ногой под туалетный столик.

— Ты можешь углубиться в эту сторону дела, Пол, — с улыбкой сказала Делла Стрит.

— Черт подери, это же правда, — сказал Дрейк. — Любая женщина может взять пару месяцев обыденной семейной жизни и с помощью записной книжки и легкого приукрашивания вещей изобразить мужчину грубым животным. Жена Уэсли Дженнингса оказалась просто сукой, которая хотела много денег и роспуска компании, чтобы Дженнингс ликвидировал все, чтобы получить это в виде наличных. Поэтому Дженнингс задерживал это дело, как только мог, и они с Розой Фарр работали вместе, стараясь спрятать в некий секретный фонд как можно больше наличных, чтобы предложить жене заманчивый денежный куш. Роза Фарр, знавшая бизнес, помогала Уэсли Дженнингсу во всем. Они хотели пожениться, как только миссис Дженнингс заключит соглашение о праве собственности и даст ему развод. Это был еще один рычаг, который использовала миссис Дженнингс, чтобы получить деньги.

— Что же произошло? — сказал Мейсон. — Имея в виду тот факт, что Надин носит имя своей матери, я предполагаю...

— Ты верно предполагаешь, — сказал Дрейк. — Уэсли Дженнингс застрелился, а спустя семь с половиной месяцев у Розы родилась Надин.

— Так какого же черта он покончил с собой и оставил Розу Фарр в такой ситуации? — спросила Делла Стрит.

— Ну, если посмотреть на это односторонне, — сказал Дрейк, — то это разумно. Когда Роза Фарр обнаружила, что у нее будет ребенок, Уэсли Дженнингс понял, что он побежден. Его жена как раз искала повода, что дало бы возможность сделать обвинение в супружеской измене для завершения продуманной жестокости.

— И что случилось после? — спросила Делла Стрит.

— Роза Фарр ушла из бизнеса. Она родила ребенка и спустя несколько месяцев умерла. Теперь слушай главное, Перри. Роза Фарр написала письмо, которое оставила в банке для вручения Надин в день восемнадцатилетия. Никто не знает, что в нем. По всей вероятности, Роза Фарр воспользовалась такой возможностью, чтобы рассказать Надин, что она незаконнорожденная, да еще такие вещи, которые заставили бы Надин подумать о многом. Спустя месяц после того, как Надин было передано это письмо, она приехала к Мошеру Хигли и

стала жить у него. Он решил дать ей образование. Между ними не было привязанности. Хигли ненавидел и побаивался ее.

— Иными словами, — сказал Мейсон, — в этом письме была рассказана правдивая история, которая изменила всю картину.

— Наверное, так, — кивнул Дрейк.

Мейсон стал говорить, как бы размышляя вслух:

— Могло быть так, что Хигли мошеннически завладел именем своего компаньона при ликвидации компании или в смерти Уэсли Дженнингса было что-то подозрительное. Может быть, это не было самоубийством, а Хигли мог спустить курок и сделать так, что это выглядело как самоубийство. Брось это, Пол, мне придется выяснить, что было в этом письме.

— Тебе и окружному прокурору, — заметил Пол.

— Это тот случай, когда мы не можем позволить себе никаких ошибок, Пол. Это письмо не может быть использовано как улика, чтобы доказать факты, которые мы хотим утаить. Но его могут использовать против Надин, чтобы установить причину. Взглянем на эту ситуацию с точки зрения окружного прокурора. Имеется незаконнорожденный ребенок, плод внебрачной связи. Девочке исполняется восемнадцать лет. Она вскрывает письмо от своей матери, которое содержит информацию, что дает ей возможность поехать к Мошеру Хигли и шантажировать его. Если бы Мошер Хигли был жив, мы могли бы, по крайней мере, попытаться доказать правдивость тех или иных фактов, изложенных в письме. Но теперь мы не можем расследовать их. Однако письмо поможет установить мотивировку.

С точки зрения окружного прокурора, ни у Мошера Хигли, ни у Надин не было никакой привязанности друг к другу. Она узнала информацию, которая дала ей возможность поселиться в его доме и заставила его взять на себя ее обучение в школе и в колледже. Джон Локк влюбился в Надин. Мошер Хигли был другом семьи Локков. Он не хотел, чтобы Джон Локк попался на удочку шантажистки. Он пытался оставаться джентльменом, но не отправился к Локкам и не рассказал им эту историю, а велел Надин, чтобы она убиралась. И спустя несколько дней Мошер Хигли получает в шоколаде цианистый калий, а Надин признается доктору, что это было страшной ошибкой.

— И как, черт подери, ты сможешь противостоять этому, Перри?

Мейсон покачал головой.

— Если бы я мог придумать ответ на это, Пол, я бы был больше чем адвокат. Я бы тогда был колдуном.

— А сможет ли полиция найти такую же информацию?

— Так ты же нашел.

— Я думаю, что они воспользуются теми же источниками. Но у тебя, — сказал Дрейк, — есть одно преимущество: ты можешь добиться, чтобы Надин рассказала тебе содержание письма.

— Это может сделать и полиция, Пол.

— Но как?

Мейсон сделал жест, как если бы выжимал мокрую тряпку.

Мейсон сидел в тюремной комнате для свиданий. По другую сторону проволочной перегородки с мелкими ячейками на него смотрела спокойными, задумчивыми глазами Надин Фарр, выглядевшая благодушной и прекрасной.

— Вы собираетесь посадить меня на свидетельское кресло? — спросила она.

Мейсон в задумчивости разглядывал ее.

— Давайте говорить прямо, Надин. Если я посажу вас на свидетельское место, то вам придется рассказать о письме, оставшемся вам от матери.

Она несколько секунд молчала.

— Я хочу узнать, о чем было письмо, — сказал Мейсон. Я уже говорила, что никогда и никому не расскажу.

— Я, как ваш адвокат, должен знать. Она покачала головой.

— Возможно, — продолжал Мейсон, — вы не понимаете, до какой степени безнадежна ситуация. Гамильтон Бюргер собирается заявить, что вы шантажировали Мошера Хигли, чтобы он предоставил вам кров, дал образование и сделал наследницей его остаточного имущества, включив в завещание.

— И что же потом?

— Потом присяжные будут настолько предубеждены против вас, что, если будет хотя бы малейшее свидетельство, что вы отравили Хигли, они вынесут вердикт об убийстве первой степени.

— И что же в итоге мы должны делать?

— В итоге, — терпеливо сказал Мейсон, — мы будем это оспаривать, доказывая им, что вы не шантажировали Мошера Хигли.

Она твердо встретила его взгляд.

— А вам никогда не приходило в голову, что причина, почему я не пыталась объяснить случившееся, состоит в том, что окружной прокурор прав?

Мейсон поднял брови.

— Я шантажировала его и сожалею о том, что не шантажировала еще больше.

Мейсон с тревогой посмотрел туда, где в дальнем конце комнаты стояла надзирательница.

— Не говорите так резко, — сказал он.

— Мошер Хигли был убийцей, — сказала она. — Он убил моего отца, а затем умерла моя мать.

— Где письмо, которое вам оставила мать?

— Я его сожгла.

— А что там было написано?

— Моя мать пыталась объяснить мне, почему я была рождена вне брака, рассказать о тех трудностях, которые ожидают меня в жизни. Но между строк письма я обнаружила то, над чем я принялась думать. В то время, когда мой отец покончил с собой, компания была замешана в одном скандале по поводу строительства большого школьного здания. Мошер Хигли сделал все так, что мой отец был ответственным за эту работу, а выплаты делал он. Считалось что мой отец покончил с собой, когда узнал, что моя мать беременна и что его жена собирается настоять на вызове ее в суд как свидетельницы в бракоразводном процессе. Но мой отец не убивал себя. Мошер Хигли убил его, когда мой отец показал ему доказательство того, что именно он был ответственным за нечестную сделку в строительстве школьного здания, а Хигли сделал так, что это выглядело самоубийством.

— Продолжайте.

— Мошер Хигли не знал содержания письма, которое оставила мать, но знал, что было какое-то письмо, которое должны были передать мне в день моего восемнадцатилетия. Я выяснила, что он отчаянно боялся того, что могло быть написано в письме. Ему было интересно, много ли знала моя мать. Я стала блефовать, сказав ему, что в письме есть улика, доказывающая, что он убил моего отца и мошеннически разорил компанию. Я угрожала нанять детективов и доказать, что он убийца и забрал себе деньги, которые по закону должны были бы принадлежать мне как дочери, даже если я и была незаконнорожденной.

— Говорите дальше, — сказал Мейсон.

— Он согласился, чтобы я приехала и жила вместе с ним, чтобы завершить образование, которое было весьма поверхностным. Поверьте мне, этот мир был ко мне достаточно суров. Я была сиротой, ублюдком, и на меня сыпались тяжелые удары. Я нуждалась в образовании. А кроме того, меня мало интересовало, что произойдет.

— Вы ненавидели Мошера Хигли?

— Я его ненавидела всеми клеточками, а он меня. Мы поддерживали только внешнюю видимость привязанности, поскольку я жила вместе с ним и у меня были обязанности главной экономки. Поверьте мне, я платила за все, что получала. Я добивалась самого лучшего соглашения, правда не того, которое было мне нужно, но это был единственный способ, которым я могла продвигаться вперед и получить образование.

— Стало быть, — сказал Мейсон, — когда окружной прокурор намекает на то, что вы шантажировали Мошера Хигли, он...

— Он говорит абсолютную правду, — сказала Надин Фарр.

— Если бы вы пришли ко мне, когда открыли письмо вашей матери и предоставили бы мне уладить дела как вашему адвокату... — прорычал Мейсон.

— Вы не смогли бы сделать это лучше, чем сделала я, — перебила его она. — Вспомните, что не было ни малейшей улики, а одни лишь подозрения. Мне пришлось блефовать. Я была вольна прибегнуть к шантажу, а вы не смогли бы зайти так далеко.

Мейсон в задумчивости помолчал несколько мгновений, а потом сказал:

— Не нужен шантаж. Я бы поставил на эту работу детективов и получил бы доказательства.

— Вы не смогли бы. Он был слишком ловок и хорошо заметал следы. Но я знала, как напугать его, и я это сделала. И все было нормально на какое-то время. Потом он сообразил, что я блефую. Я не знаю, что подсказало ему это, но он понял. Поэтому когда мы с Джоном полюбили друг друга, он выкинул козырную карту, сказав, что я должна уйти из жизни Джона, и если я не исчезну сама, то он расскажет семье Джона все о моем рождении и о том, что я авантюристка и шантажистка.

Мейсон переварил эту информацию.

— Как все это может повлиять на мое дело? — спросила она.

— Это создает впечатление, что вы могли убить его.

— Вот это я и почувствовала. Вы говорите, что я не должна лгать своему адвокату. Теперь я сказала всю правду.

Мейсон отодвинул свой стул и кивнул надзирательнице.

— Хорошо, — сказала Надин Фарр, — как я понимаю, этот жест отвечает на все вопросы, которые я могу задать: велики ли шансы, что я окажусь перед судом присяжных?

Когда Мейсон покинул комнату для свиданий и находился перед репортерами, поджидавшими его в коридоре, на его лице нельзя было прочесть ничего.

— Что вы хотите узнать? — спросил Мейсон, глядя на вспышки фотоаппаратов.

— Нам нужна история Надин, — сказал один из репортеров.

Улыбка Мейсона была ледяной:

— Это будет раскрыто в суде.

— Тогда расскажите нам об этом деле. Какова ситуация? Какова будет позиция защиты?

— Позиция защиты, — медленно и осмотрительно сказал Мейсон, — состоит в том, что моя клиентка распинается на кресте случайного стечения обстоятельств. И это, джентльмены, все, что вам удастся вытянуть из меня.

Дело «Народ штата Калифорния против Надин Фарр» было делом, которое, говоря газетным языком, «включало в себя все». Пресса в один голос расписывала обвиняемую как ослепительно прекрасную. Было известно, что мужчину, который был влюблен в нее, хотят силой заставить свидетельствовать против женщины, на которой он хотел жениться, когда ее арестовали. Окружной прокурор хочет доказать, что эта застенчивая и ослепительная обвиняемая была хладнокровной шантажисткой, которая отравила Мошера Хигли, когда тот отказался позволить ей, незаконнорожденному ребенку, шантажировавшему его, выйти замуж за сына одного из его близких друзей.

В этом деле были и захватывающие юридические моменты. Считалось общепризнанным, что Перри Мейсон, адвокат защиты, был пойман за одним из его эффектных и нестандартных трюков. Окружному прокурору придется нелегко, доказывая, что Мейсон «подбросил» бутылочку с безвредными таблетками на место цианида, который был выброшен в озеро обвиняемой. Так еще было неизвестно, можно ли записанное на магнитофонную пленку признание, сделанное врачу, когда пациент находился под воздействием наркотиков, учитывать в качестве улики.

В юридических кругах предсказывалось, что в этом деле у защиты Мейсона нет шансов устоять. Единственное, на что он мог надеяться, — это призвать на помощь разные технические формальности и с помощью юридических фокусов и изобретательности помешать исполнению правосудия. Сумеет он или нет осуществить это — было предметом споров. Шансы были один к десяти против него. По мнению представителей суда, Мейсон находился в положении дырявого кувшина, понапрасну пытающегося снова и снова черпать воду из колодца.

Гамильтон Бюргер приступал к делу, предвкушая легкую добычу. Присяжные были названы, включены в список и приведены к присяге. Гамильтон Бюргер сделал вступительное заявление, которое было шедевром саркастических обличений и завершалось таким пассажем:

— Вы, леди и джентльмены, члены суда присяжных, несомненно, прочитали заявление адвоката защиты, сделанное прессе, что его клиентку распинают на кресте случайного стечения обстоятельств. Обвинение надеется доказать, что обвиняемая обдуманно стала отравительницей, убийцей, шантажисткой и оказалась в ловушке ее собственной порочности.

Гамильтон Бюргер поклонился присяжным и, повернувшись, с громоханием сел на свое место за судейским столом, всем своим видом напоминая огромного мстительного медведя гризли, сила и свирепость которого легко могли сокрушить любое сопротивление.

— Желает ли защита сделать какое-либо заявление? — спросил судья Эшхерст.

— Пока нет, — сказал Мейсон.

— Обвинение может вызывать свидетелей, — сказал судья, повернувшись к окружному прокурору.

— Доктор Медли П. Грэнби, — объявил Гамильтон Бюргер.

Доктор Грэнби вышел вперед и принял присягу.

— Оговариваю для себя право на перекрестный допрос доктора в отношении его квалификации как врача и хирурга, — сказал Мейсон.

— Хорошо, — сказал Гамильтон Бюргер. — Доктор, ваше полное имя — Медли Проснет Грэнби, и вы тот врач, который лечил Мошера Хигли все время, включая и последнюю болезнь?

— Да.

— Вы видели Мошера Хигли в момент его смерти?

— Я прибыл туда почти сразу после того, как Мошер Хигли скончался.

— Как он внешне выглядел? Что вы заметили?

— Я заметил красноту на коже, и потом эта история о том...

— Одну минуту, — вмешался Мейсон. — Мы возражаем против любых историй на том основании, что это слухи. Насколько я понимаю, доктор, вы сейчас ссылаетесь на сказанное вам сиделками, которые там дежурили?

— Да, верно.

— Это слухи, — постановил судья Эшхерст. — Строго придерживайтесь физической внешности.

— Я заметил довольно странную красноту кожи. Этот человек пил шоколад, когда он получил роковой...

— Одну минуту, — сказал Мейсон. — Я ходатайствую, чтобы эта часть ответа была отведена как являющаяся выводом свидетеля и не соответствующая вопросу. Тот факт, что покойный, очевидно, пил шоколад, весьма определенно является выводом свидетеля.

— Этот свидетель — медицинский эксперт, — сказал Гамильтон Бюргер. — Он имеет право представить свое мнение.

— Он может делать медицинские заключения, но не может превращаться в эксперта по косвенным уликам и может говорить только о том, что сам видел.

— С позволения высокого суда, это весьма очевидная техническая формальность.

— Обвиняемая официально сообщает, — сказал Мейсон, — что с учетом обстоятельств данного дела она намерена полагаться на любую техническую формальность, которую закон предоставляет ей для ее защиты. Вещи, к которым прокурор относится как к техническим формальностям, являются гарантиями, которые закон предоставляет обвиняемой, чтобы предотвратить возможность ее несправедливого осуждения. Защита намерена настаивать на том, чтобы ни одна из таких гарантий не была проигнорирована.

— Ходатайство защиты принимается, — постановил судья Эшхерст. — Часть, касающаяся того, что покойный, очевидно, пил шоколад, должна быть опущена.

— Очень хорошо, — с раздражением сказал Гамильтон Бюргер. — Что вы действительно видели, доктор? Вы теперь понимаете суть возражения, сделанного защитой?

— Я видел Мошера Хигли, который был моим пациентом. Он был мертв. Я заметил определенную красноту кожи и осколки разбитой чашки на полу. Я видел шоколад или жидкость, которую я принял за горячий шоколад, потому что она пахла шоколадом, пролитую на полу и на ночной рубашке, которая была надета на Мошере Хигли.

— Присутствовали ли вы, когда тело Мошера Хигли, в соответствии с указанием суда, было эксгумировано? — спросил Гамильтон Бюргер.

— Да.

— Вы участвовали во вскрытии тела? Пришли ли вы к заключению по поводу причины смерти?

— Да.

Что явилось причиной смерти?

— Я решил, что Мошер Хигли умер от яда.

— Что это был за яд?

— Цианистый калий.

— Перекрестный допрос, — торжествующе сказал Бюргер.

— Доктор, в тот момент, когда вы видели Мошера Хигли, — сказал Мейсон, — заметили ли вы все эти симптомы, которые подчеркнул окружной прокурор?

— Да.

— Вы внимательно отнеслись к ним?

— Ну... нет. Я их видел. Это все, что я могу сказать.

— Значит, вы не отнеслись к ним внимательно?

— В тот момент нет.

— Почему?

— Потому что я не знал, что эти вещи будут иметь значение.

— Вы были вызваны как врач?

— Да.

— Вы знали, что этот человек умер и вам придется заверить причину его смерти?

— Да.

— Следовательно, вы осмотрели тело и все вокруг для определения причины смерти?

— И да и нет.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что я сделал то, что я бы назвал поверхностным осмотром.

— В результате такого осмотра вы в тот момент пришли к выводу относительно причины смерти?

— Я же подписал свидетельство о смерти.

— Доктор, не уклоняйтесь от вопроса. Я спрашиваю вас, пришли ли вы в тот момент к выводу относительно причины смерти?

— Ну... Да.

— И вы решили, что этот человек умер в результате коронарного тромбоза, ведь так?

— Да.

— И вы подписали свидетельство о смерти, определяя это причиной смерти?

— Да, сэр.

— А теперь вы думаете, что ошиблись, когда подписывали свидетельство о смерти?

— Да, ошибся.

— Вы и теперь полагаете, что Мошер Хигли умер не в результате коронарного тромбоза?

— Я знаю, что он умер не в результате коронарного тромбоза.

— Вы знаете, что совершили ошибку, когда решили, что это было причиной смерти, увидев его в первый раз?

— Да, сэр, и я хотел бы привести вам свои доводы.

— В данный момент меня не интересуют ваши доводы, — сказал Мейсон. — Я вас просто спрашиваю в фактическом плане: совершили ли вы ошибку и пришли ли вы к ложному выводу? Вы можете ответить либо «да», либо «нет». Итак, пришли ли вы к ложному выводу или нет?

— Да, — сказал доктор Грэнби, губы которого дрожали от гнева.

— Можно ли коронарный тромбоз вызвать питьем шоколада?

— Разумеется, нет. Коронарный тромбоз — это закупорка коронарной артерии сгустком крови, прекращающим ее циркуляцию и приводящим к смерти.

— Ваша обычная манера не рассчитана на то, чтобы определить причину смерти?

— Разумеется, нет.

— То есть вы хотите, чтобы присяжные поняли так, что в тот момент вы использовали все лучшее в вашей профессиональной компетенции, искусстве и опыте, рассудительности для определения причины смерти.

— Я вынужден признать, что я упустил из виду красноту кожи.

— Вы хотите, чтобы присяжные поняли так, что в тот раз, исполняя свой священный профессиональный долг, вы не в полной мере использовали ваше мастерство и компетенцию?

— Я пришел к неверному выводу, и это говорит само за себя.

— Говоря по-другому, вы не сделали всего, что могли? Это верно?

— Я сделал все, что мог.

— Вы приняли во внимание все факты и обстоятельства?

— Разумеется.

— Тогда что же вы имеете в виду под заявлением, что вы не приняли во внимание красноту кожи пациента?

— В тот момент я не учел, что это имеет какое-то отношение к причине смерти.

— Но вы заметили это?

— Да, заметил.

— Вы учли это в совокупности с прочими фактами дела для определения причины смерти?

— Да.

— И решили, что это указывает на смерть от коронарного тромбоза?

— Это один из симптомов смерти от цианистого калия или от отравления окисью углерода.

— И в тот момент вы его заметили?

— Да.

— В тот момент это не указало вам на возможность смерти от цианистого калия?

— В тот момент нет.

— Почему?

— Потому что я еще не был осведомлен об определенных моментах в этой ситуации, которые позднее изменили весь аспект данного дела.

— Вы изменили свое мнение позднее, после того как вам сообщили об этих моментах?

— После того как я ассистировал при вскрытии тела после его эксгумации.

— В тот раз вы приняли во внимание значение этой красноты на коже?

— Да.

— И это явилось результатом этого дела, которое затем стало вам известно и оказалось значительным?

— В известном смысле да.

— Выходит, вы изменили ваше мнение относительно причины смерти, потому что вам что-то рассказали?

— Нет, сэр. Это не так.

— Вы изменили ваше мнение относительно красноты кожи, потому что кто-то что-то вам рассказал?

Доктор заколебался и беспомощно посмотрел на окружного прокурора:

— Я сказал это с учетом истории этого дела.

— Когда вы говорите об «истории этого дела», вы ссылаетесь на то, что кто-то вам рассказал?

— Да.

— Следовательно, вы изменили ваше мнение в результате свидетельства, основанного на слухах?

— Я этого не говорил.

— Вы изменили ваше мнение о красноте кожи из-за свидетельств, основанных на слухах?

— Ну... да. Если вам угодно выразить это так.

— Благодарю вас, — сказал Мейсон. — Это все, доктор.

— Одну минуту, — сказал Гамильтон Бюргер. — У меня есть несколько дополнительных вопросов, которые мне следует задать, хотя я надеялся, что они будут заданы в ходе перекрестного допроса. Доктор, почему вы теперь говорите, что Мошер Хигли умер в результате отравления цианистым калием?

— Одну минуту, — сказал Мейсон. — Я возражаю против этого вопроса. Об этом следует

спрашивать в ходе непосредственного исследования. Совершенно очевидно, что здесь произошло. Окружному прокурору не удалось высказаться об одной из частей дела, поскольку он почувствовал, что когда я стану вести перекрестный допрос свидетеля, то самим свидетелем факты могут быть раскрыты с впечатляющим эффектом. Предприняв эту авантюру, он теперь сам же и связан.

Судья Эшхерст пощипал свой подбородок, на какое-то мгновение выглядя нерешительным. — Если я могу объяснить, — сказал Гамильтон Бюргер, — я...

Судья Эшхерст покачал головой.

— Я думаю, что ситуация говорит сама за себя, мистер прокурор, — сказал он. — Адвокат защиты прав в том, что касается его заявления о фактах и о требованиях закона. Тем не менее задача высокого суда состоит в том, чтобы отправлять правосудие, а не действовать в качестве третейского судьи в юридическом учебном поединке между сторонами. Для адвокатов является общепринятой практикой ставить ловушки противостоящей стороне с тем, чтобы определенные факты, которые могут иметь весьма важное значение, были бы выявлены в ходе перекрестного допроса, дабы смутить того, кто его проводит. В данном деле нет никаких сомнений, что обвинение применяет такую тактику, а адвокат защиты достаточно проницателен, чтобы избежать этой ловушки. Тем не менее высокий суд с вниманием относится к тому факту, что допрос свидетелей полностью зависит от усмотрения высокого суда, и это не юридический учебный поединок, а попытка выявить определенные факты. Высокий суд разрешает данному свидетелю ответить на вопрос, но предупреждает вас, мистер прокурор, что в этом деле формальные права обвиняемой тщательно охраняются. Как весьма удачно заявил адвокат защиты, эти так называемые технические формальности являются гарантиями, воздвигнутыми законом страны, чтобы защитить обвиняемых. Высокий суд отклоняет это возражение. Высокий суд не желает слушать никаких юридических упражнений. А теперь, доктор, продолжайте и отвечайте на вопрос.

Доктор Грэнби важно прокашлялся и сказал:

— Первоначально я пришел к заключению, что покойный, вероятно, умер в результате коронарного тромбоза. Мое патологоанатомическое исследование показало, что коронарного тромбоза не было, но причины смерти раскрыть не смогло. Тело было забальзамировано. Цианистый калий — смертельный яд, все следы которого уничтожаются введением бальзамирующего раствора. Краснота кожи является дополнительным симптомом смерти от цианистого калия. Принимая во внимание все эти факторы, теперь мое медицинское заключение таково, что покойный умер от отравления цианистым калием.

— Это все, — сказал Гамильтон Бюргер. — Вы можете вести перекрестный допрос.

— Иначе говоря, — сказал Мейсон, — единственная версия, что покойный умер от отравления цианистым калием, возникла потому, что вы не можете отыскать другой причины смерти?

— В каком-то смысле да.

— А вы знакомы, доктор, с тем фактом, что в определенных случаях самые лучшие патологоанатомы страны оказываются не способны определить причину смерти?

— Да, но я не думаю, что процент этих случаев высок.

— А каков процент, вы знаете?

— Не знаю.

— Раз вы не знаете, то это десять процентов.

— Я не думаю, что это верно.

— Но вы не знаете?

— Нет, я не знаю.

— Вы должны знать, что в значительном числе случаев патологоанатомы не способны определить причину смерти к моменту вскрытия.

— Да, я знаю.

— И что же, значит, во всех случаях причиной смерти был цианистый калий?

— Разумеется, нет.

— Однако вы пришли к заключению, что он умер от отравления цианистым калием, потому, что вы не смогли найти другой причины смерти. Разве это не так?

— Вряд ли это подходящий способ для определения этого.

— А как же еще вы бы определили это? — спросил Мейсон.

— Я полагаю, что ведь должна же быть какая-то причина смерти, и, поскольку мне не удалось найти ее во время вскрытия и поскольку тело было набальзамировано, я предположил, что бальзамирование скрыло истинную причину смерти.

— Поскольку вы не смогли отыскать причину смерти, вы предположили, что она была скрыта бальзамированием?

— Да.

— Тем не менее вы ведь знаете, в значительном проценте случаев невозможно определить причину смерти, если даже не было бальзамирования, и это медицинский факт.

— Но не в десяти процентах случаев, как вы предположили.

— А откуда вы знаете, что это не так?

— Ну, я... я предполагаю, что это не так. Я думаю, что этот процент где-то от трех до пяти.

— Вы ссылаетесь сейчас на вашу собственную практику?

— Да. Когда делается вскрытие, процент смертей от неустановленной причины незначителен.

— И в вашей собственной практике он колеблется от трех до пяти процентов?

— Я предоставляю вам устанавливать эти цифры.

— В конкретном случае потому, что вы не смогли определить причину смерти, и потому, что тело было забальзамировано, вы предположили причиной смерти средство, которое было устранено бальзамированием, и поэтому вы решили, что это был проглоченный покойным цианистый калий, так?

— Ну, это довольно-таки неподходящий способ определения этого, но я отвечу на этот вопрос утвердительно.

— У вас были другие случаи, когда вы были неспособны определить причину смерти до бальзамирования?

— Да.

— От трех до пяти процентов, доктор, а?

— Ну... да.

— И в тех случаях вы удостоверяли, что причиной смерти был цианистый калий?

— Не будьте абсурдны. Разумеется, нет!

— А вы когда-нибудь, в любых из этих случаев, удостоверяли, что они были вызваны цианистым калием?

— Нет.

— Значит, в тех случаях вы удостоверяли, что причина смерти была неизвестна?

— Ну... нет.

— Выходит, вы не знали причины смерти и были неспособны определить ее? — спросил Мейсон.

— Да.

— И все же вы не указывали этого в свидетельстве?

— В свидетельстве о смерти, мистер Мейсон, должна быть причина смерти. У медиков принято определенные болезни вносить в свидетельство как причину смерти, когда точно невозможно определить, что же было настоящей причиной.

— Значит, когда вы не можете определить причину смерти, вы просто прибегаете к вымыслу. Это верно?

— Надо же указать причину смерти.

— Да, надо, — сказал Мейсон. — Стало быть, когда вы не в состоянии найти причину смерти, вы вписываете любую причину смерти. Это так?

— В таких случаях да.

— Следовательно, не меньше чем в трех процентах ваших случаев вы умышленно фальсифицировали свидетельства о смерти?

— Я не фальсифицировал.

— Значит, это неверно?

— Все врачи так делают.

— И вы делаете?

— Да.

— Данный случай был сходен со всеми другими, где вы заявляли, что была смерть от цианистого калия?

— Этот случай сходен не в точности.

— Почему же он не сходен?

— Потому что возможно отравление цианидом.

— Почему возможно?

— Прежде всего из-за цвета кожи.

— Но вы же обратили внимание на цвет кожи в тот момент, когда подписали свидетельство о смерти от коронарного тромбоза, разве не так?

— Да.

— Хорошо, а что еще так было?

— Ну конечно, — выпалил доктор Грэнби, — есть же еще и признание обвиняемой, ее собственное заявление...

— Поскольку вам было сказано, что заявления, сделанные обвиняемой, указывали на смерть от отравления цианистым калием, вы и подтвердили, что смерть была вызвана цианистым калием.

— Это была одна из причин.

— Это единственная причина, которую вы можете назвать в настоящий момент, разве не так, доктор?

— Есть в наличии и тот факт, что не было никаких других видимых причин смерти.

— Но вы же только что заявили, что в определенном проценте смертей вы не смогли обнаружить причину смерти.

— Да, заявил.

— Но ваше свидетельство не подтверждает этого?

— Я назвал причину смерти.

— Несмотря на тот факт, что, не зная причины смерти, вы подписали свидетельство, устанавливающее, что смерть наступила вследствие определенной причины?

— Это повсеместная принятая медицинская практика.

— Это все, — сказал Мейсон.

Гамильтон Бюргер что-то шептал своему заместителю. Вероятно, их расстроило свидетельство доктора, но они не знали точно, как попытаться исправить этот минус.

— Есть еще какие-нибудь вопросы? — спросил судья Эшхерст.

Гамильтон Бюргер покачал головой и сказал:

— Вопросов нет.

Судя по его тону, он понял, что его совещание шепотом лишь еще больше ухудшило его позицию. Следующим свидетелем Гамильтона Бюргера была Мэрилин Бодфиш, которая дежурила у постели больного в субботу, когда умер Мошер Хигли. Она свидетельствовала, что обвиняемая, Надин Фарр, обычно подменяла ее в полдень, предоставляя свидетельнице время для отдыха, что в ту субботу был солнечный день и она уединилась в укромном месте между гаражом и изгородью, где стояла раскладная кровать, и там принимала солнечные ванны, когда услышала, что из ее спальни, находившейся наверху гаража, доносится звук электрического звонка для экстренных случаев. Она поспешно натянула на себя какую-то одежду и помчалась в дом, где застала Мошера Хигли задыхающимся и в конвульсиях. На полу были следы рвоты, валялась разбитая чашка и несколько капель шоколада попало на его ночную рубашку. Она заметила, что шоколад на полу был еще теплым.

— А вы не заметили что-нибудь еще? — спросил Гамильтон Бюргер.

— Я почувствовала какой-то запах.

— Какой запах?

— Запах горького миндаля.

— Во время вашего обучения как сиделки не изучали ли вы яды?

— Изучала.

— Вы знаете, что означает запах горького миндаля?

— Запах цианистого калия.

— И вы в тот раз обнаружили этот запах?

— Да.

— Перекрестный допрос, — торжествующе сказал Гамильтон Бюргер.

— Когда вы впервые поняли значение этого запаха? — спросил Мейсон.

— Я заметила его, как только склонилась над пациентом.

— Ответьте на мой вопрос, — перебил ее Мейсон. — Когда вы впервые поняли, что это за запах?

— Позднее, когда я услышала, что, возможно, было отравление цианидом.

— Вы были в комнате, когда приехал доктор Грэнби?

— Да, сэр.

— А не сообщили ли вы ему, что обнаружили запах горького миндаля?

— Нет, сэр.

— А доктор Грэнби не говорил вам, что он обнаружил запах горького миндаля?

— Нет, сэр. Мы не обсуждали этого.

— Были ли вы там, когда доктор Грэнби подписывал свидетельство о смерти, ставя причиной смерти коронарный тромбоз?

— Я была там, когда он объявил причину смерти.

— А вы тогда не намекнули ему, что могла быть и другая причина?

— Разумеется, нет. Это не функция сиделки поправлять диагноз врача.

— А вы в тот момент не подумали, что диагноз был неверным?

— Я...

— Ваша честь, — сказал Гамильтон Бюргер, — эта свидетельница выступает не в качестве медицинского эксперта, а как просто сиделка, которая прошла определенное обучение. И может свидетельствовать в отношении конкретных вещей. Этот вопрос не соответствует правилам перекрестного допроса.

— Он соответствует правилам перекрестного допроса, — сказал Мейсон. — Она сейчас свидетельствует, что почувствовала запах горького миндаля и знала, что это указывает на отравление цианидом. Поэтому важно выяснить, обратила ли она внимание доктора, что она конечно же сделала бы, если бы почувствовала сильный запах, или же ждала, пока полиция не внушила ей эту идею.

— Это уже пристрастное заявление, — сказал Гамильтон Бюргер. — Нет никаких свидетельств того, что эта идея была внушена ей полицией.

— Позвольте мне продолжить перекрестный допрос, — сказал Мейсон, — и я докажу, откуда появилась эта идея.

— Один момент, — сказал судья Эшхерст, — взаимный диспут граничит с должностным проступком обеих сторон. Свидетельнице был задан вопрос. Она не вызвана для прямого допроса и не может дать какое-либо пояснение по поводу смерти, но этот вопрос касается ее поведения в то время. Возражение отклоняется.

— Вы в то время обращали чье-нибудь внимание, что обнаружили запах горького миндаля?

— Нет.

— А у вас перед разговором с полицией или с окружным прокурором было какое-либо представление о том, что запах горького миндаля имеет какое-то значение?

— Нет.

— Думали ли вы в то время, что запах горького миндаля связан с цианидом?

— В то время нет.

— И только впоследствии, когда вас допрашивала полиция, они спросили вас, не было ли там чего-то, о чем вы могли подумать, как на указывающее присутствие цианида, только тогда вы сделали это заявление, да?

— Нет, не полиция, а прокурор.

— Сам Гамильтон Бюргер, — сказал Мейсон, кланяясь окружному прокурору. — Вот тогда-то этот вопрос впервые и пришел вам в голову, так?

— Я тогда в первый раз сообщила об этом.

— Это был первый раз, когда вы поняли значение того запаха?

— Да.

— И мистер Бюргер спросил вас, не заметили ли вы чего-то такого, что указывало бы на отравление цианидом?

— Ну... да.

— А не сказал ли вам далее мистер Гамильтон Бюргер, что запах горького миндаля указывает на отравление цианидом, и не спросил ли он вас, не обнаружили ли вы этот запах?

— Да.

— Это было до того, как вы рассказали ему, что учуяли запах горького миндаля? И тогда эта мысль вкралась вам в сознание?

— Да.

— И вы тогда подумали, что помните это?

— Тогда я вспомнила, что почувствовала этот запах.

— Это все, — улыбнулся Мейсон.

— Это все, — огрызнулся Гамильтон Бюргер, тут же добавив: — С дозволения высокого суда замечу, что следующий свидетель настроен враждебно. Тем не менее нам необходимо вызвать его. Доктор Логберт П. Динэйр, не сообразовали ли вы пройти вперед и принести присягу?

Доктор Динэйр прошел вперед, принес присягу и свидетельствовал о своей квалификации как врача и хирурга, о практике в психиатрии, о том, что он был знаком с обвиняемой.

— Итак, не советовалась ли с вами обвиняемая по профессиональным вопросам пятнадцатого сентября этого года или чуть раньше?

— Да.

— И вы решили, что она страдает от острого чувства вины?

— Возражаю против этого вопроса, — сказал Мейсон, — как требующего раскрытия конфиденциальной информации, существующей между врачом и пациентом.

Судья Эшхерст подумал с минуту, а потом сказал:

— Возражение поддерживается.

— Не посоветовали ли вы обвиняемой, что для нее было бы выгодно, если бы вы провели ей проверку сывороткой истины?

— То же самое возражение, — сказал Мейсон.

— То же самое постановление.

— Вы давали обвиняемой наркотик семнадцатого сентября?

— Да.

— Было ли предназначением этого наркотика преодолеть так называемый механизм защиты, который мог помешать пациентке раскрыть те факты, которые она могла считать вредящими ей?

— Да.

— Был ли у вас в тот раз магнитофон?

— Да.

— Сделала ли пациентка заявление, которое было записано на магнитофон?

— Теперь, с позволения высокого суда, — сказал Мейсон, — я возражаю против вопроса на том основании, во-первых, что он некомпетентен, неуместен и несуществен, что, как выяснилось, пациентка находилась под воздействием наркотиков, и поэтому все, что было заявлено в то время, являлось плодом одурманенного воображения. Во-вторых, вопрос призывает к раскрытию конфиденциальных сведений, и, в-третьих, что если в магнитофонной ленте и содержалось какое-либо признание или сообщение, то это не дает подходящих оснований, поскольку в этом нет никакого доказательства состава преступления.

— Итак, — сказал судья Эшхерст, — мы подходим к сложному вопросу юридической ситуации, который, как в общих чертах понимает высокий суд, должен был возникнуть в ходе судебного разбирательства. Я думаю, что этому спору следовало бы состояться вне присутствия присяжных. Высокий суд должен заметить, что этот вопрос в том виде, в котором он сейчас задается, не дает ответа, который подтвердил бы все сделанные возражения. Насколько я понимаю, обвинение хочет показать, что магнитофонная запись была произведена, а затем отпустить доктора. Обвинение желает представить эту магнитофонную запись в качестве признания обвиняемой и просит, чтобы эта запись была прослушана присяжными.

— Это верно, ваша честь, — сказал Гамильтон Бюргер.

— Однако, — сказал Мейсон, — раз нам предстоит встретиться со всеми этими фактами, то мы можем встретиться с ними и сейчас.

— Я думаю, что на этот раз я отклоню эти возражения, пока мы не закончим с предварительными выяснениями, — постановил судья Эшхерст.

— Вы сделали магнитофонную запись? — спросил Гамильтон Бюргер.

— Сделал.

— И где она была?

— Я положил ее в свой сейф.

— И что случилось с ней после?

— Она была передана полиции моей сиделкой.

— Я демонстрирую вам магнитофонную бобину, на которой красным карандашом и, предположительно, вашим почерком сделана надпись, гласящая: «Разговор с Надин Фарр, 17 сентября», и спрашиваю вас: сделана ли эта надпись вами?

— Да, сэр.

— Это все, — торжественно сказал Гамильтон Бюргер.

— Несколько вопросов, — сказал Мейсон. — В тот момент, когда была сделана эта магнитофонная запись, являлась ли Надин Фарр вашим пациентом?

— Да, сэр.

— И вы старались вылечить ее?

— Да, сэр.

— И вы почувствовали, что для того, чтобы вылечить ее эффективно, нужно знать факты, которые могли быть выявлены путем вопросов и ответов во время проверки сывороткой истины, так?

— Да, сэр.

— И вы провели эту проверку как психиатр, врач и хирург?

— Да, сэр.

— Скажите, а не находилась ли в тот момент обвиняемая под воздействием наркотиков?

— Да, сэр.

— Она понимала, что она делает?

— Здесь вы касаетесь весьма специфической психологической ситуации, мистер Мейсон. Одна часть ее сознания понимала, что она делает какое-то заявление и отвечает на вопросы, а другая часть ее сознания была подавлена наркотиками до такой степени заторможенности, что не могло быть никакого сопротивления.

— Ее сознание и сила воли были ослаблены наркотиками, которые были применены вами в процессе лечения?

— Да.

— И вы задавали вопросы и получали от нее ответы как врач, ставящий диагноз состоянию пациента, и это было доверительной информацией?

— Да.

— Вы проводите много подобных исследований, и каково их назначение?

— Да. Они дают оценку определенным эмоциональным конфликтам на основании получаемых ответов.

— А эти ответы всегда вразумительны и точны?

— Нет.

— Есть ли вероятность, что ответы, которые вы получили на свои вопросы в данном случае, неточны?

— Такая вероятность существует.

— Вы знакомы с таким феноменом, как разговаривание во сне?

— Да.

— Было ли состояние обвиняемой сходно с тем, которое вызывают разговоры во сне?

— Очень похоже. Это был искусственно вызванный разговор во сне.

— Это все, — сказал Мейсон.

— Одну минуту, — сказал Гамильтон Бюргер. — Если бы заявления, сделанные пациентами во время исследования с помощью сыворотки истины, были бы неточны, тогда не было бы никакого смысла в проведении такого исследования, доктор.

— Я не говорил, что эти ответы были неточны. Я сказал, что существовала вероятность того, что они могут быть неточны.

— А достаточно ли велика вероятность, чтобы опровергнуть ценность этой проверки? Не взяли ли вы у этой пациентки деньги за лечение, не имевшее никакой ценности?

— Разумеется, нет. Следует понимать, как надо оценивать подобные ответы. Иногда, даже если сами ответы неточны, можно оценить эмоциональное состояние пациента.

— Следовательно, согласно вашему диагнозу, эта проверка имеет ценность?

— Определенно.

— И с помощью этой проверки вы рассчитывали выяснить, что было причиной чувства вины со стороны обвиняемой?

— Возражаю против этого вопроса как апеллирующего к проблеме лечения, — сказал Мейсон. — Он уже задавался, и возражение было поддержано. Он направлен на проникновение в отношения между пациентом и врачом и предполагает факт, не бросающийся в глаза.

— Я думаю, что вы теперь идентифицировали эту магнитофонную запись, мистер прокурор, — постановил судья Эшхерст. — Полагаю, что любые дальнейшие вопросы должны быть ограничены, кроме общих вопросов, которые касаются умственного состояния пациентки в момент, когда была сделана запись. Я думаю, что вопрос, поставленный перед высоким судом, будет теперь вертеться вокруг попытки представить эту магнитофонную запись.

— Я прошу, чтобы она была представлена в качестве улики, — сказал Бюргер.

— Я возражаю на том основании, что это магнитофонная запись конфиденциальной информации между врачом и пациентом, — сказал Мейсон. — И эта информация не подлежит разглашению, и, как выясняется, обвиняемая находилась под воздействием наркотиков, когда было сделано это заявление, поэтому есть вероятность, что любые заявления, содержащиеся на магнитофонной пленке, неточны. Это не самая лучшая улика, и в ней не заложено никаких подобающих оснований. Далее я возражаю на том основании, что до сих пор так и нет никакого доказательства состава преступления, что нет никаких улик, что Мошер Хигли умер от чего-то другого, кроме естественных причин, и что пока не будет определенного свидетельства, выявляющего уголовные действия в связи со смертью Мошера Хигли, не может быть и никакого свидетельства о заявлениях или признаниях, сделанных обвиняемой.

Судья Эшхерст повернулся к присяжным и сказал:

— Присяжные должны быть освобождены, пока это возражение рассматривается высоким судом. Они не должны обсуждать и делать комментарии по поводу этого дела и по поводу возражения, которое обсуждается высоким судом, не должны позволять обсуждать его в вашем присутствии, не должны формулировать и выражать какого-либо мнения относительно вины обвиняемой до тех пор, пока это дело не будет окончательно передано вам. Итак, присяжные освобождаются, а мы продолжим нашу дискуссию.

Гамильтон Бюргер подождал, пока присяжные покинут зал суда, а потом сказал:

— С позволения высокого суда, я могу заявить в отсутствие присяжных, что на этой магнитофонной ленте имеется определенное заявление обвиняемой, где звучит ее голос, что она отравила Мошера Хигли. Я сознаю, что хотя мы и не установили определенно, что Мошер Хигли умер в результате отравления цианидом, я обязан считать, что мы точно установили, что он не умирал в результате естественной причины. Следовательно, здесь должно было быть какое-то криминальное воздействие. Я думаю, что у нас возникло основательное предположение, что смерть была вызвана цианистым калием, так что мы можем ввести это заявление в качестве улики.

Судья Эшхерст посмотрел на Перри Мейсона:

— Я хотел бы выслушать позицию обвиняемой по этому поводу.

— Это конфиденциальная информация, — сказал Мейсон. — Она была сообщена под воздействием наркотиков. Свидетельнице ведь не было бы разрешено занять свидетельское

место и свидетельствовать, если бы она была в одурманенном состоянии. Следовательно, ей не должно быть разрешено свидетельствовать и с помощью магнитофонной записи. Такое правило в этом штате было первоначально установлено в деле «Народ против Робинсона, 19, Калифорния, 40», и оно гласило в результате, что слова, произнесенные обвиняемым в состоянии, когда он не осознавал, что говорит, не могут составлять свидетельства вины и являются неприемлемыми. Это правило поддерживается для того, чтобы исключить заявления, сделанные обвиняемыми во сне.

Этот случай, с позволения высокого суда, был впоследствии применен в деле «Чадвик против США, 141, Федеральный округ, 225».

Судья улыбнулся:

— Мне интересно, почему вы задали вопрос о разговорах во сне, мистер Мейсон. Теперь я вижу, что вы держали в уме определенную цель. Авторитетный источник, о котором идет речь, выглядит убедительно.

Судья Эшхерст перевел взгляд на Гамильтона Бюргера.

— Ну, вся эта доктрина устарела, — сказал Гамильтон Бюргер. — В деле «Народ против Рэкера, 11, Калифорния, апелляционный суд, 609» было решено, что любое свидетельство, склоняющееся к установлению того, что обвиняемый не полностью владел своими способностями в тот момент, когда он признал вину, не должно влиять на приемлемость этого признания, но должно стать свидетельством для присяжных, чтобы быть учтенным при определении весомости признания. Поэтому я настаиваю, что данное признание может быть прослушано присяжными. Адвокат защиты может затем представить все улики, которые он хочет, чтобы показать состояние обвиняемой в тот момент, когда было сделано признание. Присяжные могут учесть эту улику с целью определения, правдиво ли это признание или нет. И, с позволения высокого суда, все материальные факты показывают, что это признание правдиво.

Согласно закону, всякое признание может быть принято, если есть подтверждение улики, показывающей его правдивость. С позволения высокого суда, я прочту фрагмент из восьмого тома «Калифорнийского правоведения», страница 110: «Ввиду того, что теория, согласно которой признания, сделанные не по доброй воле, исключаются из-за их возможной ложности, в случаях, если такое признание раскрывает инкриминируемые факты, которые оказываются истинными, основание для этого правила прекращает существование, и в итоге признание, раскрывающее этот факт, и сам раскрытый факт становятся правомочными». С позволения высокого суда, это правило было применено в деле «Народ против Кастеллы, 194, Калифорния, 595», где было установлено, что там, где материальные факты и обстоятельства подтверждают признание в виновности, основание для этого правила, которое в противных случаях исключило бы признание, сделанное не по доброй воле, в данном случае перестает существовать.

С позволения высокого суда, мы хотим показать, что это признание полностью подтверждается фактами, что посторонняя улика безошибочно ставит на это признание клеймо правды. Высокий суд, когда прослушает эту магнитофонную запись, услышит, что обвиняемая заявляет, что она пошла в комнату для оружия Мошера Хигли, что она вскрыла два патрона и положила дробишки от патронов в бутылочку с ядом, а потом бросила ее в озеро. Теперь мы хотим показать, что эта бутылочка с ядом и два патрона от дробовика, которые были вскрыты, были обнаружены позади шкафа с оружием, куда, по словам обвиняемой, она их и положила.

И это несмотря на то, что некто, — здесь Гамильтон Бюргер повернулся и сардонически поклонился Перри Мейсону, — попытался создать путаницу в деле и забросил в это же озеро другую бутылочку, наполненную дробью и безвредным сахарным заменителем. С позволения высокого суда, мы намерены доказать, прежде чем это дело будет завершено, что Перри Мейсон был на озере и забросил туда какой-то предмет в то же самое место. И это незадолго до того, как

он нанял несколько молодых мальчиков, чтобы нашли подброшенную бутылочку-улику.

Судья Эшхерст нахмурился и сказал:

— Это весьма серьезная ситуация. Я думаю, что высокий суд разрешит вам, в качестве части предложения, использовать улику в отношении этих патронов от дробовика и этой бутылочки с ядом, мистер окружной прокурор, и если это дает подтверждение, то тогда высокий суд обсудит вопрос о разрешении заслушать эту магнитофонную запись для присяжных и такие улики, как эта бутылочка и патроны от дробовика, должны быть вновь представлены на рассмотрение присяжных.

— Очень хорошо, — сказал Гамильтон Бюргер. — Я приведу это доказательство высокому суду прямо сейчас, и представляю эти патроны от дробовика, и заявляю, как служащий высокого суда, что эти патроны были обнаружены в месте, на которое ссылается обвиняемая в своем признании.

Гамильтон Бюргер сделал жест своему помощнику и показал два патрона от дробовика, которые были представлены суду. Мейсон изучил их.

— Эти патроны являются патронами от дробовика 16-го калибра, на них стоит штамп «УМС № 16», — сказал судья Эшхерст. — Вата из них вытащена. Из одного патрона извлечена вся дробь, а из другого — только часть.

— Это верно, — сказал Бюргер. — Дробью наполнили пузырек, в котором содержались таблетки с цианистым калием.

— А что насчет другого пузырька? — спросил судья Эшхерст.

— Другой пузырек, — сказал Гамильтон Бюргер, — содержит сахарный заменитель, химические подслащивающие таблетки, а также содержит такую же дробь.

— У вас при себе эти пузырьки?

— Они оба у меня здесь. Один из них помечен для идентификации как вещественное доказательство «А», а другой — «Б».

Бюргер представил пузырьки. Судья Эшхерст с обвиняющим видом посмотрел на Перри Мейсона.

— Это наиболее значительный факт, что обе бутылочки были извлечены оттуда, куда обвиняемая забросила бутылочку, содержащую яд. Одна из этих бутылочек содержит яд, в точности как было описано обвиняемой, а другая — безвредный химический сахарный заменитель. Это верно, мистер окружной прокурор?

— Это верно, — сказал Гамильтон Бюргер, торжествуя и злобно косясь на Перри Мейсона.

— С позволения высокого суда, — сказал Мейсон, — я думаю, что могу дать объяснения по поводу бутылочки, содержащей безвредный сахарный заменитель, и поскольку здесь был дан намек, что я имею отношение к ее подбрасыванию, я хотел бы сейчас вызвать свидетеля, который внесет ясность по поводу этой части вопроса.

— Высокий суд разрешает вам это, — сказал судья Эшхерст. — Свидетель вызван в связи с ходатайством, адресованным исключительно к усмотрению высокого суда или в связи с возражением против допустимости улики, относительно которой высокий суд желает выслушать свидетельство.

— Это верно, — сказал Мейсон. — Я намерен попросить мистера Джексона Ньюбэрна пройти вперед и принести присягу.

Джексон Ньюбэрн, поднявшись, вышел из публики, прошел вперед, поднял правую руку и принес присягу.

— Займите свидетельское место, — сказал судья Эшхерст.

— Ваше имя Джексон Ньюбэрн, — сказал Мейсон. — Вы женаты на Сью Ньюбэрн,

являющейся ныне здравствующей племянницей Мошера Хигли. Это верно?

— Да, это верно.

— И в качестве ее мужа, и благодаря семейным связям вы имели доступ в дом Мошера Хигли, не так ли?

— Да, сэр.

— Вы бывали там время от времени?

— Да, сэр.

— Вы были там в день смерти Мошера Хигли?

— Да, сэр.

— После его смерти вы узнали, что обвиняемая сделала заявление, смысл которого гласил, что она взяла таблетки того, что, как она полагала, было сахарным заменителем, из бутылочки, находившейся в ее обычном месте, и что после того, как она дала Мошеру Хигли шоколад, содержащий эти таблетки, он обвинил ее в том, что она подсыпала яд, затем у него начались спазмы от удушья и вскоре после этого он умер, так?

— Да, сэр.

— Вы были в дружеских отношениях с обвиняемой?

— В то время я симпатизировал ей.

— Вы говорите «в то время»?

— Да. В то время я думал, что Мошер Хигли плохо с ней обращается. Я не знал в то время определенных фактов, указывавших на то, что она занималась шантажом дяди моей жены. Это я узнал позднее.

— Скажите, а ваша жена молодая женщина?

— Ей еще нет тридцати.

— У нее хорошая фигура?

— Я полагаю, что хорошая.

— А как она сохраняет фигуру? Диетой?

— Да.

— А нет ли у нее в доме таблеток заменителя, которые она использует для подслащивания?

— Есть, сэр.

— Это ведь по ее рекомендации Мошер Хигли стал пользоваться такими же таблетками, так?

— Да, сэр.

— И после того как вы выяснили, что, согласно заявлению обвиняемой, она бросила в озеро Туомби таблетки, которые, как ей казалось, были цианидом, вы попытались защитить ее, а для этого пошли к себе домой, взяли там начатую бутылочку с сахарными таблетками, наполнили ее дробинками и бросили в озеро.

— Я этого не делал.

— Что? — воскликнул Мейсон. — Не делали?

— Нет, сэр.

— Но вы же сказали мне, что сделали. Вы это признали.

— Нет, я этого не делал.

— Вы хотите сказать мне, что когда я подошел к вам в клубе на улице Уэст-Адамс, известного как Клуб исследования и развития нефтяных скважин, вы не говорили мне там на крыльце, что вы это сделали?

— Не говорил.

— Ваша честь, — непреклонно сказал Мейсон, — я здесь сталкиваюсь с ситуацией, когда свидетель совершает обдуманное лжесвидетельство. Я даю честное слово адвоката и заявляю

высокому суду, что этот свидетель сделал такое заявление мне.

— Это неправда, — спокойно сказал Ньюбэрн. — Я не делал никакого заявления.

Гамильтон Бюргер улыбнулся.

— Так-так, одну минуту, — сказал он. — У нас тут весьма своеобразная ситуация. Адвокат защиты, обвиняемый в том, что он приготовил бутылочку с сахарными таблетками, наполнил ее дробью и забросил в озеро, теперь пытается уйти от ответственности, утверждая, что эту бутылочку забросил Джексон Ньюбэрн, а тот говорит, что этого не делал. Адвокат защиты настаивает, что Ньюбэрн сказал ему, что он это сделал. Здесь мы имеем прямой конфликт между адвокатом защиты и Ньюбэрном. Один из них безусловно лжет. Я представляю высокому суду определить, кто из них больше заинтересован и кто склонен ко лжи с целью защиты своей репутации.

— Так, одну минуту, — сказал судья Эшхерст, лицо которого стало суровым. — Видимо, один из этих людей пытается сделать лживое заявление. Мистер Ньюбэрн, я хочу узнать, делали ли вы какое-либо заявление такого рода мистеру Мейсону?

— Нет, не делал.

— Я хочу доказать, что он делал, — сказал Мейсон.

— Путем вашего собственного свидетельства? — спросил судья Эшхерст.

— Да.

— И есть какие-либо подтверждения?

Мейсон поколебался какое-то мгновение, потом покачал головой и сказал:

— Никаких подтверждений, которые имели бы доказательную ценность. Моя секретарша сидела в машине, припаркованной у тротуара, и я рассказал ей все, что мне сказал мистер Ньюбэрн.

— В этом, конечно, нет никакого подтверждения, — сказал Гамильтон Бюргер. — Это просто заявление заинтересованной стороны.

— Я думаю, что высокий суд достаточно хорошо знает меня, чтобы понимать, что, хотя я и пользуюсь определенными методами, которые отдельные личности могут считать нестандартными, с целью выявления истины в том или ином деле, — сказал Мейсон, — я не стал бы подвергать себя риску, делая лживое заявление. В равной степени я бы и не дошел до того, чтобы подбрасывать улики с целью запутать полицию и защитить личность, обвиняемую в убийстве.

— Это вопрос спорный, — сказал Гамильтон Бюргер. — У вас в таких вопросах существуют собственные и своеобразные этические нормы, и я не претендую на выяснение, что это за нормы. И все-таки я должен заявить высокому суду, что мы имеем ситуацию, где свидетель Ньюбэрн заявляет, что у него не было с Мейсоном такого разговора, а Мейсон хочет клятвенно заявить, что разговор был. С какой же целью? Все, что делает Мейсон, ведет к тому, чтобы бросить тень на свидетеля. Но человек не может бросить тень на собственного свидетеля, и даже если он это и сделает, то такое заявление будет только в целях обвинения. Оно может помочь установить факт.

— Это верно, — сказал судья Эшхерст. — Если мистер Мейсон займет свидетельское место, то все, что он сможет сделать, это поставить под сомнение правдивость этого свидетеля, а это же его собственный свидетель. Но если он в самом деле предъявит такое обвинение, то и это не установит того факта, что свидетель действительно бросил эту бутылочку в озеро. Это формальное юридическое правило, но, как подчеркнул адвокат защиты, это такое дело, в котором он намерен полагаться на технические формальности, и обвинение имеет право на защиту, согласно закону, точно в той же мере, что и обвиняемая.

Мейсон, лицо которого покраснело от гнева, сказал:

— Ваша честь, мне хотелось бы получить перерыв до десяти часов следующего дня. Я тщательно рассмотрю этот вопрос и намерен предпринять некоторые шаги, чтобы установить истину. Я убежден в своих фактах и знаю, что этот свидетель сделал мне определенное заявление, о котором я сообщил высокому суду.

Судья Эшхерст подумал несколько мгновений, а потом сказал:

— Конечно, хоть речь сейчас и не об этом, высокий суд всегда считал Перри Мейсона добросовестным и точным в любых его заявлениях, сделанных высокому суду.

Гамильтон Бюргер встал и сказал с презрительной усмешкой:

— Адвокат защиты постоянно прибегает ко всем видам надувательства в связи с его делами. На этот раз он зашел слишком далеко, и теперь, когда он оказался в западне, он сообразил, что на карту поставлена его профессиональная репутация. Мне неприятно, что приходится делать такие замечания, но я предлагаю, чтобы высокий суд рассмотрел это ходатайство.

Мейсон, который изучал вещественные доказательства, повернулся к Бюргеру:

— Одну минуту. Вы хотите представить это признание обвиняемой на основании предположения, что среди прочего оно подтверждается обнаружением этих патронов от дробовика в том самом месте, где, по ее словам, она оставила их, и что эти патроны от дробовика составляют достаточное подтверждение для того, чтобы они могли выступать здесь как улика, так?

— Именно так, — сказал Гамильтон Бюргер.

— Очень хорошо, — улыбнулся Мейсон, — я поддержу вас в этом юридическом соревновании. Если для вас это предмет спора, то я снимаю все возражения против записанного на магнитофон признания.

— Пойдите, пойдите, подождите минуту, — сказал судья Эшхерст, — вы не можете сделать этого, мистер Мейсон. Вы должны защищать права обвиняемой. Здесь поднят серьезный вопрос, можно ли использовать признание, сделанное под воздействием наркотиков, составляет ли это конфиденциальную информацию. Высокий суд пока еще не готов объявить свое постановление по этим возражениям, но они являются существенными возражениями, затрагивающими реальные права обвиняемой, и...

— Я снимаю это возражение, — сказал Мейсон, — при условии, что окружной прокурор будет идти дальше, как он и обозначил. Я принимаю его вызов и вступлю в поединок на этой почве.

— Я пытаюсь указать, что вы не можете сделать этого, — сказал судья Эшхерст. — Вы не можете отказаться от защиты прав обвиняемой. У вас может быть на этот счет какая-то теория, но высокий суд должен признать, что он не понимает, что это за теория. Тем не менее высокий суд вполне понимает, что у вас есть весьма убедительное формальное возражение, которое может привести к прекращению всего дела, если высокий суд вынесет постановление в вашу пользу.

— И что навсегда оставит обвиняемую клейменной позорным клеймом женщины-убийцы, которая спаслась с помощью технических формальностей, — сказал Мейсон. — Нет, ваша честь, я представляю обвиняемую, которая находится в моих руках. Я снимаю возражение. Продолжайте. Вызывайте присяжных обратно в суд. Пускай прокурор использует свои подтверждения, а потом проиграет эту магнитофонную запись присяжным.

— Это меня устраивает, — торжествующе сказал Гамильтон Бюргер.

— Я не думаю, что вы имеете право делать это, — сказал судья Эшхерст.

— Как адвокат, представляющий интересы обвиняемой, я имею право вести дело так, как мне представляется подходящим, — ответил ему Мейсон.

— Но вы сами имеете прямую заинтересованность в этом деле, мистер Мейсон. Я сожалею, что приходится подчеркивать это вам, но вы сами замешаны в этом деле. И здесь, конечно, есть естественный соблазн, чтобы... чтобы... Высокий суд едва не сказал «спасти вашу собственную шкуру», но это слишком уж сильное выражение.

— Да пускай это так и будет. Давайте предположим, что я пытаюсь спасти свою собственную шкуру. Тем не менее я намерен разобраться в этой проблеме во всеоружии, прямо здесь и сейчас. Обвиняемая не хочет жить всю жизнь, опозоренная тем, что убила своего благодетеля и воспользовалась технической формальностью, чтобы избежать правосудия. Давайте разберемся в этом.

— Обвинение принимает эту ситуацию, — с энтузиазмом сказал Гамильтон Бюргер. — Ваша честь, возражение снято, и я чувствую, что высокому суду нечего постановить.

— Это возражение снимается только в той степени, — сказал Мейсон, — в которой вы собираетесь представить эти патроны от дробовика и бутылочку, содержащую яд.

Это верно, — торжествующе сказал Гамильтон Бюргер.

Мейсон повернулся и пошел к адвокатскому столу, этим завершая дискуссию. Судья Эшхерст в задумчивости пощипал свой подбородок, внимательно поглядывая на Мейсона.

— Возражение снято, высокому суду ничто не препятствует, — настоятельно сказал Гамильтон Бюргер.

— Очень хорошо, — с неохотой заметил судья Эшхерст. — Пускай эта запись в точности покажет нам, что же произошло. Итак, высокий суд просит обвиняемую встать. Мисс Фарр, не будете ли вы любезны встать? — Надин Фарр встала. — Вы слышали, что сказал ваш адвокат?

— Да, ваша честь.

— Не желаете ли вы, чтобы высокий суд назначил другого адвоката для вашей защиты?

— Нет, ваша честь.

— Вы удовлетворены позицией, занятой вашим адвокатом?

— Что бы ни сказал мистер Мейсон, для меня это нормально, — сказала она.

Судья Эшхерст сомнительно покачал головой.

— У высокого суда все еще нет уверенности в этом вопросе. И он намерен сделать перерыв и повнимательнее рассмотреть этот вопрос. Высокий суд откровенно заявляет, что технические возражения в отношении состава преступления представляются имеющими существенные фактические основания. Тот факт, что это так называемое признание было сделано под воздействием наркотиков, а также что это был доверительный разговор с врачом в четырех стенах клиники с целью лечения, — все это создает очень серьезную техническую ситуацию.

— С позволения высокого суда, — сказал Гамильтон Бюргер, — у меня есть другие основания. Когда пациент признается в каком-либо преступлении врачу, то тот не может считать это доверительной информацией.

— Но этот врач — психиатр, — заметил судья Эшхерст. — Я знаком с рядом решений, указывающих, что признание в преступлении не обязательно дает возможность врачу установить диагноз, и это не доверительная информация. Но здесь мы имеем дело с психиатром, который, согласно вашим собственным словам, пытался исследовать скрытые причины виновности пациента.

— Я мог бы сократить все это, если вам будет угодно, — сказал Мейсон. — Я могу доказать прямо здесь и сейчас, что обвиняемая никогда не бросала эту бутылочку с ядом в озеро Туомби.

— И как же вы собираетесь доказать это? — агрессивно и требовательно спросил Гамильтон Бюргер. — Это еще одна рассчитанная на показной эффект игра, еще одна попытка повлиять на прессу. Вы...

Судья Эшхерст стукнул своим молотком.

— Достаточно, мистер прокурор. Мистер Мейсон, вы хотели что-то показать высокому суду?

— Да вот только это, — сказал Мейсон. — Взгляните на набивку патронов 16-го калибра, которые наполнены формованной дробью номер 5. Взгляните на бутылочку, помеченную как вещественное доказательство «А» и содержащую яд. Посмотрите на дробинки. Это дробь номер 7, а половина из нее — птичья дробь номер 8. Это совершенно точно не дробь номер 5. И вы еще видите несколько дробинок номер 5, которые остались вот в этом патроне, только наполовину опустошенном. Иными словами, ваша честь, бутылочка, содержащая безвредный сахарный заменитель, вещественное доказательство «Б», — в ней содержится формованная дробь номер 5, взятая из патронов от дробовика. А бутылочка, вещественное доказательство «А», содержащая цианистый калий, содержит также дробь номер 8 или 9. Эта нагрузка — значительно более мелкая птичья дробь, предназначенная для охоты из засады или с возвышенных мест. А заряд в патронах, которые были обнаружены в месте, указанном в магнитофонном признании, содержит дробь, используемую для утиной охоты.

Итак, я прошу, чтобы мы взяли весы и сейчас, прежде чем возникнет какая-либо возможность исказить эту улику, взвесили бы дробь, обнаруженную в обеих бутылочках. Думаю, вы увидите, что дробь в бутылочке, содержащей безвредный сахарный заменитель, соответствует точному весу дроби, взятой из двух патронов, найденных в комнате для оружия, а дробь в бутылочке, содержащей цианистый калий, определенно происходила из другого источника.

Судья Эшхерст взял обе бутылочки и быстро взглянул на Гамильтона Бюргера.

— Ваша честь, — сказал Гамильтон Бюргер, — это еще один рассчитанный на эффект спектакль. Это же... Откуда мне знать, что произошло? У адвоката защиты была возможность подменить эти бутылочки. Я определенно обвиняю его в том, что он зашвырнул одну из этих бутылочек...

— Какую? — спросил Мейсон.

— Вещественное доказательство «Б», — огрызнулся Гамильтон Бюргер.

— Хорошо, — сказал Мейсон, — значит, вы утверждаете, что обвиняемая бросила вот эту бутылочку, вещественное доказательство «А»?

— Это верно.

— Тогда ее признание не может быть в достаточной мере подкреплено, поскольку дробь в вещественном доказательстве «А» взята не из двух патронов от дробовика. Вы заявили, что намерены построить все ваше дело на теории, что это признание может быть представлено, если оно будет подкреплено самостоятельной материальной уликой.

Гамильтон Бюргер посмотрел на обе бутылочки и сказал:

— Я не знаю определенно... Конечно, всегда есть вероятность, что эти наклейки были подменены.

— В таком случае, — сказал Мейсон, — бутылочка, по поводу которой вы обвиняете меня, будто бы я бросил ее в озеро, должна содержать цианистый калий, а бутылочка, которую бросила в озеро обвиняемая, содержит этот сахарный заменитель.

Гамильтон Бюргер хотел что-то сказать, потом оглянулся на газетных репортеров.

— Давайте сделаем перерыв, — сказал он, — пока мы не сможем расшифровать некоторые из этих фактов.

— Давайте не будем делать перерыва и не предоставлять никакой возможности произвести какую-либо подмену, пока мы не разберемся в этих вещах точно, — сказал Мейсон.

— Давайте вызовем в суд эксперта-баллистика из службы шерифа, попросим его принести весы и разобраться с этими дробинками.

Судья Эшхерст кивнул судебному приставу:

— Вызовите эксперта-баллистика из службы шерифа, мистер судебный пристав.

Александр Рэдфилд был экспертом-баллистиком, который сыграл столь выдающуюся роль в одном из дел Перри Мейсона, где была замешана рыжеволосая официантка, обвиняемая в убийстве. После завершения тестов, проведенных прямо на глазах у судьи Эшхерста и замершего в напряженном драматичном молчании зала суда, Рэдфилд взглянул на Мейсона с уважением, доходящим до благоговейного трепета.

— Мистер Мейсон абсолютно прав, ваша честь. Патроны, которые были найдены в комнате с оружием и которые я предварительно исследовал по просьбе окружного прокурора, содержат дробь номер 5. Эти дробинки имеют двенадцать сотых дюйма в диаметре и в среднем их по сто семьдесят штук на унцию. Они изготовлены компанией Ремингтона, и каждый патрон содержит приблизительно одну и еще одну восьмую унцию дроби. Дробь, которая находится в этой бутылочке, содержащей сахарный заменитель, вещественное доказательство «Б», происходит из этих патронов. Дробь в этой бутылочке имеет тот же вес, что и свинцовая дробь, исчезнувшая из двух патронов.

С другой стороны, дробь в бутылочке с цианидом, которая помечена как вещественное доказательство «А», это мелкая дробь, и, честно говоря, я не думаю, что она происходит из патрона от дробовика. Если высокий суд разглядит, то на этих дробинках своеобразное покрытие. У меня пока еще не было времени сделать химический анализ, но я думаю, что он определит, что вещество, покрывающее эти дробинки, — чернила. — Чернила? — воскликнул судья Эшхерст.

— Именно так, ваша честь. Высокий суд, возможно, замечал, что в некоторых гостиницах, где пользуются обычными ручками, часто стоит стеклянный резервуар, наполненный мелкой дробью, в который они помещены. Это устаревший обычай, который в основном вышел из моды, но он все еще существует в определенных местах. Стальное перо держит чернила и с течением времени ржавеет. Устранить чернила с пера пытаются тем, что помещают перо в резервуар, где содержится множество мелких дробинки. У чернил есть тенденция отставать от пера и прилипать к таким дробинкам, и я полагаю, что здесь также происходит химическая реакция, которая защищает стальные перья от коррозии, хотя я и не вправе сделать об этом определенное заявление. Тем не менее вы заметите, что мелкие дробинки в бутылочке, содержащей цианид, вещественное доказательство «А», отличаются определенным изменением цвета, и я думаю, что это чернила.

— Итак, — вмешался Мейсон, — я хотел бы, чтобы высокий суд приказал полиции немедленно проверить в клубах, в которых состоит Джексон Ньюбэрн, — начать они, кстати, могут с Клуба изучения и развития нефтяных скважин на улице Уэст-Адамс, — и посмотреть, нет ли там на письменных столах или в комнатах для письма стеклянных резервуаров, содержащих дробинки, сходные с этими, обнаруженными в вещественном доказательстве. Я также хотел бы, чтобы высокий суд распорядился конфисковать эти дробинки и подвергнуть анализу чернила на них, чтобы посмотреть, не совпадают ли они с теми, что были обнаружены на дробинках в бутылочке, в вещественном доказательстве «А». Я полагаю, что вскоре можно будет доказать, что дробинки в бутылочке, содержащей цианид, появились из комнаты для письма одного из этих клубов.

Судья Эшхерст взглянул на Джексона Ньюбэрна и сказал:

— Высокий суд выносит такое распоряжение и считает это делом величайшей важности и...

— В этом нет необходимости, — выпалил Ньюбэрн.

— Что? — воскликнул судья Эшхерст. — Подойдите сюда. Возьмите это кресло для свидетеля. Вы можете отойти в сторонку, мистер Рэдфилд.

— Мистер Мейсон прав, — сказал Ньюбэрн, голос которого стих настолько, что суду было трудно различать слова. Он опустил в свидетельское кресло. — Я взял дробинки, которые в этой бутылочке, из стеклянного резервуара в Клубе нефтяных скважин. У них есть комната для письма, в которой стоит шесть письменных столов, а на них стеклянные чернильницы. На каждом столе есть резервуар с дробью, где и держат ручки для письма. Я... я взял эти дробинки оттуда.

— Так, одну минуту, — сказал судья Эшхерст.

— Давайте-ка посмотрим, верно ли я вас понял. Значит, вы и есть тот самый, кто положил дробинки из этих резервуаров, вот те, которые вы достали в клубе, в эту бутылочку, содержащую цианид и помеченную как вещественное доказательство «А»?

— Да, ваша честь.

— И что же вы сделали с этой бутылочкой?

— Я забросил ее в озеро.

— Вы сейчас говорите о бутылочке, содержащей цианид, а не о бутылочке с сахарным заменителем?

— Да, ваша честь.

— И вы в самом деле говорили Перри Мейсону, что вы бросили в озеро бутылочку с таблетками сахарного заменителя?

— Да, ваша честь.

— Я приказываю взять этого человека под стражу за умышленное лжесвидетельство и подозрение в убийстве, — рассерженно сказал судья Эшхерст. — Полиции направиться в этот клуб и немедленно конфисковать эту улику.

— Возможно, высокому суду захочется спросить свидетеля, где он раздобыл цианид, — сказал Мейсон.

Судья Эшхерст рассерженно повернулся к Ньюбэрну и сказал:

— Итак, вы весьма недвусмысленно виновны в вопиющем лжесвидетельстве суду. Вы также можете быть обвинены в убийстве. Все, что бы вы ни сказали, может быть использовано против вас. Я хотел бы, чтобы вы поняли это. У вас есть право посоветоваться с адвокатом, если вы пожелаете. Итак, где вы достали цианид, который вы положили в бутылочку?

— В лаборатории, где работает Джон Локк.

— А как же вы взяли его оттуда?

— Эта лаборатория выполняет работу для одной нефтяной компании, в которой у меня есть некоторый интерес... По сути дела, я способствовал тому, чтобы компания мистера Локка получила эту работу.

— Значит, — сказал судья Эшхерст, — вы и достали цианид, который стал причиной смерти Мошера Хигли?

Ньюбэрн с испугом посмотрел на судью и покачал головой.

— Вы этого не делали?

— Нет, — сказал Ньюбэрн, — но одному Господу известно, удастся ли мне теперь доказать это.

— Для чего вы сделали все это? — спросил Мейсон доброжелательным голосом.

— Я сделал это, чтобы защитить свою жену.

— Каким образом? — спросил Мейсон.

— Когда я сделал это, я был убежден, что признание Надин было просто-напросто галлюцинацией расстроенного сознания, вызванной наркотиками, но я знал, что моя жена... то

есть я думал, что моя жена убила его, и я пытался защитить ее.

— И как же вы пытались защитить ее? — спросил Мейсон.

— Как только я узнал, что Надин сделала такое признание и его записали на магнитофон, я понял, что полиция направится рыскать по дну озера Туомби. И если они не найдут цианид в бутылочке, наполненной дробью, это приведет к тому, что станет очевидным, что это признание было попросту... ну этаким миражом. Но вот если бы они нашли, то тогда они сочли бы это признание достоверным.

— И что же вы сделали? — спросил Мейсон.

— Таблетки с цианидом одно время я держал у себя дома, — сказал Ньюбэрн. — Достал их примерно за месяц до смерти Мошера Хигли. Нас беспокоили собаки, которые разрывали цветочные клумбы моей жены. И она твердо решила отравить их. Я сказал ей, что травить собак было бы преступлением, но она хотела отомстить. Я ей сказал, что если она попытается купить яд, то его путь можно проследить, и... ну, мы обсудили это, и в конце концов я согласился достать для нее таблетки цианида из банки, которая, как я знал, находилась в лаборатории, где работал Джон Локк. В то время я часто навещал лабораторию, поскольку компания, нанявшая Локка, делала химический анализ определенных примесей, которые использовались в некоторых из моих операций по нефтяному бурению.

— И вы предположили, что ваша жена воспользовалась несколькими из этих таблеток цианида, чтобы отравить Мошера Хигли? — спросил Мейсон, и Ньюбэрн кивнул. — И, стало быть, вы чувствовали, что, если полиция обыщет это озеро и обнаружит бутылочку, в точности такую, как описала Надин, это сняло бы подозрение с вашей жены?

— Все обошлось бы хорошо, если бы не эта сумасшедшая идея Надин, — сказал Ньюбэрн, — но как только ей пришла в голову эта идея, я понял, что они проведут эксгумацию тела Мошера Хигли. У меня не было достаточных знаний относительно воздействия бальзамирующей жидкости, чтобы знать, что она уничтожит свидетельства цианида, поэтому я думал, что они проследят за путем цианида через меня к моей жене и... ну, она отравила двух этих собак, и соседи уже подозревали и... Вы можете понять мое положение...

— Стало быть, когда я разговаривал с вами, — сказал Мейсон, — то, опасаясь, что может показаться, будто вы забросили одну из этих бутылочек в озеро Туомби, вы попытались очиститься, заявив, что вы бросили бутылочку, содержащую сахарный заменитель, так?

— Да, верно.

— Что же заставило вас думать, что ваша жена отравила Мошера Хигли?

— В то время я думал, что отравила. Теперь я знаю, что она этого не делала.

— Что вы знаете? — требовательно спросил судья Эшхерст.

— Я знаю, что она этого не делала.

— А откуда вы это знаете?

— Потому что она мне так сказала.

— Ваша честь, — утомленно сказал Гамильтон Бюргер, — мы снова пришли туда же. Это снова блуждание в трех соснах, снова этакое драматическое перемешивание и перетасовывание свидетельств и свидетелей и...

— Сядьте и сидите спокойно, — сказал судья Эшхерст. — Этим я занимаюсь. Я не намерен быть неучтивым, но мы здесь быстро приближаемся к решению. Это, возможно, окажется не то решение, которого вы ждете, но это именно то решение, которого желает высокий суд. И больше не перебивайте. — И судья Эшхерст повернулся к Ньюбэрну: — Итак, вы говорите, что знаете, что ваша жена не отравила Хигли, потому что она вам так сказала?

— Да, ваша честь.

— Но что же вначале заставило вас считать, что она отравила Мошера Хигли?

— Дело в том, что она была там перед его кончиной. Я знаю, что она спускалась вниз, в столовую, когда перемешивался этот шоколад. Она поглядела кругом, ища Надин, но не смогла найти ее. Она звала капитана Хьюго, но и его поблизости не оказалось. Она могла пройти на кухню и увидеть там двойной кипяtilьник, на котором растапливался этот шоколад, и я... Естественно, я предположил, что она сделала это и положила туда яд.

— Почему же?

— Потому что мы обнаружили кое-что, что было самым тревожным.

— Что же это?

— Мы обнаружили, что Мошер Хигли убил своего компаньона, который был отцом Надин Фарр. Она раскрыла эту ситуацию и потребовала от Мошера Хигли определенных вещей. Он уступил, но поскольку в самом деле был виновен, то признался Сью.

— Сью — это ваша жена?

— Да.

— Когда было сделано признание?

— За день до его смерти.

— Таким образом, — сказал судья Эшхерст, — вы и ваша жена почувствовали, что в результате признания ваше право на наследство оказывается под угрозой и что вследствие этого убийства у Надин Фарр возникает претензия на наследство?

— И даже более того, — сказал Ньюбэрн. — После смерти своего компаньона Хигли так распорядился делами компании, что мошенническим образом завладел его именем. Видите ли, Роза Фарр, мать Надин, была мозгом компании. Она была и секретаршей, и бухгалтером, и счетоводом, а в целом таким живым телеграфом. Она держала в голове все эти факты. После смерти этого компаньона Роза Фарр осталась беременной и...

— Вы сейчас вступаете в довольно сложную ситуацию, — сказал судья Эшхерст.

— Давайте-ка остудим ее до чего-то попроще.

— Ну, Мошер Хигли убил своего компаньона и завладел его деньгами. Компаньон оставил завещание, передающее всю его долю в компании Розе Фарр, матери Надин. В таких обстоятельствах если бы Надин наняла адвоката, который бы предъявил претензию, что эти деньги удерживались Мошером Хигли в виде непроизвольной опеки для нее... ну, это была бы ужасная ситуация. Сама Надин пока что не знала этих фактов, то есть она догадывалась о них, но у нее не было никаких доказательств. Мошер Хигли умер. Он понимал, что долго ему жить уже не придется, и... он был испуган. В общем, он сознался нам.

— Вам или вашей жене?

— Нам обоим.

— И что же вы сделали?

— Мы сказали ему, чтобы он не делал ничего, пока мы не увидимся с адвокатом.

— И вы увиделись с ним?

— Нет. Его смерть... ну, вы понимаете, что если он умер от отравления цианидом, то... Его смерть оказалась чрезвычайно своевременной. Часть земли имеет потенциальную ценность как нефтеносная. По сути дела, я мог бы сказать, что она весьма ценная.

— И вследствие этого факта вы подумали, что ваша жена убила его.

— Это... и то, что она сказала.

— А что же она сказала?

— Она сказала, что такая ситуация не может продолжаться и что она не собирается позволить Надин включиться в это дело и выдернуть из-под нас ковер. Мы разговаривали о том, что могло бы случиться, и она сказала, как бы, мол, было мило, если бы Мошер Хигли подходящим образом умер бы, прежде чем... Потом мы обсудили... То есть она обсудила насчет

цианида. Она спросила меня, что произошло бы, если бы поместить несколько таблеток цианида в его шоколад вместо... Ваша честь, это всего лишь одно из этих недоразумений. Я... я загнан в ловушку этими событиями, но... но Сью говорит мне, что этого не делала.

— Понимаю, — саркастически сказал судья Эшхерст. — Вы с вашей женой, зная, что Мошер Хигли был убийцей и похитителем чужих денег, что он обманом лишил Надин Фарр ее наследства, были не только заинтересованы в том, чтобы никто не узнал правды, но вы еще и обсуждали, сколько яда понадобится, чтобы увидеть, что он «своевременно скончался», прежде чем могло бы быть предпринято какое-либо действие.

— Я... мы говорили об этом... но не хладнокровно, просто что-то вроде... это была просто возможность, которую мы исследовали.

— И вы предполагали, что ваша жена убила его. Итак, несмотря на всю глубину порочности, раскрытую вашим свидетельством, только на основании того, что ваша жена говорит вам, что она не убивала его, вы принимаете ее слова на веру и считаете, что она невиновна?

— Если бы Сью сделала это, она бы рассказала мне, — сказал Ньюбэрн.

— И на этой ноте, полной моральной деградации, — резко сказал судья Эшхерст, — суд намерен объявить перерыв. Высокий суд приказывает взять этого свидетеля под стражу и предлагает полиции немедленно арестовать Сью Ньюбэрн, его жену, и обвинить ее и мужа в убийстве. Суд объявляет перерыв до четырех часов. Присяжным рекомендуется вынести прямой вердикт о невиновности, когда суд соберется снова. А до тех пор суд откладывается.

И судья Эшхерст ударил своим карающим молотком.

Объявленный в суде перерыв вызвал в зале замешательство и, как впоследствии заявила одна из газет, стер из памяти само воспоминание о столпотворении, связанном с участием в деле Перри Мейсона. Гамильтон Бюргер, ошеломленный, раздосадованный и рассерженный, проталкивался к выходу из зала суда. Джексон Ньюбэрн и его жена, взятые под стражу, под конвоем брели в тюрьму, и Джексон просил свою жену рассказать правду. Сью Ньюбэрн плотно стиснула губы, и можно было услышать ее рассерженный крик:

— Ты слабовольный болтун! Ты болван! Ты хитрый крысенок! Ты никогда больше не получишь ни цента из моих денег до конца моей жизни!

Ньюбэрн достаточно смиренно, но все же понимая суть вопроса, говорил:

— Милая, у тебя нет денег, и, черт подери, ты уже ничего не получишь.

Делла Стрит и Пол Дрейк прижались к Мейсону и обвиняемой, поздравляя их. Надин Фарр, то смеясь, то плача, была в состоянии истерики. Женщина-полицейский сказала:

— Сожалею, но мне придется взять ее под стражу. Высокий суд формально пока еще не освободил обвиняемую.

Мейсон похлопал Надин по спине:

— Теперь все хорошо, Надин. Вы только расслабьтесь. Она кивнула, продолжая плакать, потом вытерла слезы и принялась смеяться, потом импульсивно обхватила руками Мейсона, прижалась к нему потеснее и поцеловала его. Газетные фотографы, внимательно наблюдавшие за каждым мало-мальски привлекательным действием, защелкали камерами. Один из фотографов, пропустивший этот момент, сказал:

— Мисс, не могли бы вы проделать это еще разок? Я не успел это снять.

— Не возражаю. Женщина-полицейский, снисходительно улыбаясь, подождала, пока фотограф сделает снимок, а затем увела Надин.

Что же ты сделаешь теперь? — спросил Пол Дрейк. — Что будет делать Гамильтон Бюргер?

— А Бог его знает, — сказал Мейсон. — Но вот что интересно: есть девяносто девять шансов из ста, что он собирается проделать нечто неправильное.

— Каким же образом?

— Он хочет обвинить Сью Ньюбэрн в убийстве.

— Ну и что же?

— И на сей раз он не получит никакого признания, — сказал Мейсон. — Он не сможет доказать состава преступления, и что Мошер Хигли умер от отравления цианистым калием, и как это было проделано.

— Разумеется, свидетельство Джексона Ньюбэрна сделает это... — Тут Мейсон захихикал, и Дрейк спросил: — В чем дело?

— Свидетельство Джексона Ньюбэрна не будет приемлемым, — сказал Мейсон. — Муж не может свидетельствовать против жены в судебных слушаниях такого рода, если только жена не даст на это согласия. Итак, мы сможем насладиться спектаклем, когда Гамильтон Бюргер, после того как его многократно представили в газетах как «лучезарно улыбающегося», будет беспомощно метаться в ловушке наподобие щенка, гонящегося за собственным хвостом и неспособного ухватить его.

— Но не хочешь же ты сказать, что ей сойдет с рук обдуманное убийство и она не будет схвачена? — спросил Дрейк.

— А кто сказал, что она совершила обдуманное убийство?

— А разве нет?

— Ты, возможно, просмотрел важную вещь в свидетельстве, сделанном Ньюбэрном, — сказал Мейсон.

— Я думал, что понял все.

— Ты пропустил важную часть.

— Что же именно?

— Вспомни, — сказал Мейсон, — что, когда Джон Локк поехал в тот дом, чтобы попытаться взять таблетки цианида, он отправил в спальню Надин капитана Хьюго, чтобы тот забрал эту бутылочку. Капитан Хьюго принес ему ее и отдал бутылочку Джону Локку. В ней не хватало четырех таблеток. Пока что так и не было раскрыто, что же произошло с этими четырьмя таблетками.

— Господи, шеф, — сказала Делла Стрит, — вы ведь ни на...

— Ты забыла, что Надин Фарр допрашивали под воздействием сыворотки истины, — сказал Мейсон. — Она была в достаточной степени накачана наркотиками, так что доктор Динэйр получил хорошую реакцию. Она рассказала ему эту историю так, как знала ее.

— Но эта бутылочка с цианидом... но ведь, шеф, согласно тому, что сказал Джон Локк, эта бутылочка с цианидом, вся, кроме четырех таблеток, должна была уже быть вне дома к тому времени, когда Надин смешивала этот шоколад.

— Это верно, — сказал Мейсон, — но не забывай, что четыре-то таблетки исчезли.

— Тогда ее рассказ был правдивым. Она в самом деле взяла эту бутылочку с химическим подслащивателем и...

— Эта бутылочка с химическим подслащивателем, — сказал Мейсон, — была выброшена в озеро. И была найдена и обозначена Гамильтоном Бюргером как вещественное доказательство «Б», в которой была дробь из патронов от дробовика.

— Но тогда как же умер Мошер Хигли? — спросил Пол Дрейк.

— Есть только одна альтернатива, и я думаю, что все вы просмотрели важную вещь в свидетельстве Ньюбэрна, из которой следует, что, когда его жена проскользнула в направлении столовой, она никого не видела и что не смогла найти ни Надин, ни капитана Хьюго, а двойной кипятивник с шоколадом стоял на плите, и все там уже растворилось, и...

— Вы хотите сказать, что она в самом деле в это время опустила туда цианид?

Мейсон покачал головой и сказал:

— В это время Надин была на рынке, но вот как насчет капитана Хьюго?

— А что насчет него?

— Он же сказал нам, что все время был в столовой и мыл там окна. Но ни Джексон Ньюбэрн, ни Сью Ньюбэрн не видели его. Капитана Хьюго Джон Локк послал за бутылочкой с цианидом. Когда он принес ее, в ней не хватало четырех таблеток. Капитан Хьюго испытывал сильную симпатию к Надин Фарр. Ему не нравилось то, как Мошер Хигли относился к ней. Он провел с ним долгие годы. И, несомненно, знал все насчет Розы Фарр, все об этом скандале и о смерти компаньона Хигли. Разве кто-нибудь может возразить, что, по мнению капитана Хьюго, ситуация зашла достаточно далеко? Для него настало время уйти в отставку, в эту маленькую лачужку у моря, где он мог бы вволю заняться рыбной ловлей, а для Надин настало время избавиться от того, чтобы ею помыкали.

Пол Дрейк с ужасом посмотрел на Мейсона.

— Черт меня подери, — сказал он. — Когда ты заканчиваешь прикидывать, все становится на свои места. И в точности совпадает. Боже мой, Перри, что же ты собираешься делать? Ты собираешься подсказать Гамильтону Бюргеру, чтобы он смог заграбастать капитана Хьюго, прежде чем тот скроется с глаз долой?

— Мы предоставим Гамильтону Бюргеру некоторое время самому выгребать на своей лодочке, Пол, — сказал Мейсон. — В конце концов, он не стал бы приветствовать нашу помощь... во всяком случае, в настоящее время. После того как он осознает юридические проблемы доказательства, с которыми он столкнулся, я немного поболтаю с ним... А может быть, лучше это сделать тебе, Пол. Он, возможно, будет менее обижен, если информация придет от тебя. Так что если ты просто будешь тут околачиваться рядышком, Пол, я думаю, что в надлежащее время ты сможешь очень тактично сделать Бюргера обязанным тебе... но оставь уж меня вне этого.

Многое нужно для того, чтобы что-либо отразилось на обычно невозмутимом лице Пола Дрейка, но на сей раз его глаза расширились от удивления и пробуждающегося постижения.

— Черт меня подери! — медленно повторил он.